ISSN 2078-7898

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Серия ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014

Выпуск 4 (20)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2014 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барг (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Елена Леонидовна Омельченко* (профессор, докт. социол. наук, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Растко Мочник* (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт, филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн (*профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Alexander Yu. Vnutskikh (Professor, Doctor of Philosophy)
Deputy Editor-in-Chief
Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Candidate of Psychology)

PHILOSOPHY
Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY
Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), Elena E. Sapogova (Professor, Doctor of Psychology, Tula), György Sarvari (Doctor of Philosophy, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY
Zinaida P. Zamaraeva (Professor, Doctor of Sociology, Perm), Evgeniya A. Kogai (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), Elena L. Omelchenko (Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg),Galina I. Osadchaya (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Tatyana N. Yudina (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Rastko Močnik (Professor of the Department of Sociology, University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council
Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Spain),
Stefan McDowell (John H. Phipps Professor of Communication, Florida State University, USA),
Michael Ruse (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, USA),
Alexandre Strokanov (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Vermont, USA),
Dmitri Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Žiga Knap (Professor, Doctor of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia),
Isaac Eberstein (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Florida State University, USA), *Paul Eitken* (adjunct professor of the School of Business, Bond University, Australia)

Address of Editorial Board
Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Девальвация международного права. Статья первая: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях ***Мусаелян Л.А.***	5	The devaluation of international law. The first paper: Phenomenology and doctrinal factors of legal nihilism and double standards within the sphere of international relations ***Lyeva A. Musayelyan***
Теории референции в классической и неклассической философии ***Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.***	14	Theories of reference in classical and non-classical philosophy ***Galina A. Ermolenko, Sergey B. Kozhevnikov***
Pars pro toto — часть вместо целого? ***Курбатова Л.В., Столбова Н.В.***	20	Pars pro toto — part instead of the whole? ***Ludmila V. Kurbatova, Natalia V. Stolbova***
Современный социально-биологический кризис как техно-гуманитарный дисбаланс ***Желнин А.И.***	28	Contemporary sociobiological crisis as techno-humanitarian disbalance ***Anton I. Zhelnin***
Технонаука как современный этап развития технического знания ***Ястреб Н.А.***	33	Technoscience as a present stage of the development of technical knowledge ***Natalia A. Yastreb***

ПСИХОЛОГИЯ

Психологический анализ концептуальной модели ценностной саморегуляции будущих педагогов ***Галян И.М.***	38	Psychological analysis of the conceptual model of value self-regulation of future teachers during their professional development ***Igor M. Halyan***
Смыслообразующая активность субъекта и типы ценностной направленности личности ***Калугин А.Ю.***	46	Meaning-making activity of the subject and the types of value orientation of the personality ***Alexei Yu. Kalugin***
Социальные ожидания в теориях мотивации личности ***Попович И.С.***	53	Social expectations in the theories of motivation of personality ***Igor S. Popovych***
Особенности психоэмоционального состояния пострадавших, переживших потерю ребенка вследствие чрезвычайной ситуации ***Онищенко Н.В.***	64	Features of psycho-emotional state of the victims, suffered the loss of a child due to emergency ***Natalia V. Onischenko***

Влияние эмоциональных переживаний на индивидуальное поведение спортсменов по пулевой стрельбе в ситуации соревновательной деятельности
Шарипова Д.С.
71
Influence of emotional distress on athletes in shooting's individual behavior in the situation of competitive activity
Dariya S. Sharipova

Французский и российский образ психоанализа
Смирнова И.В.
78
French and Russian image of psychoanalysis
Irina V. Smirnova

СОЦИОЛОГИЯ

Понятие коммуникативного пространства в организации
Балезина Е.А.
90
The concept of communicative environment in organization
Ekaterina A. Balezina

Риски алкоголизации и модели алкогольного поведения населения на региональном уровне
Плотникова Е.Б., Германов И.А., Петухов К.А.
96
Norms and attitudes toward alcohol consumption in the Perm region
Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov, Konstantin A. Petoukhov

Религиозное образованиев современном поликонфессиональном пространстве (социокультурный аспект)
Сироткин П.Ф.
105
Religious education in modern multi-religious space (socio-cultural aspect)
Pavel F. Sirotkin

Тенденции изменения современной российской семьи
Хачатрян Л.А.
111
Modern Russian family
Ludmila A. Hachatryan

Информация для авторов
121
Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 341.1

ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Мусаелян Лева Асканазович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Важным аспектом кризиса современной цивилизации является кризис международного права, который выражается в неспособности последнего адекватно реагировать на современные вызовы и обеспечивать стабильный миропорядок. Противоречие между нарастающими проблемами человечества, требующее неотложного решения, и состоянием международного права оказывается одной из причин углубления кризиса современной цивилизации. В статье дается феноменологический анализ кризиса международного права, показывается, что демонстративное нарушение общепризнанных принципов международного права и практика двойных стандартов в применении норм международного права во внешней политике ведущих держав мира становится все более распространенным явлением. По мнению автора, возникновению и распространению антиправовой культуры в международных отношениях в немалой степени способствуют доктринальные факторы: отсутствие четко прописанного механизма реализации общепризнанных принципов международного права, коллизии между этими принципами, пробелы в праве.
Ключевые слова: кризис международного права; правовой нигилизм; двойные стандарты; права человека; суверенитет.

На наших глазах радикально изменяются политические, социальные институты, смысложизненные ценности и установки, ставящие под сомнение даже в среднесрочной перспективе нормальное воспроизводство человеческого общества. И это наряду с доставшимся от XX в. тяжелым наследием глобальных угроз: термоядерной (возможно, и несанкционированной), мировой войны, экономической катастрофы, голода и др. Учитывая, что аккумулятивный характер развития свойственен не только обществу в целом, но и угрожающим его существованию глобальным проблемам, человечество при сохранении существующих процессов может ускоренными темпами подойти к своему эпилогу. Словом, тенденции развития человечества сигнализируют об отсутствии у него гарантированного будущего. Это дает основание для вывода о том, что современная цивилизация находится в состоянии глубокого кризиса. Как представляется, указанный кризис проявляется в трех аспектах: кризисе традиционно применяемых средств и методов решения возникающих проблем, кризис международных институтов, призванных регулировать межгосударственные отношения и иные мировые проблемы, а также кризисе пути развития цивилизации [14]. Существенной стороной кризиса цивилизации является кризис современного международного права, затрагивающий все три указанных аспекта мирового кризиса. «Нынешнее содержание международного права и механизм его реализации, — отмечает В. Зорькин, — явно отстают от требований времени, не позволяя своевременно и адекватно отвечать на главные вызовы и риски, под-

© Мусаелян Л.А., 2014

держивать стабильный глобальный миропорядок и устойчивое развитие» [6, с. 17]. Противоречие между возникающими опасными вызовами и способностью международного права адекватно реагировать на них способствует нарастанию в мире конфликтогенного потенциала. В этой связи современное состояние международного права оказывается одним из существенных факторов, углубляющих кризис цивилизации. «Разрыв между потребностями адекватного правового регулирования усложняющихся международных отношений и существующим международным правом, — пишет В. Зорькин, — нарастает опасным образом». И этот растущий разрыв, по мнению российского правоведа и политика, быстро приближает современную цивилизацию к краю бездны [7, с. 1, 8]. С подобным выводом трудно не согласиться.

В чем конкретно выражается кризис современного международного права? Это — распространение правового нигилизма, применение в правовой практике двойных стандартов, подмена правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями, такими как «страны-изгои», «диктаторские режимы» и др. Кризис международного права является своеобразным катализатором ускорения и углубления глобального кризиса цивилизации. Это определяется не только особой ролью права как важнейшего регулятора общественной жизни социума, но и тем, что основными субъектами антиправовой культуры в международных отношениях являются ведущие державы — главные акторы мировой политики. Подобная практика приводит к девальвации международного права и падению престижа международных институтов, призванных регулировать международные отношения и обеспечивать устойчивый миропорядок. Прежде чем перейти к анализу причин, способствующих девальвации международного права, необходимо рассмотреть конкретные факты, свидетельствующие о тревожных тенденциях, возникших в последние два десятилетия в политике ведущих мировых держав. В своем выступлении 4 сентября 2013 г. в Швеции президент США заявил, что применение Б. Асадом химического оружия является нарушением норм международного права, затрагивает наши национальные интересы, а потому мы не можем молча смотреть на то, что происходит в Сирии. Поскольку тогда не было никаких фактов, доказывающих, что именно правительственные войска применили химическое оружие, для многих аналитиков было ясно, что целью этого, как и многих других заявлений лета и осени 2013 г. лауреата Нобелевской премии мира, было обоснование правомерности осуществления заведомо неправомерного действия — нанесения ракетно-бомбового удара против Сирии без санкций Совета Безопасности ООН. С правовой точки зрения военные действия США могли быть оправданы, если бы они велись с целью обороны. Но ведь Сирия не нападала на Америку. В своих выступлениях того времени Б. Обама утверждал, что действия Б. Асада наносят ущерб национальным интересам США. Но каким образом события в Сирии угрожают безопасности Америки, находящейся в противоположной части планеты? Скорее наоборот, Б. Асад защищал Америку: ведь в боевой костяк сирийской оппозиции входили исламские фундаменталисты, в том числе отряды «Аль-Каиды» и «ИГИЛ». Тем не менее воинственные заявления американского президента сирийцы (и не только они) восприняли как реальную угрозу агрессии против их страны. События в Афганистане, Ираке, Ливии, Югославии давали основание полагать, что в случае США ни международное право, ни международные институты не могут гарантировать безопасность Сирии. Не успев до конца разрешить сирийскую проблему, человечество оказалось втянуто в новый еще более опасный рукотворный кризис на Украине. Государственный переворот, сопровождавшийся убийствами, погромами, перешел в еще более острую фазу — гражданской войны. Для непредвзятого наблюдателя не могло не вызывать удивление вседозволенность и запредельный цинизм, которые демонстрировали высокопоставленные чиновники США и ЕС во время украинского кризиса. Речь идет не только об их выступлениях в Киеве на Майдане с открытой поддержкой оппозиции (возможно ли такое в США, Великобритании или Франции?), но и о публичном признании того, сколько миллиардов долларов и евро было потрачено ими на «свободный выбор» Украины. Еще при действующем президенте Украины, легитимность которого признали США и их союзники, помощник госсекретаря Америки В. Нуланд определяла, кто должен войти в состав будущего правительства, а кто нет, будто речь идет не о большом суверенном европейском государстве, а о протекторате империи. Подобное федеральная власть США не позволяет себе даже в отношении своих штатов. И как только был совершен государственный переворот, Запад признал легитимность новой власти. Очевидно, что США вместе со своими союзниками по НАТО реализовали в Украине новый вариант цветной революции, грубо нарушив один из основополагающих принципов международного права: невмешательство во внутренние и внешние дела государства. «Ни одно государство или группа государств, — отмечается в Декларации о

принципах международного права, — не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». И далее: «Ни одно государство не должно также организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывную или вооруженную деятельность, направленную на насильственное свержение строя другого государства, равно как и способствовать ей, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве» [5]. Помимо нарушения указанного принципа на Украине нарушались и продолжают нарушаться и другие общепризнанные нормы международного права: суверенное равенство всех членов ООН, добросовестное выполнение обязательств по международному праву и, особенно, уважение прав человека. В своей совокупности принципы международного права представляют хартию прав и обязанностей государств и в качестве таковой служат критерием правомерного поведения субъектов международных отношений [12, с. 296]. Согласно экспертным оценкам США сегодня является наиболее опытным субъектом по нарушению юридических обязательств, подрыву фундаментальных начал миропорядка, глобальным ускорителем роста международно-правового нигилизма [10, с. 5]. Для таких выводов есть веские основания. За последние полвека США не один раз грубо нарушали основополагающие нормы международного права: суверенитет, неприменение силы, невмешательство во внутренние дела, добросовестное выполнение обязательств, принятых в соответствии с Уставом ООН. Вот лишь некоторые факты. 1958 г. — военная интервенция в Ливан, 1965 г. — в Доминиканскую Республику, 1965–1973 гг. — во Вьетнам, 1980 — Иран, 1983 — Гренаду, 1986 — Ливию, 1989 — Панаму, 1991 — Ирак, 1993 — Сомали, 1995 — Югославию (против боснийских сербов), 1999 — Югославию (против Сербии), 2001 — Афганистан, 2003 — Ирак, 2011 — Ливию. К этому списку следует добавить череду «цветных революций» (а фактически государственных переворотов), осуществленных США в ряде стран. События в феврале 2014 г. на Украине — конкретный пример такого переворота. Негативные последствия такой политики трудно переоценить, ибо субъектом правового нигилизма здесь выступает государство, являющееся одним из основателей ООН и имеющего высокий статус постоянного члена Совета Безопасности. «…Драматичность ситуации, — пишет известный правовед Е.А. Лукашева, — состоит в том, что демократическое государство практически разрушило систему международной безопасности, которая была институционально представлена ООН, ее органами, международно-правовыми документами, призванных организовать мировой миропорядок…» [11, с. 27].

Подрыву цивилизованных международных отношений и доверия между государствами способствует также практика двойных стандартов в применении норм международного права, проводимая Западом в последнюю четверть века. Конкретный пример подобной политики — отношение к референдуму в Крыму, который США и страны Евросоюза в один голос признали нелегитимным. Основание — Конституция Украины, которая не предполагает проведения плебисцита на ее отдельной территории. А разве Конституция этой страны разрешает государственный переворот? Между тем новую власть, установившуюся в результате этого переворота, вопреки Конституции Украины и нормам международного права Запад признал легитимной. Если вы признаете легитимной новую власть, которая путем вооруженного переворота фактически вывела страну за пределы правового пространства, то не можете не признавать результаты референдума в Крыму. Если же вы признаете Конституцию Украины, то нелегитимными следует признать не только референдумы, но и новую власть. Третьего не дано. Заметим, что референдум был реакцией народа Крыма на политику новых властей Украины. С точки зрения некоторых правоведов, принцип целостности государства как норма международного права имеет большую юридическую силу по сравнению с принципом самоопределения народов [12, с. 316–319]. Но это касается демократических государств, где соблюдаются права человека и этнических меньшинств. Между тем новые власти Украины сделали русофобию и юдофобию основным мотивом своей внутренней и внешней политики, а насилие и массовый террор — единственным инструментом общения с политическими оппонентами. Это побудило народ Крыма сделать свой выбор, опираясь на норму международного права.

Еще пример. В марте 2013 г. на Фолклендах был проведен референдум о статусе этих островов. Премьер-министр Великобритании Д. Камерон призвал Аргентину, которая также претендует на эту территорию, находящуюся вблизи ее границ, уважать волеизъявление народа (чуть более полутора тысяч избирателей. — *Л.М.*). А вот волю почти двух миллионов крымчан власти Англии и других стран Запада не считают возможным уважать. «Если референдум проводит Крым, — говорила в этой связи президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер, — то это неправильно, но если это делают фолклендцы, то все хорошо. Такая позиция не выдерживает никакой критики» [22, с. 8].

Подход западных стран к референдуму в Крыму, а до этого в Южной Осетии и Абхазии, дал основание многим аналитикам вспомнить события в Югославии в 1999 г. Тогда страны НАТО вмешались в гражданскую войну на стороне косовских албанцев и помогли им отделиться (без всякого референдума) от Сербии, аргументируя это тем, что там разразилась гуманитарная катастрофа и существовала опасность геноцида. Здесь возникает два вопроса. Во-первых, почему такой подход не применим к Южной Осетии, Абхазии, Нагорному Карабаху, а сегодня — к Крыму и особенно к юго-восточным регионам Украины, где налицо все признаки гуманитарной катастрофы и геноцида? Во-вторых, можно ли отстаивать принципы международного права неправовыми методами, грубо попирая международное право. Ведь Совет Безопасности ООН не давал санкцию НАТО на проведение военной операции в Югославии. Кроме того, при бомбардировках городов и сел Сербии и Хорватии коалиция стран НАТО использовала запрещенное оружие: кассетные бомбы, снаряды и авиабомбы со стержнем из обедненного урана, вызывающее в длительной перспективе резкий рост онкологический заболеваний у гражданского населения. Заметим, что по примеру и при молчаливом согласии своих западных кураторов нынешняя власть Украины также использует в карательных операциях запрещенные виды оружия: кассетные и фосфорные бомбы, газы.

Известно с какой настойчивостью западные страны требовали наказания в соответствии с нормами международного права сербских политиков и военных за преступления во время гражданской войны в Югославии. Для этих целей был создан Международный трибунал в Гааге. Однако под предлогом защиты своих военнослужащих США отказались признавать юрисдикцию постоянно действующего независимого Международного уголовного суда, созданного в 1998 г. для расследования военных и других серьезных преступлении. Более того, США заставили некоторых своих союзников подписать двусторонние соглашения об освобождении от ответственности американских граждан. Как язвительно подметил Дж. Сорос, «жизнь американца оценивается у нас совсем по-другому, чем жизнь иностранца (однако за рубежом люди не видят причин для такого различия)» [20, с. 35].

Говоря о практике двойных стандартов Запада, нельзя не упомянуть об избирательном применении карательных функций международных правоприменительных учреждений. Несмотря на то что во время межэтнических конфликтов на территории бывшей Югославии преступления совершали обе стороны, перед Международным трибуналом в Гааге предстали исключительно сербы — более ста шестидесяти человек военных и политиков. По свидетельству Главного прокурора Международного трибунала Карлы дель Понте, ее неоднократные попытки провести расследование в местах массовых расстрелов сербов, а также их похищения албанцами с целью торговли органами блокировались миссией ООН в Косово, которая состояла из представителей западных стран [18].

Представляется важным отметить еще одну тенденцию последнего десятилетия, свидетельствующую о глубоком кризисе современной буржуазной демократии и международного права. События в Египте, Ливии, Сирии, а теперь и на Украине свидетельствуют о том, что США для достижения своих геополитических целей стали применять новую «гибридную технологию» проведения цветных революций. Помимо ресурса спланированных широких акций гражданского неповиновения применялись хорошо организованные и обученные боевые отряды религиозных фундаменталистов, националистов и откровенных фашистов. Последние, скрываясь за спинами лидеров так называемой демократической оппозиции и протестного движения, выполняли функцию тарана свержения власти в той или иной стране. Причем если лидеры политической оппозиции публично позиционируют себя в качестве активных сторонников западных демократических ценностей, то вовлеченные в «революционный процесс» ударные силы религиозных и политических радикалов для свержения власти прибегают к погромам, убийствам, массовому террору и другим актам устрашения, несовместимым с демократическими ценностями политической конкуренции. Так, после событий 11 сентября 2001 г. США объявили Аль-Каиду врагом номер один Америки и в категорической форме потребовали от всех государств присоединиться к их антитеррористической войне («Кто не с нами, тот против нас!»). Но события на севере Африки и Ближнем Востоке свидетельствуют о том, что США и их союзники стали союзником этой ведущей террористической организации. Известно, что национализм и фашизм — откровенные враги демократии. Однако «свободный демократический выбор» Украины осуществляется при помощи националистических и откровенно фашистских организаций, сеющих страх, хаос и смерть в стране. Принципиально важно, что процессы в Украине управляются США и их европейскими союзниками. Эти и другие факты указывают на то, что США для решения своих геополитических задач, пренебрегая всякими правилами приличия, прибегают к инструментализации экстремистских религиозных и политических движений. Такая

стыковка западной политической элиты с террористическими и радикальными организациями свидетельствует о глубоком кризисе современной западной демократии [15, 16].

Кроме того, технология «гибридных цветных революций», практикуемая Америкой, свидетельствует о том, что во внешней политике этого государства нравственный и правовой цинизм становятся обыденным явлением. Под правовым цинизмом понимается крайняя форма правового нигилизма, проявляющегося в демонстративном нарушении не только норм международного права, но и общепринятых в цивилизованном мире обычаев и правил поведения и свидетельствующего о критически низком уровне правовой культуры.

В последние четверть века глобализация приобрела форму американизации. Как мировая империя, позиционирующая себя в качестве образца демократии, Америка «цивилизирует» мир по своему образу и подобию. Создавая военно-политические блоки, экономические и политические союзы, США через втянутые в эти организации государства превращает практику правового нигилизма и двойных стандартов в глобальный феномен. «…Мир стал свидетелем того, — отмечает Е.Т. Байльдинов, — что не только известные постоянные члены Совета Безопасности, но и некоторые обычные члены ООН позволяют себе не замечать существование международного права, когда им это становится выгодным» [2, с. 91]. «Действия США и Великобритании, — пишет Е.А. Лукашева, — свидетельство пренебрежения международным правом, своими партнерами по ООН и Совету Безопасности ООН. А это грозный симптом утверждения права сильного, “кулачного” права, которое как показывает опыт развития человечества, имеет тенденцию к расширению… охватывая все большее число стран» [11, с. 27]. Другими словами, происходит девальвация международного права и сползание человечества к пещерному праву силы. Каковы причины этого феномена?

Как представляется, факторы, обусловливающие девальвацию международного права и низкую эффективность регулятивных возможностей ООН и его институтов, можно условно разделить на три группы: доктринальные, цивилизационные и геополитические. К доктринальным следует отнести состояние современного международного права. «Дух основных принципов международного права, — пишет В. Зорькин, — сформулированных в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 года и Хельсинском заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, до сих пор не обеспечен буквой точных и последовательных нормативно-правовых установлений» [6, с. 17]. По мнению автора, отсутствие ясно заявленных норм реализации этих принципов позволяет отдельным государствам и международным органам принимать решения и действовать «исходя из политико-идеологических пристрастий и прагматических конъюнктурных интересов» [6, с. 17].

Еще одной доктринальной проблемой, решение которой имеет важное значение для цивилизованного выхода из периодически возникающих острых кризисов в разных регионах и странах являются коллизии между нормами международного права [19]. Речь идет о противоречии между принципами уважения прав человека и невмешательством во внутренние дела государства; между правом на самоопределение народов и территориальной целостностью государств. Эти принципы являются универсальными и общеобязательными и в качестве таковых относятся к императивному праву (yus cogens) [1]. Коллизия между общепризнанными принципами международного права (ОПМП) является благодатной почвой для «подверствывания» (В.В. Путин) Западом того или иного варианта решения международных проблем под свои интересы [13]. В одном случае, выражая озабоченность в связи с соблюдением прав человека, ведущие страны западного альянса без санкций Совета Безопасности ООН начинают полномасштабную военную операцию против суверенного государства, грубо нарушая принципы невмешательства; в другом — руководствуясь принципом невмешательства, закрывают глаза на то, что не вполне легитимная власть, используя всю военную мощь государства, осуществляет массовые убийства мирного населения, выступающего в защиту собственных прав. Очевидно, что для минимизации субъективизма в трактовке норм международного права и повышения его эффективности необходимо преодолеть существующие в нем коллизии. Это стало бы важным вкладом в дело преодоления кризиса современного международного права и ООН. В силу практической и теоретической значимости указанной проблемы представляется необходимым остановиться на этом подробнее. Из существующих коллизий, как нам представляется, особо дискуссионным и крайне политизированным является противоречие между принципом равноправия и принципом самоопределения народов и целостности государства. Именно при реализации этих принципов, по авторитетному мнению И.И. Лукашука, встречаются многочисленные злоупотребления [12, с. 316]. При бесспорной политической значимости преодоления указанной коллизии это, на наш взгляд, имело бы еще и важное методологическое значение, поскольку давало бы ключ к разрешению других противоречий между

нормами международного права. Сложность разрешения обозначенной проблемы заключается в том, что между принципами международного права нет какого-либо формального соподчинения, свидетельствующего об их иерархическом характере [12, с. 298]. Следует заметить, что в юридической литературе развернулась дискуссия по проблеме соотношения понятий «нормы» и «принципы права», «основные» и «общепризнанные принципы международного права» и др. [17]. В ходе дискуссии фактически обсуждается вопрос об иерархии в системе норм международного права. Не вдаваясь в детали спора, следует отметить, что большинство ученых основные и общепризнанные принципы международного права рассматривают как тождественные. По их мнению, эти нормы обладают универсальными источниками, признаются подавляющим большинством государств, носят императивный характер, что и «определяет их особое место в иерархии международно-правовых норм как норм “yus cogens”» [3, с. 64]. В этой связи исследователи считают, что основные принципы являются «фундаментом всей системы международного права» [4, с. 30–33; 8, с. 16–17]. Соотношение между нормами и принципами права есть отношение родовых и видовых понятий [9, с. 2–3]. Поэтому, если есть определенная иерархия норм международного права, то должна быть и иерархия его основных принципов. В противном случае противоречивость, зыбкость «самого фундамента» делает неустойчивым, нежизнеспособным все здание международного права. Как справедливо подметил Е.Т. Байльдинов, необходимо «либо признать неравнозначность ОПМП между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик» [2, с. 91]. По мнению автора, признание иерархической связи между основными принципами международного права означает начало процесса формирования нового международного права, «способного обеспечить более безопасный, более гармоничный и более справедливый миропорядок» [2, с. 92]. Но какая идея должна быть положена в основу создаваемой новой теории международного права? Нам представляется, что таковой является идея человекоразмерности права. В самом деле, важнейшим достижением почти трехтысячелетнего развития философии явилось признание человека, его права и свободы высшей ценностью. Но без юридического обеспечения эта идея оставалась бы абстрактной философской формулой, а не жизненным принципом современной цивилизации, условием ее выживания и развития. Осознание человечеством необходимости правового обеспечения указанных положений отличает современный гуманизм от его прототипов прошлых эпох. В свете изложенного представляется правильным предложение Е.Т. Байльдинова считать принципы уважения прав и свобод человека в качестве основополагающего элемента международного права, а остальные — как производные от него [2, с. 39]. В этом случае коллизия между принципами международного права разрешается, поскольку право оказывается не просто набором равнозначных норм, а иерархической системой взаимосвязанных принципов, в основе которых — принцип уважения прав и свобод человека. В Декларации о принципах международного права 1970 г. указывается, что при «истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других» [5]. Иначе говоря, система принципов международного права носит координированный характер, их содержание «представляет единое целое и должно рассматриваться в комплексе» [12, с. 297]. Но в то же время особый статус принципа уважения прав человека дает основание считать эту систему субординированной. «Принцип уважения прав человека, — пишет И.И. Лукашук, — занимает центральное положение в праве государств. Он — главный, общий принцип демократического государства и обладает абсолютной императивной силой. Ни один закон не может ему противоречить» [12, с. 305]. Особый статус этого принципа определяет обязательство современных демократических государств обеспечивать права и свободы человека как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром. «Пакт о правах человека, — отмечает И.И. Лукашук, — закрепил связь права народа на самоопределение с правами человека» [12, с. 316]. И если нарушаются права народа (этнических меньшинств), то тем самым нарушаются и права человека. «Люди изначально равны, следовательно, каждый вправе получать образование на родном языке, развивать свою культуру, соблюдать традиции и требовать удовлетворения этих потребностей от государства. *Этнические права — неотъемлемая часть прав человека*» [21, с. 42, 43] (курсив мой. — *Л.М.*). Разумеется, права отдельного человека не могут противопоставляться правам всего общества, точно так же, как права национальных меньшинств — правам всего остального населения и интересам государства. Демократия, в отличие от авторитаризма и тоталитаризма, — форма правления, которая гармонизирует права национальных меньшинств с правами человека и на этой основе с правами всего населения. Подобная гармонизация означает отсутствие в государстве селективной по-

литики по обеспечению прав человека в отношении этнических меньшинств и титульного населения. Такая политика создает условия для мира и стабильности в обществе. Поэтому обеспечение прав человека и национальных меньшинств отвечает интересам государства, способствует сохранению и укреплению его целостности. В таком обществе призывы националистов к отделению вряд ли найдут отклик среди населения. Напротив, принцип сохранения целостности государства получит безоговорочную поддержку. Если же государство осуществляет дискриминационную политику по этническому, языковому, религиозному признаку, более того — поддерживает или само осуществляет массовые репрессии людей, то право народов на самоопределение имеет большую юридическую силу, нежели принцип целостности государства; внешнее вмешательство во внутренние дела государства в этом случае не только допустимо, но и необходимо.

К проблемам современного международного права следует отнести и его пробельность. Глобализация вызвала к жизни новых субъектов экономической и политической деятельности. Речь идет о МВФ, ВБ, ВТО и, особенно, транснациональных компаниях (ТНК), активность которых в последние четверть века резко возросла. По своим финансовым возможностям и влиянию на международные отношения ТНК превосходят многие государства. Но если государства являются субъектами международного права, то ТНК таковыми не являются. В силу большой зависимости национальных политических элит от крупного капитала, а иногда их полного единства, деятельность промышленно-финансовых и финансовых транснациональных групп плохо контролируется государством. Более того, деятельность ТНК чаще всего проходит вне публичной сферы, которая в силу отсутствия там конкуренции оказывается более эффективной, чем публичная деятельность в правовом поле. Неконтролируемая деятельность крупных финансово-промышленных групп — причина возникновения в различных регионах земного шара кризисных явлений, локальных конфликтов, таящих угрозу стабильности и безопасности в мире. В свете изложенного к неотложным задачам совершенствования международного права следует отнести и разработку норм, регулирующих растущую активность новых субъектов экономической и политической жизни человечества.

Список литературы

1. *Алексанян А.А.* Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4(22). С. 63–67.
2. *Байльдинов Е.Т.* Новое международное право: к вопросу о сущности // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 90–101.
3. *Барнашов А.М.* Общепризнанные принципы и нормы международного права и их взаимодействие с нормами российского законодательства // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всерос. совещания / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кобышева. М., 2004. С. 62–69.
4. *Бабай А.Н.*, Тимошенко В.С. Общепризнанные принципы и нормы международного права как составная часть российской правовой системы // Международное публичное и частное право. 2006. № 6. С. 30–33.
5. *Декларация* о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 18.08.2014).
6. *Зорькин В.* Кризис международного права: современный контекст // Рос. газ. 2014. 20 июня.
7. *Зорькин В.* Цивилизация права // Рос. газ. 2014. 13 марта.
8. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
9. *Кузнецова О.А.* Соотношение понятий общепризнанных принципов и норм международного права // Международное публичное и частное право. 2009. № 3. С. 2–3.
10. *Лихачев В.* Два лица США // Рос. газ. 2013. 13 сент.
11. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.
12. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
13. *Малеев Ю.Н.* Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. № 1(2). С. 5–20.
14. *Мусаелян Л.А.* Кризис современной цивилизации и его антропологических оснований // Новые идеи в философии: в 2 т. Пермь, 2014. Вып. 1(22), т. 1. С. 69–80.
15. *Мусаелян Л.А.* Кризис цивилизации и демократия // Вестник Прикамского социального института. Гуманитарное образование. 2013. № 6. С. 4–12.
16. *Мусаелян Л.А.* О цветных революциях, глобальном кризисе демократии и политической систе-

ме современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 3(17). С. 33–44.
17. *Нефедова Ю.Ю.* Основные доктринальнее подходы к определению «общепризнанности» норм международного права и их значение для гражданско-правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 1(22). С. 145–155.
18. *Понте дель Карла*. Справедливость в бывшей Югославии. URL: http://www.newstude.ru (дата обращения: 24.08.2014).
19. *Проблемы* гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом: материалы Круглого стола // Международная жизнь. 2009. № 7. С. 16–33.
20. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. М.: Koob, 2008. 192 с.
21. *Хакимов Т.С.* Об основах асимметричности Российской Федерации // Федерализм в России. Казань, 2001. С. 266–272.
22. *Хроника*, мнение, комментарии // Рос. газ. 2014. 21 марта.

Получено 01.10.2014.

References

1. Aleksanyan A.A. [Realization of right for the self-determination of nations as deemed through the state territorial integrity principle]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Bulletin. Yuridical sciences]. 2013, no 4(22), pp. 63–67.
2. Bajl'dinov E.T. [New international law: revisiting essence]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of international law]. 2013, no 2, pp. 90–101. (In Russian).
3. Barnashov A.M. [Generally recognized norms and principles of the international law and its correlations with the norms of the Russian legislation]. *Obschepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava, mezhdunarodnye dogovory v praktike konstitutsionnogo pravosudiya. Materialy vserossijskogo soveschaniya* [Generally acepted principles and norms of the international law, international agreements in pracice of constitutional justice. Proceedings of all-Russian meeting]. Moscow, 2004, pp. 62–69. (In Russian).
4. Babai A.N., Timoshenko V.S. [Generally recognized principles and norms of international law as an integrated part of the Russian system of law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law]. 2006, no 6, pp. 30–33. (In Russian).
5. Deklaratsiya o printsipah mezhdunarodnogo prava, kasayuschihsya druzhestvennyh otnoshenij i sotrudnichestva mezhdu gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom Organizatsii Ob'edinennyh Natsij [Declaration on principles of international law concerning friendly relations and co-operation among states in accordance with the Charter of the United Nations]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml. (Accessed 18.08.2014). (In Russian).
6. Zor'kin V. [Crisis of international law: modern context]. Rossijskaya gazeta [Russian gazette]. 2014, 20 June. (In Russian).
7. Zor'kin V. [Civilization of the right]. Rossijskaya gazeta [Russian gazette]. 2014, 13 March. (In Russian).
8. Kuznetsova O.A. *Normy-printsipy rossijskogo grazhdanskogo prava* [Norms-foundations of the Russian civil law]. Moscow, Statut Publ., 2006, 269 p. (In Russian).
9. Kuznetsova O.A. [correlation of the notions of generally recognized principles and norms of the international law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law]. 2009, no 3, pp. 2–3. (In Russian).
10. Lihachev V. [Two faces of the USA]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2013, 13 Sept. (In Russian).
11. Lukasheva E.A. *Chelovek, pravo, tsivilizatsiya: normativno-tsennostnoe izmerenie* [A man, law, civilization: norms and values dimension]. Moscow, Norma Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
12. Lukashuk I.I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obschaya chast'. Uchebnik* [International law. General part. Textbook]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010, 432 p. (In Russian).
13. Maleev Yu.N. [Unknown, but generally recognized]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. 2005, no 1(2), pp. 5–20. (In Russian).
14. Musayelyan L.A. [Crisis of the modern civilization and its anthropological foundations]. *Novye idei v filosofii: v 2 tomah* [New ideas in philosophy: in 2 volumes]. Perm, 2014, no 1(22), vol. 1, pp. 69–80. (In Russian).
15. Musayelyan L.A. [Civilization crisis and democracy]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo institute. Gumanitarnoe obrazovanie* [Prikamskiy Social Institute Bulletin. Humane education]. 2013, no 6, pp. 4–12. (In Russian).
16. Musayelyan L.A. [About the color revolutions, the global crisis of democracy and political system of modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Bulletin. Yuridical sciences]. 2012, no 3(17), pp. 33–44.
17. Nefedova Y.Y. [Principal doctrinal approaches to the definition of the «Universal acknowledgement» of the international law norms and its value for civil

regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Bulletin. Yuridical sciences]. 2014, no 1(23), pp. 145–155.
18. Carla Del Ponte. *Spravedlivost' v byvshej Yugoslavii* [Justice in former Yugoslavia]. Available at: http://www.newstude.ru (Accessed 24.08.2014). (In Russian).
19. [Problems of humanitarian intervention and citizenry protection abroad: proceedings of round work table]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs]. 2009, no 7, pp. 16–33. (In Russian).
20. Soros G. *Myl'nyj puzyr' amerikanskogo prevoshodstva* [The bubble of American supremacy]. Moscow, Koob Publ., 2008, 192 p. (In Russian).
21. Khakimov T.S. [Concerning assymetry of the Russian Federation]. *Federalizm v Rossii* [Federalism in Russia]. Kazan, 2001, pp. 266–272. (In Russia).
22. [Chronicle, opinions, commentaries]. Rossijskaya gazeta [Russian gazette]. 2014, 21 March. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

THE DEVALUATION OF INTERNATIONAL LAW. THE FIRST PAPER: PHENOMENOLOGY AND DOCTRINAL FACTORS OF LEGAL NIHILISM AND DOUBLE STANDARDS WITHIN THE SPHERE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Lyeva A. Musayelyan

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The crisis of international law is an important aspect of the crisis of modern civilization. This is expressed by inability of international law to respond to modern challenges and to ensure a stable world order. The contradiction between the growing challenges facing humanity and the state of international law is one of the reasons for the extension of the crisis of modern civilization. The author draws a phenomenological analysis of the crisis of international law, shows that the demonstrative violation of the principles of international law and practice of double standards in the application of international law is becoming widespread phenomenon in the foreign policy of the great powers. According to the author, some doctrinal factors support the emergence and the spread of the illegal culture in the international relations. Especially this is the lack of a clearly defined mechanism for implementing the principles of international law, the conflict between these principles, the deficiencies of the rights.

Key words: the crisis of international law; legal nihilism; double standards; human rights; sovereignty.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья первая: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 5–13.

Please cite this article in English as:
Musayelyan L.A. The devaluation of international law. The first paper: Phenomenology and doctrinal factors of legal nihilism and double standards within the sphere of international relations // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 5–13.

УДК 130.2:800.1

ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ермоленко Галина Алексеевна,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: konzepters@yandex.ru

Кожевников Сергей Борисович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Кубанский государственный университет,
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: konzepters@yandex.ru

В статье рассматриваются философские теории референции в контексте культурной семантики и лингвокультурологии. Анализируется содержание метафизической теории значения, восходящей к трудам Аристотеля, а также семантические исследования языка Г. Фреге, Б. Рассела, С. Крипке, Д. Дэвидсона, М. Блэка, К. Доннелана, Д. Каплана. Авторы приходят к выводу о конститутивной роли метафоры в языке философии. Метафора является модусом смыслообразования и формирования понятий в философском тексте.
Ключевые слова: референция; метафора; культура; философия; текст; структура; смысл; концепция, язык.

Философские тексты сложны по своей семантической природе. Это обусловлено самой спецификой предмета философского познания. Философское познание направлено не на сами явления, а на их смыслы, не на действительность саму по себе, а на то, как она дана относительно нашего сознания [1, 5]. «Философская рефлексия, начиная с дельфийского изречения “Знай себя!” и имплицитного ему онтологического вопрошания “Кто Я?”, выталкивает человека из самопонятности обыденного существования и обращает к поиску подлинных оснований своего бытия» [3, с. 9]. Язык философии характеризуется отсутствием собственного объективированного поля референции. Он относится не к самой чувственно данной реальности, а к некоторой теоретической модели, включающей сконструированные абстрактные объекты.

Возникая посредством трансгрессии, язык философии заключает в себе бытие философской мысли, способ её существования. М. Хайдеггер называет язык «домом бытия», «хранителем присутствия», замечая при этом, что «всякая осмысливающая мысль есть поэзия, а всякая поэзия — мысль» [16, с. 272–273]. «В связи с переосмыслением роли метафоры в процессе познания особенно важна возможность релевантного употребления философских метафор и адекватного понимания их значений» [6, с. 81].

Наиболее ранняя теория метафоры восходит к эпохе Античности. Она построена на метафизической теории значения, так как строится на онтологическом истолковании феномена значения слов: значение — строго определенное отношение между языком и миром. Магическая трактовка имени характеризует значение как изначально установленную во всей своей полноте семантическую структуру. А все попытки её познания сводятся к несовершенным интерпретациям подлинного, принципиально невыразимого смысла.

Исходя из этого в классической философии общераспространённым стало предположение, что существенными, подлинными могут быть только буквальные значения. Природа же иносказаний не имеет самостоятельных оснований: метафора — разновидность замещения слов, сравнение. Сравнительная концепция метафоры Аристотеля оказалась вполне актуальной в эпоху Нового времени. Она явилась теоретической базой

© Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б., 2014

новоевропейских представлений о семантической бессодержательности, абсурдности метафоры [4, 8].

В основу современной теории значения положены идеи Г. Фреге, осуществившие революцию в сфере логической семантике. В структуре «имени» Фреге выделяет три компонента:

– представление, вызываемое словом у слушателя;

– смысл слова;

– значение слова.

Устанавливая различие между смыслом (Sinn) и значением (Bedeutung), Фреге определяет принципы их семантического взаимодействия. Смыслом слова он называет ту мысль, которую содержит слово. Значение же обуславливает ценность смысла. Оно проясняет достоверность того или иного предложения: «значением предложения является… то обстоятельство, что оно является истинным или ложным» [15, с. 32].

Значение Фреге характеризует как двухкомпонентное образование, состоящее из денотата (объекта обозначения) и определяющего его смысла. Смысл при этом связывается с конкретным фрагментом реальности, считается изначально присущим объекту. Знание значения термина ставится в зависимость от понимания смысла: «Значением собственного имени является сам предикат, который мы обозначаем этим именем; представление, которое мы при этом имеем, полностью субъективно» [15, с. 29].

Фреге вырабатывает новый подход к анализу косвенных выражений. В отличие от широко распространенного прежде отрицания их способности иметь собственные значения он обосновывает право за косвенными выражениями на значащее существование, совершая тем самым переворот в развитии теории метафоры: «В косвенной речи значением предложения является некоторая мысль» [15, с. 34]. Не имея непосредственной связи с реальностью, иносказание наделяется особым содержанием. Концепция Фреге делает очевидной эффективность метафоры как теоретической модели, которая, не будучи фрагментом реальности, становится средством для построения адекватного представления о реальности.

Вводя метафоры в сферу значимого семантического пространства, Фреге, очевидно, указывает не только на мобильность языка, но и на сложность и изменчивость действительности. В качестве развития этой концепции смысла выступает теория дескрипции Б. Рассела, согласно которой для овладения знанием об объекте необходимо владеть дескрипцией объекта: содержание «имени» — сокращенная дескрипция. При этом значение могут иметь далеко не все включенные в дескрипцию имена. Значение «имен» определяется их отношением к объекту. Центральной в своей теории дескрипции Рассел считает идею о том, что «фраза может обуславливать значение предложения, не имея сама по себе никакого значения» [2, с. 27].

Разработанные Фреге и Расселом концепции значения оказали большое влияние на развитие современной науки. Их переосмысление привело к созданию новой теории референции, которая определила ведущие принципы современных представлений о метафоре.

Новая теория референции параллельно разрабатывается целым рядом авторов: С. Крипке, К. Доннеланом, Д. Капланом. Пытаясь объяснить значения лексических единиц, они приходят к необходимости не только произвести дистинкцию «смысл – значение», но и вообще исключить понятие «смысл» из сферы, имеющей отношение к значению слова. Понимание значения слова они связывают не со знанием глубинного смыла, всеобъемлющей дескрипции, а со знанием тех значений, с которыми соотносится исследуемое «имя».

Согласно новой теории референции понимание значения слова не нуждается в том, чтобы знать его смысл в полном объеме. Так, «можно знать значение слова “золото”, не зная, как объяснить, что данная вещь является или не является золотой» [10, с. 413]. Значение сводится к некоторому устойчивому смысловому фрагменту, который остается инвариантным при переходе термина из одной теории в другую. Понимание значения связывается со знанием буквального смысла слова, отражающего правила его конкретного применения, употребления в речи [13].

Развивая идеи новой теории референции, Х. Патнэм отмечает, что «значение имени не определяется концептом, находящимся в голове говорящего» [11, с. 413]. Определяющими референцию он считает два фактора, не учитывавшиеся ранее: общество и реальный мир. Значение в связи с этим — не строго определенное отношение между языком и миром, выраженное в некоторой дескрипции, а результат активного взаимодействия семантических единиц [7].

Изменения, произошедшие в теории значения, вполне закономерно привели к возникновению нового понимания природы метафоры. Современная лингвистика рассматривает метафору в кругу явлений «намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов» [3,

с. 147]. Причины этого нарушения главным образом связываются с лабильностью языковых структур. В прошлое уходит характеристика метафоры как сравнения, сопоставления двух застывших семантических форм. Метафора представляется как результат взаимодействия значений. В качестве субъектов этого взаимодействия в контексте понятийной теории значения, разработанной Огденом и Ричардсом, выступают две взаимодействующие мысли, в свете референциальной теории значения — два отдельных объекта. По всей видимости, следует предположить, что на основе современных теорий значения происходит формирование ряда новых тенденций в развитии теории метафоры. В первую очередь — семантической и прагматической.

В русле семантической тенденции феномен метафоризации наделяется самостоятельным значением: метафора — не только выразительное средство, но и способ смыслообразования. Развитие этого направления можем проследить на примере ряда современных теорий метафоры. Показательна в этом смысле теория напряжения. В ее интерпретации особое значение метафоры — результат взаимодействия двух взаимодополняющих, находящихся в напряжении процедур — эпифоры и диафоры. Их соотношение обусловливает бифункциональность метафоры: с одной стороны, метафора расширяет все соседствующие с ней выражения с другой — на основе этого создает новое значение. Развивая теорию напряжения, Ф. Уилрайт характеризует метафоры как «создающими напряжение символами, неизбежно сопутствующими мышлению» [14, с. 108].

В теории Ричардса обретение метафорой самостоятельного значения объясняется взаимодействием в ней двух мыслей. В работе «Философия риторики» Ричардс пишет: «Когда мы используем метафору, мы основываемся на двух мыслях о двух различных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия» [цит. по: 14, с. 200]. В качестве компонентов метафоризации выступает «основа» — объект, относительно которого строится метафора, и «носитель» — возникшее в процессе этого выражение. «Основа» задает референцию, а «носитель» определяет смысл. Отдавая предпочтение понятийной теории значения, Ричардс усматривает природу метафоры в однонаправленном взаимодействии мыслей.

Интеракционистская теория М. Блэка, обосновывая наличие в метафорических структурах особого значения, рассматривает метафору как следствие взаимодействия отдельных объектов, каждому из которых соответствует «система ассоциативных общих мест». Интеракция этих систем моделирует значение метафоры, в рамках которого изменяется прежнее значение обоих объектов: «Механизм метафоры заключается в том, что к главному субъекту прилагается система “ассоциируемых импликаций”, связанных со вспомогательным субъектом; метафора отбирает и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [14, с. 167]. Тем самым природой метафоры М. Блэк считает взаимодействие семантических пространств, относящихся к двум различным объектам.

В контексте семантического направления метафора характеризуется как феномен мышления. Иначе интерпретирует природу метафоры прагматическое направление: оно отрицает смыслосозидающую функцию метафоры.

Высоко оценивая роль метафоры в философских текстах, Д. Дэвидсон видит специфику метафоризации не в возникновении особого смысла, а, наоборот, в том, что метафора, в отличие от других лексических структур, «пользуется в дополнение к обычным языковым механизмам несемантическими ресурсами» [12, с. 173]. Дэвидсон, очевидно, предлагает обратиться к предложенному Фреге разграничению значения слова и представления, вызываемого этим словом у слушателя. Эффект метафоры он целиком относит к сфере употребления — того воздействия, которое оказывает на нас фигура речи: «Метафора связана с образным использованием слов и предложений и всецело зависит от обычного или буквального значения слов и, следовательно, состоящих из них предложений» [14, с. 175].

Не сомневаясь в истинности метафорических выражений, Дэвидсон отрицает возможность существования особой метафорической истины: метафора не имеет самостоятельного когнитивного содержания, «язык метафор не отличается от языка предложений самого простого вида» [14, с. 177]. Значение метафоры полностью зависит от буквальных значений.

Специфика же феномена метафоризации проявляется в эстетической роли метафоры: в ее способности заставить читателя увидеть один объект в свете другого и ощутить чувство новизны, активизирующее познавательные процессы. Значение метафоры обуславливается контекстом и закономерно становится в концепции Дэвидсона предметом анализа прагматики.

Метафору Дэвидсон характеризует как фигуру речи, позволяющую сопоставить два буквальных значения, присущие различным объектам. Семантические пространства последних он считает, в отличие от Блэка, устойчивыми и неизменными; их взаимодействие не приводит к возникновению отличного от прежнего общего смысла: «Метафора не нуждается в удвоении: какими значениями мы наделяли слова, такие значения и сохраняются при прочтении всего выражения» [14, с. 178].

Произведенный нами анализ современных философских подходов к изучению природы метафоры и содержания теорий референции позволяет сделать ряд заключений:

1. Формирование во второй половине XX в. нового образа рациональности расширяет традиционные границы языка философии. Структуралистские и герменевтические эксперименты привносят в его структуру неожиданные семантические и эстетические обертоны. Полисемантизм философской терминологии предполагает расширение возможностей словообразования за счёт метафоризации новых смысловых реалий и развитие интерпретативых практик посредством эффекта синергии. Метафора, традиционно считавшаяся художественным приёмом, становится важнейшим приёмом формирования новых научных терминов. Когерентная концепция истины позволила включить метафорические конструкции языка философии в арсенал концептуальных ресурсов философии.

2. Активизация применения образов, метафор, художественных сравнений способствует повышению исследовательского интереса к проблемам теории метафоры. Пересмотру подвергается сравнительная теория метафоры, основные положения которой оставались незыблемыми со времен Аристотеля.

3. Специфика теорий метафоры XX в. базируется, очевидно, на изменении представлений о значении лексических структур: на смену метафизической теории значения приходит концепция Г. Фреге и Б. Рассела, ставшая традиционной для современной науки. Метафора как эстетически выразительное явление языка отображает многие закономерности развития культуры, науки, религиозного и обыденного опыта [9].

4. Множество современных теорий метафоры организуется нами на основе выделения двух ключевых тенденций: семантической и прагматической. В контексте указанных направлений делаются наиболее существенные, как нам представляется, выводы о функциях метафор научных и художественных текстов.

Несмотря на несомненность эффективности метафорического метода словообразования в языке философии, остаётся проблематичным вопрос о возможности особой метафорической истины, содержание которой не сводится к простой сумме буквальных значений. Вполне обоснованным в связи с этим нам кажется выделение семантического направления в понимании природы метафоры. Его представители (Ричардс, Блэк и др.) эффектом метафоры считают образование нового смысла и поэтому характеризуют метафоризацию как особый художественный способ смыслообразования.

Прагматическая тенденция отличается сведением эффекта метафоры к эстетической составляющей и настойчивым отрицанием возможности создания нового смысла в рамках метафорической конструкции. Смысловая аутентичность метафорической конструкции обусловливается эффектом синергии, т.е. эстетическими параметрами текста. Феномен метафоризации сопряжён с ощущениями новизны, неожиданности, вызванными наложением друг на друга разнородных значений, ярких и выразительных смыслообразов.

5. Дискуссионность и разнонаправленность оценок ресурсов метафор в философских текстах только подчёркивает актуальность исследований языка философии. Между традиционной и современной парадигмой понимания специального научного языка обнаруживается значительная разница. Из простой семантической формы с буквальным значением метафора преобразуется в динамичный, эстетически выразительный смыслообраз, в котором находят отображение лабильные значения и экспрессивные предложения и терминологические новации, содержащиеся в языке философии.

Список литературы

1. *Абрамова Н.Т.* Перцептивное познание // Философия науки / Ин-т философии РАН. М., 1996. Вып.2. С. 28–48.
2. *Аналитическая* философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. 286 с.
3. *Аполлонов И.А.*, Чистилина И.А. Проблема толерантности в контексте этнокультурной идентичности в условиях полиэтнического региона. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2013. 183 с.
4. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора (синтаксис и семантика) // Лингвистика и поэтика / Ин-т русского языка АН СССР. М.: Наука, 1979. С. 147–173.

5. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: ГНОЗИС, 1994. Ч. 1. С. 5–73.
6. *Ермоленко Г.А.*, Кожевников С.Б. Философские метафоры в текстах культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 81–88.
7. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма / Ин-т философии РАН. М., 1996. 190 с.
8. *Мораш М.* Метафора в произведениях Кафки // Эстетические исследования: методы и критерии / Ин-т философии РАН. М., 1996. С. 228–230.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 456 с.
10. *Патнэм Х.* Как нельзя говорить о значении // Логика и методология науки. Структура и развитие науки. М.: Наука, 1978. С. 396–418.
11. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1982. С. 377–390.
12. *Петров В.В.* Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–220.
13. *Поляков А.В.* Понимание и творчество // Загадка человеческого понимания. М.: Политиздат, 1991. С. 235–244.
14. *Теория* метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. 511 с.
15. *Фреге Г.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 423 с.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 446 с.

Получено 27.09.2014.

References

1. Abramova N.T. [Perceptive knowledge]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, ed. 2, p. 28–48. (In Russian).
2. *Analiticheskaya filosofiya. Izbrannye teksty* [Analitical philosophy. Selected texts]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993, 286 p. (In Russian).
3. Apollonov I.A., Chistilina I.A. *Problema tolerantnosti v kontekste etnokul'turnoj identichnosti v usloviyah polietnicheskogo regiona* [Problem of tolerance within context of ethnocultural identity under the conditions of polyethnic region]. Krasnodar, Kuban' State Technical University Publ., 2013, 183 p. (In Russian).
4. Arutyunova N.D. [Language metaphor (syntax and semantics)]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Institute of Russian language of Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 147–173. (In Russian).
5. Vitgenshtejn L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works.]. Moscow, GNOZIS Publ., 1994, part 1, pp. 5–73. (In Russian).
6. Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B. [Philosophical metaphors in texts concerning culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Pp. 81–87.
7. Makeeva L.B. *Filosofiya H. Patnema* [H. Putnem's philosophy]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, 190 p. (In Russian).
8. Morash M. [Metaphor in Kafka's works]. *Esteticheskie issledovaniya: metody i kriterii* [Aesthetic studies: methods and criteria]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 228–230. (In Russian).
9. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991, 456 p. (In Russian).
10. Putnam H. [How you can not speak about meaning]. *Logika i metodologiya nauki. Struktura i razvitie nauki* [Logics and methodology of science. Structure and development of science]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 396-418. (In Russian).
11. Putnam H. [Meaning and reference]. *Novoe v zarube* [New things in foreign linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 377–390. (In Russian).
12. Petrov V.V. [Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning]. *Filosofskie osnovaniya nauchnoj teorii* [Philosophical basis of scientific theory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, pp. 196–220. (In Russian).
13. Polyakov A.V. [Understanding and creativity]. *Zagadka chelovecheskogo ponimaniya* [Puzzle of human's understanding]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 235–244. (In Russian).
14. *Teoriya metaphory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 511 p. (In Russian).
15. Frege G. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Dom intelektual'noj knigi, 1997, 423 p. (In Russian).
16. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Republic Publ., 1993, 446 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 27.09.2014.

THEORIES OF REFERENCE IN CLASSICAL AND NON-CLASSICAL PHILOSOPHY

Galina A. Ermolenko, Sergey B. Kozhevnikov

Kuban State University; 149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russia

The article examines the philosophical theories of reference in the context of cultural semantics and linguistics. The authors analyze the content of the metaphysical theory of meaning, which goes back to Aristotle, and semantic study of language, G. Frege, B. Russell, S. Kripke, D. Davidson, M. Black, K. Donnelan, D. Kaplan. The authors conclude about the constitutive role of metaphors in the language of philosophy. A metaphor is a mode of meaning formation and the formation of concepts in a philosophical text.

Key words: reference; metaphor; culture; philosophy; text; structure; meaning; concept; language.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б. Теории референции в классической и неклассической философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 14–19.

Please cite this article in English as:
Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B. Theories of reference in classical and non-classical philosophy // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 14–19.

УДК 111.82

PARS PRO TOTO — ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО?

Курбатова Людмила Викторовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: lukur@list.ru

Столбова Наталья Викторовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: pilthekid@mail.ru

Мир может пониматься или как фрагментированный, дискретный, специализированный, профессионализированный, или как целостный, организованный и образованный. В статье рассматривается вопрос о соотношении фрагментирования и целостности в современной культуре и в современном человеке. Сегодня актуальным является проблема гипертрофирования первого понимания и кризиса второго, что выражается в утрате общего духовного пространства и фиксации на уникальном, специальном и индивидуальном. В русле философии образования эта проблема выражается через преобразование диалога как выхода к общим смыслам между участниками образовательного процесса. Авторы показывают возможности использования документального кино для выстраивания современного диалога.
Ключевые слова: культура; человек; духовность; образовательные практики; целостность; фрагментирование; диалог; документальное кино.

Сегодня кажется очевидным утверждение, что всякие образовательные практики имеют целью «приготовить человека» ко включению в процесс конкуренции, делания карьеры, овладения «смыслом жизни», постижения «мудрости»… судьбы. Другими словами, подготовить к вступлению в какую-то иную (часто «взрослую») жизнь. Как будто бы одна — временно неполная, «частичная жизнь» предшествует другой — наполненной, целостной, настоящей.

Как определяется готовность человека к этой «другой» жизни? Не претендуя на новизну, заметим: наверное, ответами на вопросы и, следовательно, ответственностью, которую человек готов принимать как «личную ответственность». Предпочтение тем или иным вопросам, на которые человек готов отвечать в тот или иной промежуток его жизни, зависит и от «среды», в которой он идентифицирует себя как «своего». И от развитости «дома», в котором он себя обнаруживает, в том числе с любовью к нему близких людей. И от «государственных стратегий», реализующихся в конкретный промежуток времени под «флагами» «образования человека», в том числе и ЭТОГО конкретного человека. Мир, в который надлежит вступить человеку, решающемуся на образование, имеет некую границу. И через нее предстоит переступить. Вот только эти обособленные своими границами целостные «другие» миры — разные, в первую очередь исторически. Поэтому и «задачи попадания» в «Универсум» исторически специфические. До сих пор события общей европейской жизни середины XX в., которые потрясли европейских мыслителей, вызывают напряжение: «Оцепеневшая от своего предполагаемого предмета — истребления, концлагерей — философия преображает собственную невозможность в трагическую позу» [1, 4].

Именно эта задача — «человеку попасть в Универсум» — и является общей исторической составляющей, о каком бы периоде истории мы ни размышляли.

И сегодня «попадание в мир» продолжает оставаться проблемой. Особенность этой пробле-

© Курбатова Л.В., Столбова Н.В., 2014

мы — исчезновение мира как целостности. Целостность — значимая и важная ценность для множества людей. Мир же из Универсума превратился во множество «специальных частей». И «собрать» мир из «частей» зачастую оказывается невыполнимой задачей. Жизнь в «несобранном мире» становится несчастной.

В условиях кризиса универсального и актуализации частного в особой опасности оказывается гуманитарное образование. Дни философии в Петербурге, проходившие осенью 2012 г., были посвящены проблематике образования, и они ярко продемонстрировали тенденцию сокращения его гуманитарной компоненты. Всесторонне образованный специалист оказывается ненужным. Нарастающая специализация в современном образовании, вызванная увлеченностью стратегиями расстановки и фрагментирования, выражается в отказе или в ограничении общего образования, в засилье новых технологий, а в России это еще сопровождается чудовищной по своим масштабам формализацией и бюрократизацией образовательного процесса. В этих условиях гуманитарий всегда оказывается проигравшим. С одной стороны, он зажат тисками образовательных программ и развивающейся технологичностью, а с другой — искренним непониманием обывателя: зачем нужно получать общее образование, если оно не может пригодиться в решении конкретных задач в рамках профессиональной деятельности. В таких условиях гуманитарное сообщество захвачено критической философией, в то время как людей объединяют серийное производство и массмедиа, основанные на игре темами интеграции и персонализации (как об этом писал, например, Ж. Бодрийяр [2]).

Но «гуманитарные вопросы» возникают, а вместе с ними возникает и вопрос об интеграции! Что же современный гуманитарий может предложить сегодня человеку? Воспользуется ли он запросом на интеграцию? Или параллельно со звучащими вокруг разговорами о гуманитаризации будет продолжать навязывать традиционные ценности, потерявшие свой социальный фундамент, или же критиковать все и вся? И в том, и в другом случае можно прогнозировать дальнейшее снижение уровня доверия к гуманитаристике со стороны представителей «массового общества».

Задача данной работы — поставить вопрос о том, какой гуманитарный дискурс (и, соответственно, какая интеграция) уместен в современном обществе.

Речь идет в первую очередь о гуманитарных школах, как о гуманитарной составляющей системы общего дошкольного, школьного и вузовского и втузовского образования. Немаловажны и значимы сегодня также общественные мероприятия, организуемые гуманитарным сообществом. Все эти компоненты сегодня переживают кризис легитимации в обществе.

Нынешняя социальная реальность способствует тому, что на всех уровнях практики духовной интеграции и попыток выстроить единую систему духовности легитимируются как варианты «заботы о себе». В отличие от многих идеологических конструктов забота о себе может рассматриваться как практика свободы, как это показал еще М. Фуко [11]. С другой стороны, усложняется и конфигурация духовного пространства, в котором коммуникация начинает играть ключевую роль (как сказал бы Ю. Хабермас: «сегодня настала эпоха коммуникативного разума» [12]). Как на уровне научных гуманитарных школ, так и на уровне общего гуманитарного образования и свободных дискуссий такая модель хотя и выглядит красиво и, возможно, является идеалом либерально-демократических представлений о свободе мысли, но в своей сути она не лишена противоречий, т.к. на данный момент остро нуждается в разработке способов реализации. Ответить на вопросы о «конфигурации духовного пространства» можно только в контексте ответов на вопросы «о судьбе», о «предназначении человека».

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕЛОСТНОЕ или ЧАСТИЧНОЕ?

Что сегодня изменилось в мире? По отношению к чему произошли перемены? С чем они связаны? Кем могут быть интерпретированы и осмыслены? Существуют ли такие максимально широкие «конструкции», которые готовы к «имплантации» внутрь новых опытов? Есть ли такая «философская доктрина», которая может претендовать на инсталляцию таких духовных опытов, которые могли бы принести облегчение, ясность и утешение мятущемуся духу современного человека?

Как быть с тягостным ощущением отсталости, которое возникает в душе всякий раз, когда человек обращается к внешним источникам информации, перегруженным ненужными деталями?

Как удержать ощущение целостности и осмысленности существования, когда «текст – умер», «философия – мертва», «бог – мертв»?

Как оказаться счастливым и не расходовать свою жизнь в погоне за «материальными благами,

выстроившимися бесконечными рядами на бесконечных полках бесконечных магазинов»?

«Современный циник — это интегрированный в общество антиобщественный тип»… «инстинктивно он воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи» [8, с. 27].

Вопросы, вопросы, вопросы… Где найти надлежащих собеседников, которым стоит задавать вопросы и чьи ответы хочется выслушивать? Как научиться задавать вопросы, не впадая в страх отказаться от себя… Как преодолеть этот ужас от себя — мелкого, беспомощного и бессмысленного?..

Почти сто лет назад Макс Шелер высказал пожелание к обучению общим гуманитарным дисциплинам в народном университете: «…в рабочем надо пробудить ощущение того, что мир образования находится полностью за пределами его повседневного труда: что он как человек, гражданин, немец имеет еще и совершенно другие задачи, чем те, что свойственны ему как рабочему. Именно рабочему мир образования должен противостоять как нечто чуждое, новое, как некое неведомое для него ценностное измерение, бесконечно далекое от его профессии. Именно резкая противоположность между, с одной стороны, механизированным, в принципе не поддающимся одушевлению профессиональным трудом и, с другой стороны, стремлением к человеческой и гражданской самостоятельности — вот что составляет совершенно новую проблему душевной пустоты, которую создает в рабочем профессия вкупе с односторонней политической партийной работой и которую образование должно заполнить. Как может колесико в механизме профессиональной жизни быть вне профессии и в то же время цельным человеком» [13, с. 509]. С одной стороны, Шелер действительно подмечает важный момент: фрагментирование отрицает человека как целостность. Развиваются одни модули личности, оказавшись в определенных обстоятельствах, и игнорируются другие. Иногда это бывает осознанным и обоснованным. М. Маклюэн в «Понимании медиа» приводит пример хирурга, который не смог бы оперировать людей, если бы не фрагментировал себя, сводя человеческое к одному модулю своей профессиональной деятельности [5]. А С. Жижек в работе «О насилии», наоборот, показывает фрагментирование другого рода: например, сын Л.П. Берия написал мемуары о своем отце, в которых Берия был представлен добрым семьянином. Будто бы он всей своей деятельностью старался смягчить тот вред, который наносили его соратники [3, с. 41]. В данном случае фрагментирование — чудовищное: как может один человек отправить днем на расстрел 1000 человек, а вечером прийти домой и как ни в чем не бывало поцеловать своего ребенка? Действительно, «мы овладели искусством проводить с полной отрешенностью самые опасные социальные операции» [5].

XX век, с его фашистскими и тоталитарными «опытами» показал, что тема и методы «анализа», «частичности», «фрагментирования» позволяют истреблять какие-то части «населения» как неуместные. Неважно ради какой идеи! Ровно ничего не мешало появлению «концепций», в которых объединялись разнородные части в «целое». Как избежать трагедии такой совместимости? Как не встать на путь повторения таких же «целостностей» впредь?..

Можно ли сделаться и оставаться «гуманистом», «изучая» «гуманитарные предметы», занимаясь «гуманитарными науками»? А если нет, то откуда берется сила «быть гуманным»?.. Равно как и «быть русским», «быть добрым», «быть справедливым», «быть сильным»? Как это сначала «быть в недо-бытии» («до образования»), а потом переходить в «бытие» (стать «образованным»)? В этом пункте наших размышлений мы натыкаемся на важную проблему — технологизации образования. Наплыв технического вызывает очень настороженное отношение, особенно в гуманитарной среде. Оно принимает самые разнообразные формы: от фиксации разрыва между благородными поисками истины и рутинным рационализированным использованием технологий (в данном случае использование технологий — как «техники» — просто оскорбляет) до откровенного страха за то, что технологии полностью заменят собой гуманитарный компонент. Как пишет Б.В. Марков в «Людях и знаках»: «Причина такой неприязни лежит в старом онтологическом различии души и тела, в котором подразумевается, что душа — источник высоких ценностей, а тело требует низменных удовольствий» [6, с. 241]. Мир «техне», мир машин и «машинных» (в особенности компьютерных) технологий способен кого угодно заворожить. И только совсем уж необеспеченные люди игнорируют Интернет как технологию «общения» как способ коммуникаций. Однако все чаще оказывается, что фрагменты общения «в Сети» не в состоянии заменить настоящую книгу, стоящую размышлений, балетный спектакль, путешествие на выставку художников… Душа, как и во времена Платона или

Плотина, все еще подвижна и хочет оставаться наполненной. Но самой собой.

Могут ли вообще технологии заменить собой традиционную систему образования? Изначально образовательный процесс разворачивался в форме диалога родителя-ребенка и учителя-ученика. В ходе межличностного диалога передавались знания, а также шло приобщение к культуре в непосредственном личном общении. В эпоху книжной культуры межличностный диалог уже существует в снятом виде, т.к. передача знаний и приобщение к общему пласту духовности идет во многом через чтение текстов. По мысли Б.В. Маркова, христианство — это первая медийная система, закрывшая своими текстами огромное пространство и реализовавшая возможности передачи сообщений внутри него. И переход к формированию духовного пространства посредством текстов тоже проходил небезболезненно. Платон критиковал «письмена», т.к. их, в отличие от речей, никто не может защитить от неправильного прочтения; а Аристотеля его современники презрительно называли «писателем».

Сегодня же межличностный диалог тонет в обилии различных источников информации, консолидированных в сети Интернет, и поэтому общедоступных. Многие авторы говорят об опасности Интернета для человека, т.к. погрузившись в это бесконечное пространство сообщений, можно из него не выйти. Психологи даже стали говорить об интернет-зависимости и о подмене межличностного диалога, который даже в эпоху господства христианской духовности и системы сообщений достаточно четко очерчивался — интернет-диалогом. Сегодня можно жить активно и весело в социальных сетях, быть продвинутым в компьютерных интернет-играх и уважаемым другими игроками, но при этом лежать на диване в застиранной майке, без работы и реальных друзей, отъедая огромное брюхо (фастфуд можно также легко заказать через Интернет). Все это отчетливо видно и в сфере образования — лежа на диване можно получать дистанционное образование, которое сегодня предлагается как равная альтернатива традиционному обучению. Также доступ к интернет-сети в любой точке мира, который не только делает информацию обо всем доступной, но и создает иллюзию владения этой информацией. В результате распространяется современный миф о том, что учитель уже не нужен, т.к. он только транслятор знаний, его легко можно заменить iPad-ом. В педагогике с этим мифом усердно работают, превращая учителя в организатора учебного пространства, выстраивающего цепочки получения и переработки информации, тем самым изучение истории, математики, биологии и др. подменяется развитием медиаграмотности, а особенность предмета сказывается только в своеобразии информационных цепочек. Конечно же, такая образовательная стратегия очень важна, ведь медиаграмотность сегодня становится основной «компетенцией» ученика, т.к. определяет его способность ориентироваться в многообразии информационных потоков современности и приобщает к интернет-культуре. Но опять-таки это заостряет проблему дилетантизма в любой специализации, с одной стороны, а с другой — происходит подмена человеческого общения координированием действий с информацией.

Но какое место в этой усложненной образовательной среде сохраняет межличностный диалог в форме простого человеческого общения, на базе которого и выстроилась вся разветвленная система современного образования? Остается ли он еще прозрачным или не просматривается, а если просматривается, то с трудом? Современному человеку, тонущему в обилии информационных потоков и постоянно координирующему эти потоки, очень трудно разобраться в себе, выстроить определенное понимание ценностно-богатого мира, утвердиться в понимании того, что такое истина, добро, красота и т.д. Все это тонет в равновероятных потоках означений, полярных мнений «экспертов», порождая мировоззренческий релятивизм и устранение человеческого. Сегодня очень сложно просто оставаться человеком, прорываясь через сложнейшую социальную реальность, снабженную огромным количеством посредников в виде техники, социальных институтов, текстов и гипертекстов и т.д.

Роль гуманитария сегодня, с нашей точки зрения, — показать путь к человеческому, убедить, что существует такой путь. Предложение быть просто человеком сегодня не может быть традиционным: оно не игнорирует технологичность, не требует присоединения к сформированной идеологии, выстраивания «неокончательного Бога», не противостоит тому «миру», в котором человек живет, открывая чуждую ему замысловатую реальность со своими принципами и стратегиями. Оно создает пространство, в котором предоставляются возможности для смыслообразования и межличностного диалога. Сохраняя за человеком свободу смыслообразования, в соответствии с той жизненной ситуацией, в которой человек находится, такое пространство предоставляет возмож-

ность образовывать смыслы и одновременно останавливать возможность смыслообразования там, где человеку комфортно. Это может быть семинарское занятие, тренинг, конференция, школьный урок и т.д. Такое пространство может быть создано на базе любого учреждения, работающего с гуманитарной составляющей в образовании, и успешно интегрироваться в образовательный процесс на любом его уровне: начальном, среднем, высшем, дополнительном.

Способствует созданию такого гуманитарного пространства и документальное кино. Документальное (неигровое) кино в мировой культуре — явление уникальное. Документальным называется фильм, в основу которого легли съёмки подлинных событий и лиц. Кинематограф возникает на основе документальности кадра. Все началось с возможности оживить мгновение и заставить время «вернуться» в любой необходимый человеку момент. Человек расширил свои возможности во времени и в пространстве. В конце XIX в. появилась уникальная возможность съемки документальных действий — демонстрация возможности техники и фиксация мгновений истории: в ноябре 1895 г. в Берлине М. Складановский продемонстрировал свой «биоскоп», а в декабре 1895 г. в Париже братья Люмьер продемонстрировали «синематограф». В течение последующих двух лет публичные демонстрации короткометражных фильмов были проведены во всех мировых столицах. В России первый показ был организован в мае 1896 г. в Санкт-Петербурге (в саду «Аквариум»). И сразу синематограф стал культурно-просветительным. Документальное кино первым «захватило» территорию кинематографа. И главной его культурной функцией сразу же становится просветительство. Появилась уникальная возможность осуществления культурно-просветительных программ. Они «носили характер общественный и во главу угла ставили исключительно моральный успех, не гонясь за материальным» [8, с. 55]. Лев Троцкий увидел в кинематографе сильного и достойного конкурента кабакам и пивным, церкви. «Кинематограф развлечет, просветит, поразит воображение образом» [10, с. 103]. Темой для документальных фильмов чаще всего являются интересные события, культурные явления, научные факты и гипотезы, а также знаменитые персоны и сообщества. Сосуществуя рядом с художественным кинематографом — своим младшим братом, документальное кинотворчество нередко поднималось до серьёзных философских обобщений.

Документальное кино — это еще и уникальное медийное средство познания мира и средство самовыражения. Как для зрителя, так и для создателей. Для каждого, кто любит документальное кино, предоставлены возможности самые широкие. И все зависит лишь от меры таланта восприятия и этического чувства зрителя. И от потребности образовываться — постоянного культивирования в себе, в своей голове образа мира, в котором нам суждено находиться. Это образ мира, который кому-то обязательно надо расширять, пополнять, культивируя в себе все новое, неизведанное, интересное, а кому-то хорошо и в своем мирке, где тепло и не сыро. Первые — это те, кому как глоток воды нужна свежая информация о том мире, где его самого нет… Документальное кино в современном образовательном процессе определяется широким спектром развития человека. Но главное — документальное кино учит общению. Ведь при существующей традиции современного образования, особенно технического, общение вырастает в огромную проблему. Это, с одной стороны, а с другой — избыточный поток информации, идущей отовсюду, стал реальностью. Еще на пороге XX в. Л.Н. Толстой предупреждал, что насыщение информацией ведет к скудоумию [9]. Но это было время, когда можно было ограничить себя от потока информации, когда была возможность выбора самой информации или ее источника. Прошло сто лет — и ситуация коренным образом поменялась. Теперь от информации невозможно «скрыться», она накатывает широкой волной, от которой никуда не спрятаться. Избыточный поток информации стал реальностью. Человек «проглатывает» эту информацию, «переполняется» ею, не успевая ее усваивать. Поток информации — насыщенный, поглощающий, а порой агрессивный. Переживаниям, общению самим с собой часто не остается места, времени, возможности. А способность мыслить рискует быть утраченной совсем. И только внутренний мир представляет собой надежное убежище от внешнего мира, но и там не всегда бывает надежно и спокойно. Теряется интерес к общению с живым миром. Минимум такого общения приводит к отсутствию потребности живого непосредственного выражения мысли, словесной передачи переживаний и эмоций — как радостных, так и печальных.

Современное документальное кино как бы приостанавливает этот процесс, заставляя задуматься, приглашает к диалогу. Документальный фильм собирает желающих общаться, вызывает общий интерес и формулирует проблему. Зритель

ее фиксирует, проносит через свою душу, затрагивая самое сокровенное. Хорошее документальное кино обращается к каждому человеку непосредственно. В то же время, объединяя всех, медиаобраз, проходя через каждого зрителя, образует пространство взаимодействия каждого со всеми. Общаются автор фильма, зритель, много зрителей. Зарождается диалог — основа позитивного восприятия и мировоззрения. Общение не заменить ничем, ему нет аналогов. Главное — ощутить в себе эту потребность, попробовать дать ей реализоваться и не терять уже никогда. Культура общения продолжает оставаться одной из главных ценностей современного мира и человека.

Пермская «Флаэртиана» — известный, международный фестиваль документального кино. Флаэртиановские фильмы отличаются от других направлений в документальном кино тем, что основной принцип их съемки — невмешательство. Фестиваль такого направления в современном документальном кино существует с 1995 г. и носит имя легендарного американского кинорежиссёра, одного из основоположников и классиков мирового документального кино. Как оператор Роберт Флаэрти исходил из простейших принципов: снимай то, что кажется интересным тебе самому (вряд ли твой взгляд уникален), и человек, способный разделить с тобой свои эмоции, найдется всегда; комбинируй статику с динамикой — это распределяет интерес зрителя, организует его внимание. Главное в таком документальном кино — создать иллюзию отсутствия камеры, передать эффект «жизни как она есть». Это было новое слово в документальном кинематографе в 30-е гг. прошлого века. Флаэрти был убежден, что камера умнее и честнее предвзятого языка и замусоренной головы. Всю свою жизнь на стыке кинематографии и антропологии Флаэрти посвятил людям неординарным. Это был поиск и исследование границ человеческих сил и возможностей, утверждение человека не как венца творения, а как органичной части природы, вынужденного и способного на активное соучастие с природой в своем выживании и существовании. Сегодня вызывает удивление то, что «способ», каким видел мир режиссер, удивительным образом попадает в стилистику, созвучную сегодняшней ситуации «распадения мира»: увидеть «жизнь как она есть» — это и значит сохранить ощущение целостности мира!

В рамках фестиваля «Флаэртина» некоторое время назад был организован специальный проект «Флаэртиана-социум», включающий в себя несколько направлений: «ВУЗ-Флаэртиана», «Флаэртиана-профессионал» и «Флаэртиана-территория». В рамках этих направлений проводятся просмотры документальных фильмов с последующими дискуссиями на различных образовательных площадках (в детских садах, школах, техникумах, вузах, учреждениях дополнительного образования, научных конференциях и т.д.). А с 2014 г. направление «ВУЗ-Флаэртиана» превратилось в отдельный студенческий фестиваль.

Практика такого рода мероприятий неожиданно обнаружила свою актуальность в устойчивом спросе на них со стороны образовательных учреждений. В немалой степени это определялось дефицитом образовательных технологий, ориентированных на «удержание целого». Мы готовы рискнуть ввести в оборот обозначение таких технологий как «тотумных» технологий (от латинского слова totum — «целое»). Pars pro toto — часть вместо целого. То, что было в почете в традиционных системах образования, теперь должно бы перевернуться!

Здесь создается пространство приобщения к культуре, но в то же время остается свобода смыслообразования. Более того, проект реализует современные стратегии медиаобразования, где роль медиаобъекта (фильма) не главенствующая, довлеющая над человеком, а посредническая — раскрывающая для человека мир и его самого. Этот момент наиболее важен, т.к. многие теоретики медиакультуры показывали медиа как поле господства другого, заполненное рекламой, мифами, симулякрами, играющими с потребителем и постоянно совершенствующими свою игру. Поэтому здесь стоит четко провести границы. «Флаэртиана» при всей своей популярности — это не массмедиа-проект. Использование документального кино в рамках ее проектов является образовательной практикой раскрытия человека и поэтому требует работы профессионального гуманитарного сообщества: психологов, педагогов, философов, историков, журналистов. Гуманитарные проекты «Флаэртианы» интегрируются в систему образования и в деятельность пермского философского, психологического и педагогического сообществ. Представители этих сообществ и являются тьюторами проводимых дискуссий или экспертами конкурсных программ, т.к. владеют практиками раскрытия человеческого в человеке и создания общего духовного пространства дискуссии. Роль тьютора-гуманитария является ключевой в проведении таких дискуссий, ее осмысление проходит на конференциях, проводимых в рамках «Флаэртианы-социум» и в выпускаемых в

рамках этого проекта сборниках. Так, С.В. Полищук, представитель психологического сообщества, тьютор, сотрудник «Пермкино» и преподаватель гимназии № 4, в своей статье отстаивает мысль о том, что тьютор — это «сталкер» в мире смыслов и ценностей [7]. Автор под этим подразумевает, что в ходе дискуссии идет погружение в «запретную зону», которой он считает область духовно-душевных переживаний, аргументируя тем, что «это интимно-личностная сфера, в которую очень редко пропускают кого-либо, а особенно не пропускают человека, которому не доверяют» [7, с. 21].

Каждый из нас — уникальное существо со своим специфическим набором переживаний и отношений к определенной духовности, характерной для общества. Каждый из нас не только принадлежит, но и производит, сохраняет, удерживает тотальность принятыми в «этой» культуре способами. Конечно, культура — это бремя! И человек не может нести это бремя в одиночестве. Тяжесть ноши требует разделить ее с кем-то. В ситуации неразделенности тотальности могут возникать острые ситуации, в том числе чреватые серьезными психологическими проблемами.

Данная статья затрагивает актуальную проблему «приготовления к целостности», которая возникает в повторяемости альтернативных ситуаций: отрыва человека от культуры. Забвение, утрата общего духовного пространства и фиксация на уникальном, специальном и индивидуальном не случайны. Сегодня это часть идеологии унификации и персонификации. Но ни унификация, ни персонализация не ведет никого в мир Универсума. Поэтому мы полагаем, что принцип должен быть изменен:

Toto pro Pars — целое вместо части!

Список литературы

1. *Бадью А.* Манифест философии / сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 222 с.
3. *Жижек С.* О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
4. *Лурье С.* Страничка истории // История Отечественного кино: хрестоматия / рук. проекта Л.М. Будяк; авт.-сост. А.С. Трошин, Н.А. Дымшиц, С.М. Ишевская, Б.С. Левитова. М.: Канон +: РООИ «Реабилитация», 2011. С. 54–56.
5. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева; закл. ст. М.К. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2003. 464 с.
6. *Марков Б.В.* Люди и знаки: Антропология межличностной коммуникации. М.: Наука, 2011. 672 с.
7. *Полищук С.В.* Тьютор в сфере культуры — «сталкер» в области ценностей и смыслов // Флаэртиана-социум: сб. материалов проекта. Пермь, 2012. С. 19–23.
8. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
9. *Толстой Л.Н.* Круг чтения // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 42. М.: Худож. лит., 1957. 612 с.
10. *Троцкий Л.Д.* Водка, церковь и кинематограф // История Отечественного кино: хрестоматия / рук. проекта Л.М. Будяк; авт.-сост. А.С. Трошин, Н.А. Дымшиц, С.М. Ишевская, Б.С. Левитова. М.: Канон +: РООИ «Реабилитация», 2011. С. 100–103.
11. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
13. *Шелер М.* Университет и народный университет // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Алетейя, 2011. С. 478–526.

Получено 01.10.2014.

References

1. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2003, 184 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Sistema veschej* [The system of objects]. Moscow, Rudomino Publ., 1999, 222 p. (In Russian).
3. Zizek S. *O nasilii* [Violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010, 184 p. (In Russian).
4. Lur'e S. [Small page of history]. *Istoriya otechestvennogo kino: hrestomatiya* [History of native cinema: chrestomathy]. Moscow, Kanon + Publ., Local disabled persons' non-commercial association «Reabilitatsiya» Publ., 2011, pp. 54–56. (In Russian).
5. McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rashireniya cheloveka* [Understanding media: The extensions of man]. Moscow, Zhukovskij, KANON-Press-TS Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
6. Markov B.V. *Lyudi i znaki: Antropologiya mezhlichnostnoj kommunikatsii* [People and signs:

Anthropology of interpersonal communication]. Moscow, Nauka Publ., 2011, 672 p. (In Russian).
7. Polischuk S.V. [A tutor in the sphere of culture as a «stalker» in the area of values and meanings]. *Flaertiana-sotsium: sbornik materialov proekta* [Flaertiana-society: project information package]. Perm, 2012, pp. 19–23 (In Russian).
8. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2001, 584 p. (In Russian).
9. Tolstoy L.N. [The circle of reading]. *Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah. Tom 42* [Complete set of works in 90 volumes. Vol. 42]. Moscow, State Belles-lettres Publ., 1957, 612 p. (In Russian).
10. Trotsky L.D. [Vodka, the Church and the Cinema]. *Istoriya otechestvennogo kino. Hrestomatiya* [History of native cinema. Chrestomathy]. Moscow, Kanon + Publ., Local disabled persons' non-commercial association «Reabilitatsiya» Publ., 2011, pp. 100–103. (In Russian).
11. Foucault M. *Germenevtika subjekta: Kurs lektsij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The Hermeneutics of the Subject. College de France course lectures of 1981–1982 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 677 p. (In Russian).
12. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000, 380 p. (In Russian).
13. Scheler M. [University and people's university]. *Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Max Scheler's philosophical anthropology: lessons, criticism, propects]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2011, pp. 478–526. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

PARS PRO TOTO — PART INSTEAD OF THE WHOLE?

Ludmila V. Kurbatova, Natalia V. Stolbova

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The world can be understood or as fragmented, discrete, specialized, professionalized, or — as a complete and organized. The article considers the question of the relationship between fragmentation and wholeness in contemporary culture and modern man. Today is the problem of actualization the first understanding and the crisis of the second, resulting in the loss of a common spiritual space and commit to a unique, special and individual. In keeping with the philosophy of education, this problem is expressed through the transformation of dialogue between the participants of the educational process. The authors show the possibility of using documentary film to build modern dialogue.

Key words: culture; people; spirituality; educational practices; integrity; fragmenting; dialogue; documentary film.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Курбатова Л.В., Столбова Н.В. Pars pro toto — часть вместо целого? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 20–27.

Please cite this article in English as:
Kurbatova L.V., Stolbova N.V. Pars pro toto — part instead of the whole? // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 20–27.

УДК 316.4.05

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК ТЕХНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСБАЛАНС

Желнин Антон Игоревич,
аспирант, ассистент кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул.Букирева, 15;
e-mail: zhelnin90@yandex.ru

Предметом статьи является феномен социально-биологического кризиса. Показывается его комплексная природа и раскрываются интегративные механизмы. Кризис определяется как этап обострения противоречия между социальным и биологическим, нарушения их коэволюции. В современности главной причиной этого выступает экспоненциальный технологический рост. Он, по-видимому, нарушает важный коэволюционный механизм, который А.П. Назаретян обозначил как «техно-гуманитарный баланс». Показано, что современный кризис можно считать его «теневой» стороной, своеобразным дисбалансом. Ввиду специфики современных технологий он в первую очередь проявляется в информационном избытке, который мы предложили назвать «информационной инфляцией». В результате, психика человека оказывается объектом системного стресса, что может привести к росту не только психических заболеваний, но и соматических. «Внутренний» дисбаланс дополняется «внешним» дисбалансом, связанным с деградацией природной среды и становлением глобальной техно- и инфосферы. Делается вывод, что только рост сознательности в использовании новых технологий, развитие планирования и становление информационной экологии смогут вернуть коэволюции устойчивость и восстановить баланс.
Ключевые слова: социально-биологический кризис; адаптация; коэволюция; «техно-гуманитарный баланс»; десинхронизация; стресс; информационная экология.

Contemporary state of civilization in many aspects can be defined as crisis. It is connected with the strengthening of global existential risks [1] that make mankind's future more and more indeterminate. Moreover, crisis gradually begins to cover not only different social spheres but also natural basis of human life. The growth of non-communicable diseases and psychic loads, strengthening of mutagenesis, aging of population, ecological pollutions in the aggregate make people's life less healthy and let speak about «*dysgenics*» («deterioration») of human biology [14]. In our opinion, these and other dangerous trends give evidence of sociobiological crisis's presence. It, apparently, has complex nature, common features and integral mechanisms which should be researched.

The hypothesis of sociobiological crisis is based on the point of view that human biology isn't constant and continues to evolve. Such type of evolution without divergence and appearance of new kind of species is defined as phyletic. Evolution of man is possible because the fundamental way of biological existence consists in *adaptation*. Human organism saving fundamental morphological apparatus and laws of its function at the same time should permanently adjust to the changing environment, not only the natural but also the artificial one. Actually, man should mostly adapt by feedback principle to namely these factors which are consequences of his own production activities. This fact has biological background: the adaptation interpreted as dependence on environment is only one half of the living existence. The second one vice versa shows the activity changing both environment and organism itself. This process is called *autopoesis* [15]. But only in case of human it finds its highest expression because only human gets possibility to realize universal rational practice or *labor*. Nevertheless, human preserves strong connection between development of the social and the biological which is characterized as *coevolution*. Several ways of its understanding take place. First one is connected with the concept of *gene-culture coevolution* [7]. For example, E.O. Wilson reckons: «Human social evolution proceeds along a dual track of inheritance: cultural and biological. Cultural evolution is Lamarckian and very fast, whereas biological is Darwinian and usually very slow» [26, p. 78].

© Желнин А.И., 2014

In this case the social and the biological appear two different and at the same time equipotent subsystems of human life. It leads to dualism and reductionism. On the contrary, we believe that their relation is *dialectic* and there is definite *hierarchy between them*. The biological in human preserves its own general laws of existence but doesn't stay autonomous. The biological essentially depends on the social as «higher» (i.e. more complex) form of matter and is included into it as subsystem that means here basis or foundation. Therefore, all social phenomena can be interpreted as modes of adaptation, but it describes only their «shadow» aspect and seems to be result of simplification. At the same time they have over-biological essence because they are always connected with human conscious creation and universal transformation of environment.

The main operator of human adaptation is psychic apparatus and its brain basis because of central role in practical conscious activity and due to its maximal plasticitity [11]. In addition, nervous system is integrative for other organism's systems and processes of homeostasis. That's why brain is characterized by famous futurologist S. Lem as more universal and flexible «*homeostat of the second kind*» («homeostat of the first kind», from his point of view, is genetic apparatus). Therefore, it composes an intermedium between the social and the biological, both stable and changeable [22, p. 221]. Many scientists such as S. Freud, K. Lorenz, A. Gehlen, H. Delgado, D. Dubrovsky etc. in different contexts believe that essential contradiction between psychic and material development of man takes place. In our opinion, such opposition seems to be result of abstraction. The crisis would be permanent and quickly degenerate to the catastrophe if it was true. According to the synergetic point of view [21], crisis appears *only a definite stage of nonlinear development connected with failure of equilibrium, amplification of fluctuations, growth of chaos and approximation to the bifurcation point («blow-up»)* which leads to big qualitative changes. Crisis is a maximum of uncertainty and nonlinearity in development because its fundament consists in *escalation of dialectic contradiction when intensive struggle between future tendencies of progress and regress occurs*. We suggest applying A.P. Nazaretyan's hypothesis of «*Techno-Humanitarian Balance*» [19] to the problem of socio-biological crisis. He understands the «humanitarian» primarily as system of moral and other spiritual regulators of technological progress, but we can define «humanity» wider as whole human nature including its biological basis and whole sphere of psychic life. In this context contemporary crisis can be understood as *temporal disturbance between ways of technological and humanitarian development*, as their *disbalance*. Its possibility consists in objective difference between biological and social fundamental ways of existence. This temporal disbalance also can be described by such paradoxical expression as «*chronic desynchronization*».

Apparently, nowadays such disbalance is caused by interjacent character of present civilization, its transition to postindustrial (informational) stage. Contemporary society is characterized with the extension of new High-Tech, automation of productive processes, increase of communicative interactivity, expansion of information as main resource. All these trends lead to that speed of social transformations becomes more and more rapid. Technological growth gets *exponential character* [13]. It is also well known in synergetics that exponential growth causes turbulent state of instability. In contemporary situation technological and informational growth begins to put a major pressure directly on human mind. It leads to state which A. Toffler calls «*future shock*» [23] when human psychic ceases to catch high transformations and suffers from loads. There is obvious evidence: psychic disorders (mostly, neuroses and depressions) become the main part (13 %) of global burden of diseases [2]. Nevertheless, it doesn't mean that mind loses possibility to adapt in principle: it means only that it finds constant obstacle for adaptation. That's why J. Naisbitt points out that the core of contemporary balance should be *balance between high technologies and spiritual comfort*: «The operative guide word for the original formulation of high-tech/high-touch is balance: to balance the material wonders with the spiritual demands of our human nature» [20, p. XV]. At the same time namely it becomes the central problem of present existence.

Deformation of psychic balance leads to condition which is accompanied with the increase of the level of *stress*. It is known that prolonged stress (especially, emotional one [3]) has a general negative impact on organism. It happens because deformations of homeostasis occur and its degeneration to *allostasis* [16], which is background for different diseases, begins. First of all, the growth of stress is caused by overabundance of information as main resource of postindustrial society. New net technologies generate this overdose because, in M. McLuhan's words, essentially they are *artificial extensions of nervous system* [17], so that they rapidly and widely expand human's realm of perception. In the end, because of

cognitive limitations of human psychic (for example, in the sphere of memory) a new kind of stress appears, namely «*info-stress*» [10]. For designation of information's hypertrophy we suggest term «*information inflation*». Instead of term «information explosion», it expresses an ambivalent character of this growth manifested in depreciation of meaning, loss of selectivity, psychic disorientation etc. Secondly, it is made not by informational volumes alone but also by *acceleration of transformational tempos.* It seems that living in net society can deform many natural rhythms of human organism. The simplest example is disturbance of circadian rhythm of sleep-wake cycle [8]. In the end, all psychic problems reflect in body with growth of psychosomatic defects and diseases: it shows in negative way that mind is always literally «em-bodied» (F. Varela, G. Lakoff). In other words, loss of equilibrium by nervous system as central one can cause a *whole cascade of failures in other regulatory and signal systems of organism*. In the end, chronic psychological stress manages to cause destabilization even of genetic apparatus [6]. This is possible because all physiological processes within organism as complex system have their informational components which provide its integrity and coherency [9]. External «information inflation» manages to disturb this internal coherency. In the end, we believe that *the exponential growth of social processes' speeds gets into contradiction with relatively inertial biological processes whose main (and quite «conservative») aim consists in maintenance of homeostasis*. That's why even mind gradually fails to catch up too rapid informational streams. It shows once more that *the core contradiction of crisis has not static but dynamic nature and is significantly connected with temporal disturbances.*

The fact that contemporary crisis has relation with global ecological situation should be admitted. The loss of balance also takes place there. Exponential technological growth leads to enormous pressures on environment, causes its high instability and can lead to sudden collapse [18]. But degradation of natural component of environment is only one side of the coin. The other one is a formation of the *global technosphere* that constantly gets adaptive systems of organism mobilized: «Culture and technology have facilitated biological adaptation, but they have also created and continue to create new stressful conditions that require new adaptive responses» [5, p. 6]. In postindustrial civilization namely information in situation of its overabundance («informational pollution») appears the most dangerous source of stress. But we should also remember that because of global unevenness in economic progress and in transition to postindustrial stage developing countries continue to use backward technologies which are coupled with «classical» material pollutions and high levels of contaminants in environment. In fact, exponential progress is appropriated by the most developed countries, so that developing countries forms their periphery where masses of people still suffer from less complex type of crisis which is connected with poverty, marginalization, disorders and terrible ambient conditions [24]. Material environment of their lives itself appears major stressful factor. That's why ecological crisis is essentially connected with contradictions of global capitalism. In result, ecological crisis with its negative impact appears an external addition of sociobiological crisis. *We can conclude again that the last one has complex («endo-exogenic») nature which is connected with escalation of contradiction between the social and the biological, desychronization of their coevolution and loss of balance*.

In conclusion, we believe that break of technohumanitarian balance with psychical disorientation is caused by lack of conscientiousness in possibilities of new technologies' application. Apparently, famous cognitive distortion, *the Dunning-Kruger effect* [12], can take place not only on level of individual personality but also of whole society. It is essentially a *paradox of ignorance and incompetence*: because of technological hypertrophy contemporary civilization begins to believe in its own omnipotence, but it appears only illusion due to absence of knowledge about all consequences and optimal parameters of using of new technologies, especially informational ones. This means that *regress can appear a result of not only the pure catastrophe but also of inner ambivalent character of the progress itself, loss of its balance and underestimation of these contradictions by society*. Nevertheless, it doesn't mean at all that we should «freeze» our technological progress: on the contrary, *our «summa technologiae» should be added with new type of technologies which can help to regulate technosphere and to program optimal ways of its development, including influence on our psychic life.* These «intelligent technologies» can also be used in resolving of social contradictions of contemporary capitalism such as global inequality of production's development due to their planning functions, portability, easy spreading and «non-consumability» of information as their main resource. Furthermore, we can also expect development of such technologies which of course can't literally

«transcend» human biology but can help to wide our capabilities for maintenance of our psychic homeostasis. For example, V. Vinge supposes that the future path of it is not a radical construction of post-human with *artificial intelligence* (AI) but development of more and more perfect human-computer interfaces or, in other words, our *intelligence amplification* (IA) [25]. In the end, it is obvious that contemporary crisis appears not only obstacle but also *stimulus*: it creates need for a new coevolutionary format which should be built on the *conscious scientific planning* and directed to *sustainable development*, both internal and external. New science and system of practices called *information ecology* [4] will play central role there because information continues to become the most fundamental resource and value of our civilization.

References

1. Bostrom N., Cirkovic M.M. Global catastrophic risks. Oxford: Oxford University Press, 2011. 576 p.
2. Collins P.Y. et al. Grand challenges in global mental health // Nature. 2011. Vol. 475, № 7354. P. 27–30.
3. Dantzer R. Stress, emotions and health: where do we stand? // Social Science Information. 2001. Vol. 40, № 1. P. 61–78.
4. Eryomin A.L. Information ecology — a viewpoint // International Journal of Environmental Studies. 1998. Vol. 54, № 3–4. P. 241–253.
5. Frisancho A.R. Human adaptation and accommodation. University of Michigan Press, 1993. 532 p.
6. Gidron Y. et al. The relation between psychological factors and DNA-damage: a critical review // Biological psychology. 2006. Vol. 72, № 3. P. 291–304.
7. Gintis H. Gene-culture coevolution and the nature of human sociality // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2011. Vol. 366, № 1566. P. 878–888.
8. Grandin L.D., Alloy L.B., Abramson L.Y. The social zeitgeber theory, circadian rhythms, and mood disorders: review and evaluation // Clinical psychology review. 2006. Vol. 26, № 6. P. 679–694.
9. Haken H. Information compression in biological systems // Biological cybernetics. 1987. Vol. 56, № 1. P. 11–17.
10. Klingberg T. The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory. Oxford: Oxford University Press, 2008. 224 p.
11. Kolb B., Whishaw I.Q. Brain plasticity and behavior // Annual review of psychology. 1998. Vol. 49, № 1. P. 43–64.
12. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77, № 6. P. 1121–1134.
13. Kurzweil R. The singularity is near: When humans transcend biology. N.Y.: Penguin, 2005. 672 p.
14. Lynn R. Dysgenics: Genetic deterioration in modern populations. Westport CT: Praeger, 1996. 237 p.
15. Maturana H.R., Varela F.J. The tree of knowledge: The biological roots of human understanding. New Science Library / Shambhala Publications, 1987. 263 p.
16. McEwen B.S. Brain on stress: How the social environment gets under the skin // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109, № 2. P. 17180–17185.
17. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. MIT press, 1994. 389 p.
18. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. Beyond the limits: global collapse or a sustainable future. London: Earthscan Publications Ltd., 1992. 300 p.
19. Nazaretyan A.P. Anthropogenic Crises: The Hypothesis of Techno-Humanitarian Balance // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2004. Vol. 74, № 4. P. 319–331.
20. Naisbitt J., Naisbitt N., Philips D. High tech high touch: Technology and our accelerated search for meaning. London: Nicholas Brealey Publishing, 2001. 274 p.
21. Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature. N.Y.: Bantam Books, 1984. 349 p.
22. Turrigiano G.G. Homeostatic plasticity in neuronal networks: the more things change, the more they stay the same // Trends in neurosciences. 1999. Vol. 22, № 5. P. 221–227.
23. Toffler A. Future shock. N.Y.: Random House LLC, 1990. 561 p.
24. Vigh H. Crisis and chronicity: Anthropological perspectives on continuous conflict and decline // Ethnos. 2008. Vol. 73, № 1. P. 5–24.
25. Vinge V. Signs of the singularity // IEEE Spectrum. 2008. Vol. 45, № 6. P. 76–82.
26. Wilson E.O. On human nature. Harvard University Press, 1978. 260 p.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

CONTEMPORARY SOCIOBIOLOGICAL CRISIS AS TECHNO-HUMANITARIAN DISBALANCE

Anton I. Zhelnin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The subject of the article is phenomenon of sociobiological crisis. Its complex nature is shown and integrative mechanisms are revealed. The crisis is defined as the stage of escalation of the contradiction between the social and the biological, the break of their co-evolution. Nowadays technological growth appears the main reason for it. It, apparently, breaks an important co-evolutionary mechanism, which A.P. Nazaretyan called «techno-humanitarian balance». It is shown that the current crisis can be regarded as its «shadow» side, a kind of disbalance. Due to the nature of modern technology it is primarily manifested in the information abundance, which we propose to call «information inflation». As a result, the human psychic appears the object of the systematic stress, which may lead not only to increase of mental disorders but also somatic ones. «Internal» imbalance is complemented by an «external» one that is associated with the degradation of the natural environment and the emergence of a global techno- and info-sphere. We conclude that only growth of awareness in the use of new technologies, development of planning processes and the establishment of an information ecology can help co-evolution to return its sustainability and to restore balance.

Key words: sociobiological crisis; adaptation; coevolution; «techno-humanitarian balance»; desynchronization; stress; information ecology.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Желнин А.И. Современный социально-биологический кризис как техно-гуманитарный дисбаланс // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 28–32.

Please cite this article in English as:
Zhelnin A.I. Contemporary sociobiological crisis as techno-humanitarian disbalance // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 28–32.

УДК 167.7

ТЕХНОНАУКА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ*

Ястреб Наталья Андреевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Вологодский государственный университет,
160035 Вологда, ул. Орлова, 6;
e-mail: nayastreb@mail.ru

В статье показано произошедшее в XX в. изменение отношений между наукой и техникой в сторону большей интеграции фундаментальных и прикладных исследований, нашедшее свое отражение в концепции единой интегрированной области знаний — технонауки. Рассматриваются идеи постакадемической, постнормальной, предпринимательской науки, финализации науки, режима производства знания-2 (mode-2 research). Роль философии в осмыслении технонауки видится прежде всего в анализе онтологических и эпистемологических вопросов, на основании которого могут ставиться и исследоваться этические, ценностные и социокультурные вопросы, связанные со становлением технонаучных проектов.

Ключевые слова: технонаука; эпистемология техники; техническое знание; NBIC-конвергенция.

До середины XX в. в западной науке сохранялось достаточно строгое деление на академические институты и промышленные организации, фундаментальные и прикладные исследования были разделены институционально и хронологически; соблюдалась линейная схема научных исследований, когда создаваемые академическими структурами теории использовались в прикладных исследованиях, а затем внедрялись в виде каких-либо технологий. Вторая мировая война и последовавшее за ней «холодное» противостояние вызвали резкое увеличение государственного финансирования науки и техники в ведущих странах, прежде всего исследований в области ядерного оружия, микроэлектроники, ракетной техники, информатики, биотехнологии и нанотехнологии. Возникла (и была реализована) необходимость создания ряда новых правительственных учреждений для поддержки научных и технологических исследований, таких как Национальный научный фонд (NSF), Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), Комиссия по атомной энергии (AEC) в США, Европейский центр ядерных исследований (ЦЕРН), Европейское космическое агентство, Национальный центр научных исследований Франции (CNRS) в Европе и др. Их общей особенностью стало изменение отношений между наукой и техникой в сторону большей интеграции, в результате чего различия между ними стали не столь очевидными.

Изменилось отношение к пониманию самой науки, так как Вторая мировая война показала, что лишь немногие исследования могут считаться «чистой» наукой, не имеющей прикладной составляющей. Сместился фокус науки с исследований природы на создание технологий, таких как ракета, атомный реактор или компьютер. Это устранение различий между наукой и технологией привело к появлению концепции единой интегрированной области знаний. В конце 70-х гг. XX в. для отражения нового характера взаимоотношения науки и технологий, знания и инструмента появилось понятие технонауки, символизирующее тот факт, что «техногенная среда превращается из простого “приложения” научного знания в естественную среду его развития» [1, с. 201]. Сама технонаука представляет собой скорее новый способ построения научного знания, в чем-то альтернативный научной теории, и может рассматриваться как «симбиоз фундаментального исследования, технической теории и инженерной деятельности» [2, с. 37]. На смену научной тео-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 12-03-00435а.

© Ястреб Н.А., 2014

рии, как системе знаний, приходит синтез «знания что» и «знания как», а в классическую триаду задач науки «описание – объяснение – понимание» встраиваются проектирование и прогнозирование. При такой форме организации науки и технологии они рассматриваются не как зависящие друг от друга, а скорее как взаимозависимые составляющие в том смысле, что технология не может существовать без науки и наука не может существовать без технологии.

Концепция технонауки в середине XX в., конечно, реализовывалась далеко не во всех исследовательских областях. Пилотными направлениями стали те, которые работали на оборонно-промышленный комплекс, — прежде всего ядерная энергетика и ядерное оружие, космические исследования и ряд других. Ядерная физика стала одним из первых направлений, в котором технологии стали оказывать влияние на фундаментальную науку. Ускорители частиц, основанные на военных микроволновых исследованиях, детекторы, к примеру, пузырьковые камеры, первоначально разработанные для разработки ядерного оружия или обнаружения ракет, стали новым экспериментальным оборудованием, определившим дальнейшее развитие ядерных исследований. Аналогичная ситуация складывалась в астрономии, которая с возникновением космических программ сверхдержав получила ранее немыслимый инструментарий, такой как орбитальные телескопы и межпланетные зонды, что привело к революционным изменениям в представлениях человека о Вселенной. В физике твердого тела технонаучный поворот связан с исследованиями полупроводников. В СССР и в США были созданы коллективы, объединившие ученых и инженеров для изучения свойств полупроводников и p-n переходов, создания транзистора и разработки технологий его промышленного производства. Все это привело к тому, что лаборатория вторглась в «башню из слоновой кости» теоретиков, технология перестала быть чем-то внешним по отношению к познанию природы, а техническая среда стала естественной средой развития научного знания.

В рамках постпозитивизма К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, М. Полани в философское понимание науки было включено историческое и культурное измерение. В дальнейшем, в связи с развитием социологических исследований науки, она начинает рассматриваться как институциональная деятельность и форма социальной организации, обладающая своими правилами, явными и неявными установками, ценностными ориентациями и этическими позициями, влияние которых на научное познание и знание уже нельзя вывести за скобки. В рамках социального конструктивизма (Б. Барнс, Д. Блур, С. Вулгар, Б. Латур, Э. Пикеринг, Г. Колинз, Т. Пинч, С. Шейпин, С. Шаффер, Д. Гудинг, М. Калон, С. Фулер) формируются программы SSS — социологические исследования науки; STS — исследования науки и технологии; SSK — социология научного знания, а позже — lab studies, социология лаборатории. Лаборатория стала ключевым феноменом для исследователей социологии науки, т.к. она представляет собой именно то место, «где наука разворачивается как экспериментальная и социальная деятельность, включающая материальные отношения с вещами (инструментами, приборами, технологиями)» [3].

Взаимоотношение науки и технонауки рассматривается неоднозначно. Достаточно часто выдвигаются концепции, определяющие переход к технонауке как фундаментальный сдвиг или новый «режим» научных исследований. Это находит отражение в идеях постакадемической, постнормальной, предпринимательской науки, финализации науки, режима производства знания-2 (mode-2 research) и др. Утверждение о сдвиге или революции всегда легко подвергается возражению, однако, если оно и переоценивает фундаментальность происходящих изменений, то, тем не менее, фиксирует смещение внимания, общественных ожиданий и социальных запросов в отношении науки. В то же время отрицание объективности трансформации современной науки и утверждение того, что технонаука представляет собой просто гибридные конгломераты знаний, не вписывающиеся в классификации и традиционное разделение на фундаментальные и прикладные науки, а потому стоящие в стороне от основной науки, представляется некорректным и недальновидным. Мы будем использовать концепцию технонауки как фиксацию поворота науки к практике, трансформацию самой научной практики и признание неотделимости знания от материальных условий его производства.

В этом смысле технонаука не является исключительным изобретением второй половины XX в., т.к. ее проявления можно найти на всех этапах развития науки, от работ Архимеда, где уже был синтез фундаментального и прикладного знания для решения военных задач, до термодинамики XVIII в., где законы природы открывались в результате экспериментов над искусственными объектами в лабораторных условиях, а конструиро-

вание машин становилось основой построения физической теории. Однако в целом при этом доминировала, как пишут М. Гиббонс, П. Скотт и Х. Ноутни, «старая парадигма научных открытий, характеризующаяся гегемонией дисциплинарной науки, с ее сильным чувством внутренней иерархии между дисциплинами» [5, p. 10].

Становление технонауки изменило характер взаимоотношений науки и философии. Если в рамках позитивистских концепций философия рассматривалась как способ прояснения научного знания, анализа языка или закономерностей роста и развития науки, то становление технонаучных проектов сформировало у многих ученых, политиков и обывателей убежденность в том, что философия — это этика науки. Действительно, такие проекты, как NBIC-конвергенция (комплексное развитие нано-, био-, информационных и когнитивных технологий), затрагивающие общечеловеческие вопросы природы человека и будущего человечества, необходимо должны сопровождаться этической экспертизой, принципы и методология которой во многих отношениях разрабатывается в процессе самой оценки. Однако отождествление философии с этикой даже в случае таких злободневных проблем, как применение биотехнологий, ошибочно, поскольку это ущербно для онтологии и эпистемологии. Задача философии технонауки состоит, в первую очередь, в осмыслении того, что есть технонаука, именно это является условием рассмотрения социальных, этических, правовых и других аспектов. К примеру, цель философского анализа нанотехнологий может быть сформулирована как прояснение того, как их свойства проистекают из онтологии наноразмерных объектов и эпистемологических оснований деятельности человека на молекулярном уровне.

Онтология и эпистемология технонауки, определяя основания ее философского осмысления, позволяют по-новому взглянуть не только на технологию, но и на традиционные философские вопросы. Эпистемологическая установка на рассмотрение науки как «чистой» формы знания и пренебрежительное отношение к технологии как ко вторичному знанию не позволит рассмотреть технонаучное знание как самостоятельный феномен, не сводящийся к некоторой совокупности фундаментальных и прикладных знаний, а имеющий собственные эпистемологические ценности, способы производства знания и критерии его оценки. В технонаучном познании фокус эпистемологии смещается с форм теоретического знания в сторону конструируемых объектов, объектами эпистемологии становятся «вещь как знание», «эпистемическая вещь», артефакты, модели и симуляции, экспериментальные системы и т.д. Конструирование рассматривается как самостоятельный метод получения знания, более того, исследователи, занимающиеся созданием технологий, например, в области нано- или биотехнологий, все чаще утверждают, что их цель состоит «не в получении практического результата, а в знании как таковом, т.е. технология становится способом производства научного знания» [8, p. 381].

Онтологические вопросы технонауки в литературе разработаны гораздо меньше, чем эпистемологические. В настоящее время понятно, что мы имеем дело с серьезными трансформациями онтологии науки. Мир сам по себе, таков, каков он есть, уходит из объектной области науки, сначала с возникновением лаборатории, с ее сконструированными условиями и отобранными объектами, а затем с массовым вторжением конструктов, технообъектов, артефактов в пространство научного исследования. Не переставая существовать как часть реального мира, они получают онтологию, неразрывно связанную с эпистемологическими основаниями, деятельностью субъекта, функциональной нагруженностью. Функциональный характер технических объектов, наиболее убедительно в настоящее время описанный в рамках аналитической философии техники, дает основания в рамках некоторых подходов утверждать об онтологическом безразличии [4] или даже о том, что вопрос о сущности и существовании чужд философии технонауки [6]. Тем не менее, очевидно, что онтологические вопросы не менее важны, чем эпистемологические или социальные. Так, свойства нанообъектов и эпистемологические стратегии их создания и применения определяются именно онтологическими свойствами наноразмерных систем, когда квантовые эффекты уже гораздо менее заметны, чем на атомарном уровне.

Кризис онтологии, таким образом, может быть связан не с отсутствием ее необходимости, а с тем, что традиционные онтологические подходы, такие как реализм и инструментализм, с трудом применимы в новых условиях. Наиболее актуальной представляется плюралистическая онтология, которая может прояснить ряд вопросов. Пример, над которым размышляли основоположники социологии науки, таков: чем отличается рак, возникший в результате естественной предрасположенности живого организма (мыши) к онкологическим заболеваниям, от злокачественной опухо-

ли, вызванной у лабораторной мыши с помощью биотехнологий. В обоих случаях мы имеем дело с реальными, объективными, физически эквивалентными образованиями, однако во втором случае этот объект является «продуктом экономики знаний, воспроизводимой проектной спецификацией, которая не репрезентирует процесс болезни, но сама есть процесс болезни» [7].

Критика технонауки основывается на том, что при такой форме организации каждый научно-исследовательский проект a priori подчинен необходимости его последующего технического применения, что обуславливается либо сферой его использования (например, медицина или устранение чрезвычайных ситуаций), либо частными интересами (прибыль, престиж, власть, различного рода прихоти и т.д.). При этом размываются традиционные принципы бескорыстности чистой науки и независимости познавательной деятельности ученых от конъюнктурных соображений, а академические организации превращаются в конкурирующие предприятия, ведущие борьбу за приоритет, позволяющий получать финансирование, гранты и другие формы поддержки. Особенно популярными такие идеи являются во Франции и франкоговорящих странах, где сильны антиглобалистские настроения [9]. Кроме того, среди критиков много и тех, кто полагает, что термин «технонаука» сам по себе вносит путаницу, поэтому необходимо провести четкую разделительную линию между наукой как исключительно когнитивным (теоретическим и абстрактным) понятием и технологией, которая представляет собой всего лишь один из вариантов применения полученного наукой знания, если такое применение отвечает чьим-либо материальным интересам.

Философская критика технонауки, на наш взгляд, также должна иметь под собой эпистемологические основания, вне которых она становится поверхностной и формулируется преимущественно в оценочных суждениях. Эпистемологический подход показывает оправданность введения термина «технонаука», что обусловлено трансформацией научного знания в сторону конструирования и прогнозирования, а технического — в сторону понимания знания как цели исследования. Трансформация структуры научно-исследовательского процесса, характерная для современных крупных проектов, интеграция направлений и уровней познания ставят перед эпистемологией науки задачи анализа науки и техники с современных позиций.

Список литературы

1. *Андреев А.Л.* Технонаука // Философия науки. 2011. № 16. С. 200–218.
2. *Горохов В.Г.* Нанотехнология — новая парадигма научно-технической мысли // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 36–41.
3. *Столярова О.Е.* Исследования науки и технологии (STS): к истории формирования дисциплины // Социально-гуманитарное знание в современном мире. М.: МЭСИ, 2009. С. 29–42.
4. *Galison P.* The pyramid and the Ring: The Rise of Ontological Indifference. Lecture at the Centre for the Humanities of the University of Utrecht, 2010. URL: http://www.uu.nl/FACULTY/HUMANITIES/EN/CURRENT/AGENDA/Pages/20101119-lecture-peter-galison.aspx (date of access: 08.09.2014).
5. *Gibbons M.*, Nowotny H., Scott P. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 288 p.
6. *Hottois G.* Le signe et la technique. La philosophie à l'épreuve de la technique. Paris: Aubier, 1984. 222 p.
7. *Nordmann A.* Collapse of Distance: Epistemic Strategies of Science and Technoscience // A Plenary Lecture at the Annual Meeting of the Danish Philosophical Association, March, 2006. URL: https://www.uni-bielefeld.de/(en)/ZIF/FG/2006Application/PDF/Nordmann_essay2.pdf (date of access: 08.09.2014).
8. *O'Malley Maureen A.* Making knowledge in synthetic biology: Design meets Kludge // Biological Theory. 2009. No 4. P. 378–389.
9. *Séris J.-P.* La technique. Paris: PUF, 1994. 280 p.

Получено: 01.10.2014.

References

1. Andreev A.L. [Technoscience]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. 2011, no 16, pp. 200–218. (In Russian).
2. Gorohov V.G. [Nanotechnology as a new paradigm of scientific and technical idea]. *Vyshee obrazovanie segodnya* [Higher education today]. 2008, no 5, pp. 36–41. (In Russian).
3. Stolyarova O.E. [Studiees of science and technology(STS) — towards the history of discipline formation]. *Sotsial'no-gumanitarnoe znanie v sovremennom mire* [Social and humane knowledge in modern world]. Moscow, Moscow State University of Economics, Statistics, and Informatics Publ., 2009, pp. 29–42. (In Russian).

4. Galison P. The pyramid and the Ring: The Rise of Ontological Indifference. Lecture at the Centre for the Humanities of the University of Utrecht, 2010. URL: http://www.uu.nl/FACULTY/HUMANITIES/EN/CURRENT/AGENDA/Pages/20101119-lecture-peter-galison.aspx (date of access: 08.09.2014).
5. Gibbons M., Nowotny H., Scott P. Re-Thinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 288 p.
6. Hottois G. Le signe et la technique. La philosophie à l'épreuve de la technique. Paris: Aubier, 1984. 222 p.
7. Nordmann A. Collapse of Distance: Epistemic Strategies of Science and Technoscience // A Plenary Lecture at the Annual Meeting of the Danish Philosophical Association, March, 2006. URL: https://www.uni-bielefeld.de/(en)/ZIF/FG/2006Application/PDF/Nordmann_essay2.pdf (date of access: 08.09.2014).
8. O'Malley Maureen A. Making knowledge in synthetic biology: Design meets Kludge // Biological Theory. 2009. No 4. P. 378–389.
9. Séris J.-P. La technique. Paris: PUF, 1994. 280 p.

The date of the manuscript receipt: 01.10.2014.

TECHNOSCIENCE AS A PRESENT STAGE OF THE DEVELOPMENT OF TECHNICAL KNOWLEDGE

Natalia A. Yastreb

Vologda State University; 6, Orlov str., Vologda, 160035, Russia

The article shows the change in the relations between science and technology towards more integration of fundamental and applied research, as reflected in the concept of an integrated field of study, such as technoscience. Considered the idea of post-academic, post-normal science business, finalizing science, fashion-2 research. The role of philosophy in understanding technoscience is seen in the analysis of the ontological and epistemological issues. Epistemological analysis is considered as the basis of studies of ethical, values and social issues associated with the development of technoscientific projects.
Key words: technoscience; epistemology of technology; technical knowledge; NBIC-convergence.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Ястреб Н.А. Технонаука как современный этап развития технического знания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 33–37.

Please cite this article in English as:
Yastreb N.A. Technoscience as a present stage of the development of technical knowledge // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 33–37.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2+159.947.5+159.963.55

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЦЕННОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

Галян ИгорьМихайлович,
кандидат психологических наук, доцент,
докторант
Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины
Украина, 01033, Киев, ул. Паньковская, 2;
e-mail: halyan@mail.ru

В статье представлен психологический анализ теоретической концептуальной модели ценностной саморегуляции будущих педагогов, в основу которой положен субъектный подход к моделированию саморегуляционного процесса. Раскрывается специфика ценностной саморегуляции в профессиональной деятельности будущих педагогов через анализ целевого, процессуального, содержательного и результативного аспектов процесса удовлетворения их потребности в самореализации. Акцентируется внимание на трех ее составляющих: *содержательно-психологической* (детерминанты ценностной саморегуляции: личностный смысл, индивидуальные особенности субъекта и психические состояния), *социально-психологической* (условия ее осуществления: субъектность личности, ситуация и социокультурная среда) и *структурно-функциональной* (блоки, обеспечивающие непосредственный процесс саморегуляции: мотивационно-целевой, блок программирования и поведенческий). Указывается, что все они работают как целостный механизм, детерминируя, поддерживая и контролируя друг друга.

Ключевые слова: ценности; личностные смыслы; саморегуляция; модель; субъект; субъектность; самореализация; рациогуманизм.

Проблема личности по своей практической и теоретической значимости относится к одной из фундаментальных в современной психологии. Все разнообразие толкования личности отражено в научных подходах: одни сводят содержание понятия «личность» к совокупности присущих индивиду устойчивых, во многом врожденных черт (естественно-научная традиция); другие видят в личности качество индивида, формирующееся в общественно детерминированных процессах социального взаимодействия (ролевые и интеракционистские концепции); третьи определяющим атрибутом личности рассматривают суверенитет, сторонами которого является ее внутренняя свобода, присущие ей способности к совершению поступков, к творчеству, построение и реализация смысла своей жизни (от классической немецкой философии к экзистенциализму XX в.).

Наше исследование основывается на интегративно-личностном подходе (Г.А. Балл), ориентированном на рациогуманистическую мировоззренческую и методологическую установку. С методологической стороны этот подход интегрирует конструктивные составляющие упомянутых выше концепций, соответствующих различным вариантам понимания и познания личности, и дает возможность им дополнять друг друга. С другой, онтологической, ориентирует на целостное рассмотрение индивида в единстве его соматических, психологических и духовных свойств. Такой подход дает основания рассматривать явления (в том числе психологические) как систему, в которой вещи, образованные совокупностью элементов объединенных закономерными устойчивыми связями (структурой) и определенными интегративными (системообразующими) свойствами, функционируют в качестве подсистем.

Являясь открытой, динамичной, многомерной, способной к самоорганизации психологической системой, личность наделена такими функцио-

© Галян И.М., 2014

нальными характеристиками, как смыслы и ценности. Будучи смысловыми образованиями, ценностные ориентации личности связывают мотивационную и когнитивную сферы, направляя и ориентируя поведение человека на определенные цели. В то же время, будучи зависимыми от общественных ценностей, они (личностные ценности) сами нуждаются в регуляции.

Изменить систему ценностей личности довольно трудно, но можно регулировать отдельные ее звенья, влияя тем самым на изменение качества ее структуры, уменьшение ее противоречивости, укрепление целостности, связывая в единое целое личность и социальную среду. Субъектный подход к моделированию ценностной саморегуляции обязывает учитывать ряд моментов, среди которых ключевым является поиск реальной, а не чисто созерцательной специфики саморегуляции в профессиональной деятельности будущих педагогов. Это возможно на основе анализа целевого, процессуального, содержательного и результативного аспектов процесса удовлетворения их потребности в самореализации. Поэтому возникает необходимость разработки теоретической модели ценностной саморегуляции, а также ее эмпирической апробации, в которой был бы представлен механизм обеспечения этого процесса.

Целью нашей статьи является теоретический анализ модели ценностной саморегуляции личности будущих педагогов на этапе их профессионального становления.

Понятие «модель» сегодня часто используется в психолого-педагогических исследованиях. Обобщенная интерпретация этого понятия получила теоретическую разработку в трудах Г.А. Балла, В.И. Войтко. Модель определяется учеными как система (материальная или идеальная), которая благодаря структурному сходству (реальному или воображаемому) с некоторой моделируемой системой может быть использована тем или иным агентом как носитель информации о ней. При этом модель может быть как вторичной, так и первичной относительно моделирующей системы [4, 7].

Любая модель описывает механизм функционирования определенного явления или процесса. Представляя модель ценностной саморегуляции, мы акцентируем внимание на процессе, учитывающем индивидуальные особенности студентов, процесс их ценностной трансформации в период профессионализации, где, в частности, содержание профессиональных знаний и умений, преломляясь через систему ценностей, формирует адекватную профессиональную мотивацию и индивидуальные умения саморегулирования. В ней реализуется идея системного подхода к изучению психических явлений, который, как отмечает Б.Ф. Ломов [12], способствует изучению явления как единой целостной структурированной системы, образованной разнородными элементами, соединенными в единое целое иерархическими взаимосвязями.

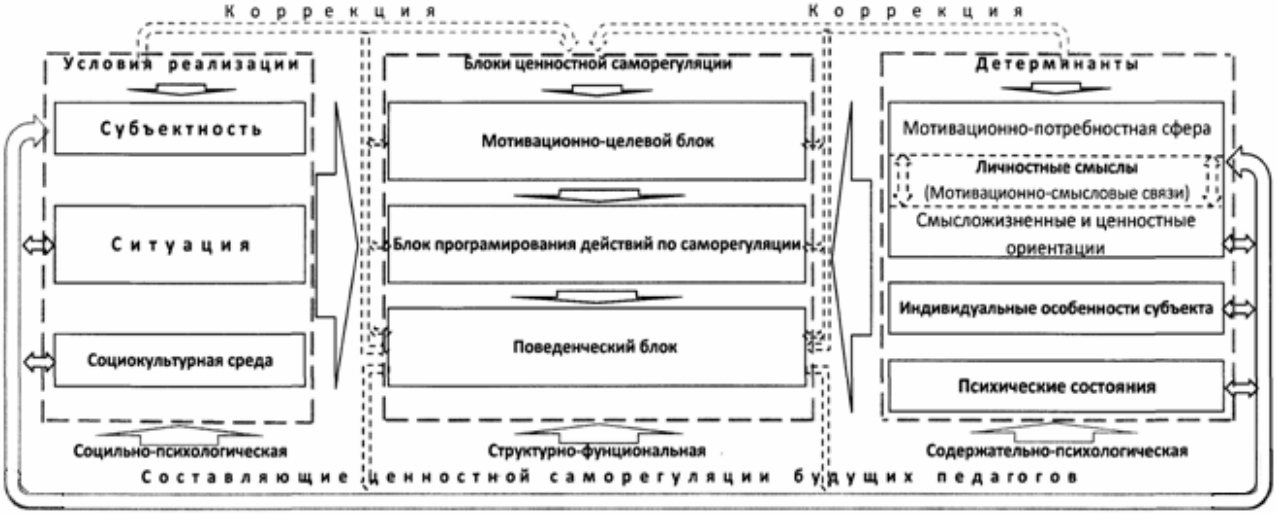
В основу нашей модели заложены элементы экзистенциально-гуманистической парадигмы. Последняя ориентируется на возможности гармоничного развертывания человеческих способностей (при благоприятных внешних условиях), в частности, тех, которые способствуют выживанию и развитию как самого их носителя, так и партнеров, с которыми он взаимодействует, а также их стимулирование разнообразными средствами.

В модели ценностной саморегуляции будущих педагогов мы выделили три составляющие: *содержательно-психологическую* (представленную детерминантами ценностной саморегуляции), *социально-психологическую* (представленную условиями ее осуществления) и *структурно-функциональную* (представленную блоками, обеспечивающими непосредственный процесс саморегуляции). Все они работают как целостный механизм, детерминируя, поддерживая и контролируя друг друга (рисунок). Проанализируем эти составляющие.

В «Большом толковом психологическом словаре» ***детерминанта*** рассматривается как причина, предшествующее условие, которое приводит к некоторому определенному результату [6, с. 228.]. В нашей модели в качестве детерминант выступают личностные смыслы, индивидуальные особенности субъекта и его психические состояния.

Проблема *смысла* в отечественной психологической науке отражена в рамках деятельностного подхода, где личность и ее структура, формирование и развитие обусловлены различными аспектами жизнедеятельности. А.Н. Леонтьев указывает на зависимость смыслов от мотивов, придающих «сознательному отражению субъективную окраску, которая выражает значение того, что отражается для самого субъекта, его личностный смысл» [11, с. 166]. В личностном смысле, по мнению Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко, отражается не только значимость (валентность), но и содержательная связь с конкретными потребностями, мотивами и ценностями. Личностный смысл, будучи основой деятельности, выполняет

регулирующую функцию. Ощущение смысла, возникнув, дает начало ценностям, которые, в свою очередь, усиливают ощущение смысла и закрепляют направленность социального поведения. Следовательно, генерализация осознанных личностью смыслов является необходимым условием образования личностных ценностей [17].



Концептуальная модель ценностной саморегуляции будущих педагогов

Собственные личностные смыслы человек реализует через свое отношение к действительности. Степень личностной зрелости детерминирует отношение к жизненным ситуациям, а также возникновение внутриличностных конфликтов в случае жизненных изменений [18], что существенно сказывается на процессе саморегуляции. Осуществляется это посредством таких механизмов, как интериоризация, идентификация, рефлексия, экстериоризация.

Детерминантой ценностной саморегуляции являются *индивидуальные особенности субъекта* (совокупность внутренних условий). К ним относятся: направленность личности, характер, чувства и способности, процессы, вся система навыков, привычек и знаний, индивидуальный опыт, особенности биологической организации [3]. Совокупность внутренних условий определяет внутреннюю характеристику личности [23]. Поэтому в любом акте жизнедеятельности происходит психологическая репрезентация ситуации в конкретной совокупности внутренних условий, т.е. психологических особенностей. В каждый конкретный отрезок актуального времени мы имеем дело с одной из реализаций личности, которая может быть охарактеризована набором актуализированных свойств. Если актуализация — это перевод в действие, в состояние активности существующего потенциально, то актуализация ценностей, таким образом, это перевод из потенциального в действующее состояние ценностей, внутренне значимых, но иногда неосознаваемых и тем самым не реализованных. Экзистенциальный аспект актуализации ценностей будущими педагогами заключается в побуждении их к ценностному осознанию своей будущей профессии.

Личностный смысл, индивидуальные особенности субъекта как детерминанты саморегуляции, а также ситуация (среда) как внешняя условие достаточно тесно взаимодействуют между собой, вызывая появление *психического состояния*. Пусковым звеном, обусловливающим возникновение состояния, служит ситуация. Она «приводит» субъекта в «соответствие» с требованиями среды. Изменение любого звена этого взаимодействия приводит к его изменению, а следовательно, и психического состояния. Психические состояния, равно как и процессы, и психические свойства, являются различной формой психической реальности, т.е. наделены автономностью, относительной независимостью. Психические состояния объективируются через деятельность, общение, поведение личности. Они выступают как развернутое во времени проявление свойств личности, их психологического бытия [8]. В этом контексте уместны утверждения К.А. Абульхановой-Славской о том, что включенность психических состояний в систему личностной организации порождает зависимость состояния от индивидуальных особенностей личности, от ее целей, отношений к явлениям действительности, проявляющееся в принципе личностной регуляции состояний [2]. Любое изменение «внутренних условий» вызывает изменение психического состояния.

Принцип личностной регуляции, включающий в себя управляемость системы, реализуется через функциональные структуры состояний в форме самоорганизации, самоуправления, саморегуляции, в том числе и ценностной. Рассмотрим ***условия*** как необходимые обстоятельства, способствующие осуществлению ценностной саморегуляции.

Условие в толковом словаре рассматривается как категория философии, обозначающая отношение предмета к окружающей действительности, явлениям объективной реальности, а также относительно себя и своего внутреннего мира. Предмет выступает как некое обусловленное, а условие — как относительно внешнее предмету многообразие объективного мира [20]. Условие следует отличать от причины, так как в отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, в которой последние возникают, существуют и развиваются. В нашем исследовании условие отражает состояние системы, при котором существует возможность определенного события. Это то, от чего зависит существенный компонент комплекса объектов, из наличия которого с необходимостью следует данное явление.

Основным условием успешного осуществления ценностной саморегуляции является *субъектность* личности. Психологическую сущность субъектности мы рассматриваем через понимание актуальных ресурсов и возможностей личности. В частности, права личности быть такой, какая она есть на самом деле, со всеми ее комплексами, жизненными, психологическими и социальными проблемами и установками. Поэтому весьма уместным в этом контексте является утверждение Ю.А. Мирославского о том, что саморегуляция — это процесс поддержания в человеке такой продуктивной активности, которая требует от него определенной работы над собой, а значит, в высших своих проявлениях охватывает момент развития его как личности [14, с. 26]. Отсюда следует, что психологически субъектность неотделима от личности. Психологическая онтология субъектности требует соответствующего самоощущения личности, поскольку последняя создает не только предметную действительность, но и осознанно и ответственно саму себя в этой действительности. Поэтому феноменологически субъектный статус может познаваться через способность личности к практическим самоизменениям, саморазвитию. В большинстве современных психологических теорий возможность человека самоопределиться, развивать и реализовывать свой личностный потенциал в профессиональной сфере рассматривается как решающий фактор оптимальной профессионализации личности и критерий ее профессиональной субъектности. Именно такой подход к исследуемой нами проблеме позволяет говорить о формировании оптимальной способности к саморегуляции у будущих педагогов.

Наиболее полно многообразие обстоятельств, внешних и внутренних причин, обеспечивающих процесс ценностной саморегуляции, отражает понятие «*ситуация*». Именно через взаимодействие личности с жизненными ситуациями необходимо объяснять его содержание.

В «Кратком психологическом словаре» ситуация рассматривается как «система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность» [10, с. 23]. К.К. Платонов под ситуацией понимал совокупность обстоятельств, которые могут быть не только внешними, но и внутренними [16]. Ситуация, по мнению Б.Ф. Ломова, это система событий, поэтому ее необходимо понимать как целое, между элементами которого существует определенная связь [13]. Ситуация для субъекта является сгустком, узлом, в котором все имеющиеся отношения и связи так или иначе участвуют в ее организации. На таком понимании ситуации настаивал С.Л. Рубинштейн [19].

Указывает на роль ситуации в саморегулятивном процессе и И.Г. Чеснокова. Рассматривая ее в контексте самосознания человека, она пишет, что «…саморегуляция характеризуется специфической активностью человека, направленной на соотношение поведения личности требованиям ситуации, ожиданиям других людей, на актуализацию психологических резервов в соответствии с ситуацией общения, межличностного взаимодействия» [22, с. 36].

Таким образом, в понятие «ситуация» входят условия, обстоятельства жизнедеятельности индивида. Учитывая это, можно говорить о «ситуации жизнедеятельности», в которой в реальном временном измерении происходит взаимодействие будущего педагога с жизненными обстоятельствами. Изменение составляющих ситуации вызывает изменения психических состояний. В этих условиях на первый план выступает субъектность как регулятор поведения, ключевой характеристикой которой является надситуативность — независимость от внешних обстоятельств. Одной из причин ее существования является наличие потенциальной субъектности каждой личности, стремящейся к самореализации.

Необходимость выделения *социокультурной среды* в качестве условия ценностной саморегуля-

ции обусловлена интенсификацией контактов студентов (межэтнических, экономических, образовательные миграции, переселение (в связи с обучением сельской молодежи в городе) в высшем учебном заведении. Немаловажными являются трансформации в политической, экономической, духовной сферах общества, которые влекут за собой радикальные изменения в психологии, ценностных ориентациях и поступках людей (А.Г. Здравомыслов, Н.М. Лебедева, Д.А. Леонтьев, А.В. Сухарев). На основе ценностных ориентаций, в зависимости от конкретной ситуации, осуществляется выбор тех или иных актуальных социальных установок в качестве целей и мотивов деятельности. Процесс трансформации базовых ценностей, замена их ценностями социума приводит к возникновению рассогласований в ценностной сфере личности, что сказывается на ее поведении и делает неизбежным процесс ценностной саморегуляции. Ценностные ориентации, по мнению М.И. Бобневой, осуществляют психическую регуляцию социальной деятельности и поведения субъекта в социальной среде [5].

Процесс саморегуляции осуществляется как целостная, замкнутая система, которая реализуется путем взаимодействия функциональных звеньев [9]. Они в нашей модели представлены ***блоками ценностной саморегуляции,*** среди которых мотивационно-целевой, блок программирования саморегулятивных действий и поведенческий. Основанием для их выделения являются присущие им специфические регуляторные функции, системное взаимодействие которых реализует целостный процесс регуляции, обеспечивает достижение поставленной цели [15]. Характеристику блоков мотивационно-ценностной саморегуляции следует осуществлять в единстве с ее детерминантами и условиями. Именно при таком сочетании возникает всестороннее представление о саморегуляции как целостном процессе, в котором задействованы социальные, личностные и индивидные качества субъекта.

Мотивационно-целевой блок включает такие компоненты, как целеполагание и потребность в саморазвитии. *Постановка цели* определяет не только общую, осознанную ценностно-мотивационную направленность, но и другие особенности конкретной реализации отдельных звеньев процесса саморегуляции. Основным психическим образованием для постановки цели являются ценности будущих педагогов. Кроме этого, в контексте нашего исследования определенный интерес вызывает изучение самореализации как цели ценностной саморегуляции. Критерий самореализации, который входит в оценочную систему психической деятельности каждого человека, отражает его удовлетворенность социальными условиями, их полезность для личностного развития.

Поскольку саморегуляция осуществляется для обеспечения внутренней гармонии личности, которая возникает при условии совпадения внутренних побуждений и внешних условий, то уместным является наличие в структуре модели ценностной саморегуляции такого звена, как *потребность в саморазвитии*. Тем более что субъектность личности, которая рассматривается нами как условие осуществления саморегуляции, характеризуется постоянством стремления человека к саморазвитию. На этом акцентирует внимание К.О. Абульханова-Славская, отмечая, что субъект является субъектом не потому, что совершенный, а благодаря стремлению к совершенству [1]. На такое личностное качество в субъектном статусе указывал С.Л. Франкл, выделяя творческие усилия человека, позволяющие продуктивно преодолевать гнетущее ощущение обыденности индивидуальной жизни [21].

Итак, от «гармонии» компонентов мотивационно-целевого блока зависит дальнейший ход саморегулятивного процесса. Вместе с тем следует отметить, что это звено в основном выполняет общую, системообразующую функцию. А весь ее процесс (саморегуляции) формируется в соответствии с личностными смыслами.

Второй *блок* в структуре представленной нами модели связан с *программированием действий* по саморегуляции. Он образован такими структурными компонентами, как моделирование и собственно программирование средств ценностной саморегуляции. На этом этапе происходит оценка соответствия ситуации личностным смыслам и мотивационной направленности будущих педагогов. Одновременно формируется ситуационная компетентность, что характеризует их как субъектов деятельности. В итоге осуществляется синтез внутренних (связанных с потребностной сферой) и внешних (определяемых особенностями ситуации) побуждений.

Процесс *моделирования* обеспечивает формирование комплекса внешних и внутренних условий активности, необходимых для успешной исполнительской деятельности. Тем самым выполняется функция источника информации, на основе которой осуществляется программирование исполнительских действий, т.е. формируется будущая модель поведения. Это динамическое образование, которое может и должно подвергаться изменениям, дополняться новой информацией, уточняться.

Планирование и моделирование ситуации, исходя из субъектности будущих педагогов, обеспечивает *программирование* действий ценностной саморегуляции. В этом процессе на основе самооценки, уровня притязаний и рефлексии будущий педагог соотносит свои возможности с личностными смыслами, текущей ситуацией и актуальным психическим состоянием, рефлексируя при этом последствия будущих саморегулятивных действий.

Устойчивые индивидуальные особенности программирования во многом будут определяться степенью детализации исполнительских действий, степенью соотнесенности программы с объективными и субъективными предпосылками, а также условиями успешного осуществления деятельности. Индивидуально своеобразными могут быть и способы достижения цели.

Главная функция *поведенческого блока* ценностной саморегуляции состоит в реализации программы выбора и включает два этапа: оценку результата и оценку согласованности ценностного выбора. Кроме этого, блок обеспечивает контроль за намерением и поддержанием устойчивости ценностно-мотивационной деятельности.

Функционирование этого этапа можно описать так. На основе самоанализа фиксируются первичные результаты ценностного выбора. Затем сравнивается полученная в процессе самоанализа информация с личностными смыслами, ожиданиями и социокультурной средой, в которой находится личность. И, наконец, происходит положительное реагирование, самоподкрепление действия, если результат достигает или превосходит ожидания. Когда же результат отрицательный, т.е. когда реальная ситуация, в которой оказывается личность, противоречит ее смысложизненным и ценностным ориентациям, возникает внутренний дисбаланс, побуждая решения о коррекции функциональных звеньев. В результате проведенной коррекции, а также при условии положительного самоподкрепления продолжается реализация ценностного выбора, который ложится в основу формирования мотива.

Поведенческий блок ценностной саморегуляции, реализуя самоорганизующиеся рациональные стратегии, способствует возникновению у будущих педагогов определенного психического состояния, а также формированию самоинструкций для подчеркивания их ценностного выбора. Помимо этого осуществляется эмоциональный и когнитивный контроль активизирующего и релаксирующего типа для согласования ценностного выбора с реальной ситуацией.

Таким образом, процесс саморегуляции как система функциональных звеньев обеспечивает создание и динамическое существование в сознании будущего педагога целостной модели его деятельности, предшествующей исполнительской активности. Все звенья регуляционного процесса, будучи информационными образованиями, системно взаимосвязаны и приобретают свою содержательную и функциональную определенность лишь в структуре целостного процесса.

Представленная нами модель описывает произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности с позиции структурно-функционального подхода. Но процесс взаимодействия как деятельность, которая не поддается постоянной рефлексии, предвидит и спонтанную активность человека, которая реализуется в большей степени на уровне неосознанной или самопроизвольной регуляции. Поэтому перспективу исследования мы видим в изучении ценностной саморегуляции с позиции системно-субъектного подхода, что способствовало бы раскрытию этого процесса во всем его разнообразии.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А.* С.Л.Рубинштейн — ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке: колл. моногр. М.: Академ. проект, 2000. С. 13–22.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.
3. *Ахмедов Т.И.,* Жидко М.Е. Психотерапия в особых состояниях сознания: история, теория, практика. Харьков: Фолио, 2000. 768 с.
4. *Балл Г.А.* Система понятий для описания объектов приложения интеллекта // Кибернетика. 1979. № 2. С. 109–113.
5. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 312 с.
6. *Большой* толковый психологический словарь. Т. 1 (А-О): пер.с англ. / Роберт Артур. М.: АСТ: Вече, 2001. 592 с.
7. *Войтко В.І.*, Балл Г.О.Узагальнена інтерпретація поняття моделі // Філософська думка. 1976. № 1. С. 58–64.
8. *Денисов М.Ю.* Зависимость опыта переживания психических состояний от личностных особенностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук / СПбГУ. СПб.,1992. 24 с.
9. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 255 с.
10. *Краткий* психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Мысль, 1985. 285 с.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Лич-

ность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
12. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
13. *Ломов Б.Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3, № 1. С. 18–30.
14. *Мирославский Ю.А.* Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М.: Педагогика, 1991. 151 с.
15. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 1998. 192 с.
16. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высш. шк., 1979. 129 с.
17. *Радчук Г.К.* Психологія аксіогенезу особистості в контексті вищої професійної освіти: автореф. дис. … д-ра. психол. наук / Інститут психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. Київ, 2011. 44 с.
18. *Реан А.А.* Концепция локуса контроля и проблема личностной зрелости / Теоретические и прикладные вопросы психологии: материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения 97» / под ред. А.А. Крылова. СПб.: СПбГУ, 1997. Вып. 3, ч. 1. С. 367–375.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
20. *Условие*. URL: https://ru.wikipedia.org. (дата обращения: 01.10.2014).
21. *Франк С.Л.* Смысл жизни // Смысл жизни: антология / сост., общ. ред., предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс–Культура, 1994. Вып. II. С. 489–583.
22. *Чеснокова И.И.* Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности. М.: Просвещение, 1982. С. 120–135.
23. *Шорохова Е.В.* Принцип детерминизма в психологии // Методологические и теоретические проблемы в психологии. М.: Наука, 1969. С. 9–21.

Получено 01.10.2014.

References

1. Abul’khanova-Slavskaya K.A. *S.L. Rubinshtein — retrospektiva i perspektiva. Problema subyekta v psikhologicheskoi nauke* [S.L. Rubinstein — restrospective and perspective review. The problem of the subject in psychological studies]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 13–22. (In Russian).
2. Abul’khanova-Slavskaya K.A. *Deyatel’nost' i psikhologiya lichnosti* [Activity and personality psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 335 p. (In Russian).
3. Akhmedov T.I., Zhidko M.E. *Psikhoterapiya v osobykh sostoyaniyakh soznaniya: istoriya, teoriya, praktika* [Psychotherapy in special states of consciousness]. Khar’kov, Folio Publ., 2000, 768 p. (In Russian).
4. Ball G.A. [The system of notions for descriptions of intelligence application objects]. *Kibernetika* [Cybernetics]. 1979, no 2, pp. 109–113. (In Russian).
5. Bobneva M.I. *Sotsial’nye normy i regulyatsiya povedeniya* [Social standards and behaviour regulation]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 312 p. (In Russian).
6. *Bol’shoj tolkovyj psikhologicheskij slovar'. T.1 (A-O)* [Large explanatory dictionary of psychology. Vol. 1. (A-O)]. Moscow, AST Publ., Veche Publ., 2001, 592 p. (In Russian).
7. Vojtko V.I., Ball G.O. [Generalized interpretation of the notion of a model]. *Filosofs’ka dumka* [Philosophical thought]. 1976, no 1. pp. 58–64. (In Ukrainian).
8. Denisov M.Yu. *Zavisimost’ opyta perezhivaniya psikhicheskikh sostoyanij ot lichnostnykh osobennostej*: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Dependence of the experience of mental states on personal characteristics: Abstract of the Ph.D. theses]. St. Petersburg State University Publ., 1992, 24 p. (In Russian).
9. Konopkin O.A. *Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel’nosti* [Practical mechanisms of the activity regulation]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 255 p. (In Russian).
10. *Kratkij psikhologicheskij slovar’* / pod red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo [Concise dictionary of psychology / ed. by A.V. Petrovskii, M.G. Yaroshevskii]. Moscow, Mysl’ Publ., 1985, 285 p. (In Russian).
11. Leont’ev A.N. *Deyatel’nost'. Soznanie. Lichnost’* [Activity, consciousness, and personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 304 p. (In Russian).
12. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical issues of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 444 p.
13. Lomov B.F. [On the studies of mental laws]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology journal]. 1982, Vol. 3, no 1, pp. 18–30. (In Russian).
14. Mislavskij Yu.A. *Samoregulyatsiya i aktivnost’ lichnosti v yunosheskom vozraste* [Self-regulation and activity of an adolescent personality]. Moscow, Pedagogika Publ., 1991, 151 p. (In Russian).
15. Morosanova V.I. *Individual’nyi stil’ samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvol’noj aktivnosti cheloveka* [Individual style of self-regulation: phenomenon, structure and functions in personal voluntary activity]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 192 p. (In Russian).

16. Platonov K.K. *Kratkii slovar' sistemy psikhologicheskikh ponyatii* [Concise dictionary of psychological notions]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1979, 129 p.
17. Radchuk G.K. *Psikhologiya aksiogenezu osobistosti v konteksti vishhoï profesijnoï osviti*: avtoref. dis. … d-ra psikhol. nauk [Psychology of axiogenesis of a personality in the context of higher professional education: Abstract of the Ph.D. theses]. Kyiv, G.S. Kostiuk Institute of Psychology at the National Academy of Educational Studies of Ukraine Publ., 2011, 44 p. (In Ukrainian).
18. Rean A.A. [Concept of a locus of control and the issue of personal maturity]. *Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii*: *Materialy yubilejnoj konferentsii «Anan'evskie chteniya 97»* [Theoretical and practical issues of psychology: Proceedings of the Anniversary conference «Ananiev Readings»]. St. Petersburg, SPbGU Publ., Vol. 3, part 1, 1997, pp. 367–375. (In Russian).
19. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshhej psikhologii* [Introduction to General Psychology]. St. Petersburg, Piter SPb. Publ., 2002, 720 p. (In Russian).
20. *Uslovie* [Condition]. Available at: https://ru.wikipedia.org (Accessed 01.10.2014).
21. Frank S.L. [The meaning of life]. *Smysl zhizni: antologiya* [The meaning of life: Antology]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1994. Vol. II, pp. 489–583. (In Russian).
22. Chesnokova I.I. [Self-consciousness, self-regulation, self-determination of the personality]. *Problemy psikhologii lichnosti* [Issues of personality psychology]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1982, pp. 120–135. (In Russian).
23. Shorokhova E.V. [The principle of determinism in psychology]. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy v psikhologii* [Methodological and theoretical issues in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 9–21. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL MODEL OF VALUE SELF-REGULATION OF FUTURE TEACHERS DURING THEIR PROFESSIONAL DEVELOPMENT

Igor M. Halyan

G.S. Kostiuk Institute of Psychology at the National Academy of Educational Studies of Ukraine; 2, Pankovska str., Kiev, 01033, Ukraine

The article presents psychological analysis of the theoretical conceptual model of value self-regulation of future teachers, which is based on a subjective approach to the modeling of the self-regulation process. The author reveals real specifics of value self-regulation in the professional activities of future teachers by means of the analysis of the target, procedural, substantive and productive aspects of the process of meeting their needs for self-actualization. The focus is on its three components: content-psychological (determinants of value self-regulation: personalized meaning, individual characteristics of the subject and his mental state), sociopsychological (conditions for its implementation: the subjectivity of the personality, the situation and the sociocultural environment), and the structural and functional (components providing direct process of self-regulation: the motivational target component, the programming and the behavioral ones). The article indicates that all of them work as a holistic mechanism, determining, supporting and monitoring one another.

Key words: values; personalized meanings; self-regulation; model; subject; subjectivity; self-actualization; rational humanism.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Галян И.М. Психологический анализ концептуальной модели ценностной саморегуляции будущих педагогов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 38–45.

Please cite this article in English as:
Halian I.M. Psychological analysis of the conceptual model of value self-regulation of future teachers during their professional development // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 38–45.

УДК 159.923.3

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА И ТИПЫ ЦЕННОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ*

Калугин Алексей Юрьевич,
аспирант кафедры практической психологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: KaluginAU@yandex.ru

В статье ставится проблема изучения смыслообразующей активности как отдельного вида активности субъекта. Проведен анализ эмпирических исследований типов ценностной направленности личности. Особое внимание уделено проблеме смыслообразования. Описана смыслообразующая активность как ведущая форма активности субъекта. Рассмотрена проблема «экзистенциального эскапизма». Отмечается неоднозначность построения ценностных векторов на основе теоретических моделей, приводящая к многообразию толкований. Использование разного инструментария при изучении ценностно-смысловой сферы приводит исследователей к разным результатам и не позволяет в полной мере очертить круг, описывающий именно проблематику смыслообразования. Различие теоретических подходов к пониманию ценностно-смысловой сферы составляет методологическую проблему, рассматриваемую в статье. Выход из существующего положения видится в выделении наиболее общих показателей аксиологической сферы и индуктивного подхода к построению модели смыслообразующей активности.

Ключевые слова: смыслообразование; смыслообразующая активность; субъект; экзистенциальный эскапизм; типы ценностной направленности личности.

В последнее десятилетие произошли серьезные изменения в социальной, экономической и иных сферах жизнедеятельности человека, что не могло не отразиться на ценностно-смысловой сфере личности, на выраженности одних ценностей и смыслов и снижении значимости других. Изменение ценностных ориентаций требует глубокого изучения, поиска возможных коррелятов с внешней средой. Для того чтобы приступить к исследованию, следует прежде определиться с категориями, понять механизм смыслообразования.

Анализируя подходы отечественных и зарубежных ученых к пониманию направленности личности, А.А. Волочков и Е.Г. Ермоленко отмечают, что на смену двухфакторной, эпигенетической парадигме должна прийти трехфакторная, включающая помимо среды и наследственности вектор активности [8; подробнее об этом см. в работе 7]. Только в трехфакторной модели появляется субъект, проявляющий активность.

Субъектный подход широко представлен в отечественной психологии (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн, Е.А. Сергиенко и др.), однако, как отмечает А.А. Волочков, «психология субъекта абсолютизирует внутренние источники детерминации психического, недооценивая или даже игнорируя объектную сторону, внешние источники детерминации развития» [7, с. 67]. Соглашаясь с данным мнением, в своем исследовании мы опираемся не только на субъектный подход, но и на субъектно-активностный, развиваемый А.А. Волочковым. Также мы опираемся на принципы системного подхода (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин), «теорию преодоления» (Р.Х. Шакуров), системно-функциональный подход (Б.С. Алишев), психологию смысла (Д.А. Леонтьев), теорию смысловой вертикали сознания (Б.С. Братусь), концепцию ценностных ориентаций личности как динамической системы (М.С. Яницкий), теорию психологических самоорганизующихся и саморазвивающихся систем (В.Е. Клочко), концепцию бытийного пространства личности (З.И. Рябикина), концепцию психологии человеческого бытия (В.В. Знаков). Кроме того, в контексте исследования нам были интересны подходы А.Г. Асмолова, Ф.Е. Василюка, Н.Р. Салиховой, А.В. Серого и др.

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития ПГГПУ, проект Ф-27.

© Калугин А.Ю., 2014

Смыслообразование выступает отдельным видом активности субъекта, направленной на выстраивание ценностной направленности личности. Впервые смыслообразующая активность была выделена как особый вид активности В. Франклом. Смысл жизни, в основе выбора и построения которого лежит смыслообразующая активность, выступает неким стержнем, выстраивающим всю направленность личности вдоль этого вектора. Е.Н. Волкова замечает: «Смысл жизни обретается в результате активного, деятельного поиска, в результате опыта поступков и деяний жизни. Смыслы и цели жизни человека приводят к изменению иерархии “нижележащих” смыслов и содержательно их трансформируют. С этой точки зрения генеральным фактором субъектности выступает осмысленность человеком жизни и себя в ней» [6, с. 36].

Важно отметить, что не только внешние силы заставляют личность проявлять свою активность для выстраивания смыслов жизни, но прежде всего сам человек является субъектом своей активности. Приведем слова Д.А. Леонтьева, характеризующие построение новой парадигмы в психологии: «Преодоление пансоциальной парадигмы в советской психологии выразилось в развертывании с начала 70-х гг. работ по психологии личности и индивидуальности, в переходе к представлениям об опосредованном характере социальной регуляции индивидуального поведения, в разворачивании исследований внутриличностных механизмов, опосредующих эту регуляцию, в смещении акцентов с социальной реальности на индивидуальную… Новая, более адекватная парадигма… предполагает, что человек не только изначально находится в социокультурном окружении, но и строит себя из него как из строительного материала» [13, с. 37].

Одними из первых с позиции эмпирического исследования к изучению смыслообразующей активности подошли А.А. Волочков и Е.Г. Ермоленко. Проведя исследование на репрезентативной выборке студентов, они выявили три основных ценностных вектора (типа ценностной направленности личности):

1. Вектор «экзистенциального эскапизма», связанный с избеганием активной жизни и решения экзистенциальных проблем.

2. Вектор ценностей самоактуализации и самореализации; такие студенты проявляли высокую активность во всех жизненных сферах (активная самореализация).

3. Вектор ценностей творчества и познания (в ущерб самореализации) [8].

В исследовании А.А. Волочкова и Е.Г. Еромленко один из векторов смыслообразующей активности оказался связан с экзистенциальным эскапизмом, попыткой респондентов отстраниться вообще от выбора своего дальнейшего пути [8], на подобную тенденцию указывает и С.С. Бубнова: «При исследовании ценностей-идеалов методом попарного сравнения обнаружена достаточно большая группа испытуемых, у которых первые несколько рангов, определяющих подструктуру значимых ценностей, “отсутствуют”, т.е. не заняты ни одной из ценностей… Этот факт можно интерпретировать как состояние неструктурированности, неопределенности, размытости системы ценностных ориентаций личности» [3]. Интересно еще одно наблюдение С.С. Бубновой: «Для всех групп студенческой молодежи в кластер отвергаемых идеальных ценностей вошли ценности высокого социального статуса и высокой социальной активности» [4]. Возможно, данное наблюдение говорит о предпочтении студентами некоего оптимума или, возможно, оправдания отсутствия у них высокого социального статуса и высокой социальной активности. Возможен и третий вариант объяснения, который согласуется с высказанными выше положениями о «бегстве от ответственности, свободы и активности» — экзистенциальном эскапизме современной молодежи.

Экзистенциальный эскапизм обнаруживается и в факторах, выявленных в диссертационном исследовании Т.В. Шрейбер. В данном исследовании были выделены четыре типа смыслообразующей активности — «четвертый тип характеризуется несформированностью смысложизненных ориентаций, низким уровнем осмысленности жизни, низкой ответственностью за события своей жизни, пассивностью» [19]. Укажем и характеристики остальных трех выделенных типов смыслообразующей активности. «При первом типе отмечается доминирующая смысложизненая ориентация на цель и процесс наряду с представлением о высоком уровне осмысленности своей жизни. Второй тип представлен доминирующей смысложизненной ориентацией на процесс и средневысоким уровнем осмысленности своей жизни. Третий тип отличается от первого только более низким уровнем осмысленности жизни» [19].

Причины экзистенциального вакуума, присущего современной молодежи, Д.А. Леонтьев видит в ценностном нигилизме, цинизме, метании

от одних ценностей к другим, возникшем «на почве перелома ценностной основы, смыслового голодания и вывиха мировоззрения» [14, с. 5].

Еще одним доказательством существования экзистенциального эскапизма являются результаты исследования, проведенного М.С. Яницким. Один из факторов, полученный в ходе факторизации результатов модернизированной им методики Рокича, был фактор «освобождения от ограничений», который «отражает действие описанного В. Франклом невротического механизма адаптации и устранения тревоги, когда потребность в развлечениях связана с фрустрацией стремления к смыслу» [20]. Интересны и другие два значимых фактора. Первый по входящим в него характеристикам автор называет «приверженность традициям», в нем «традиционные ценности» противостоят ценностям «духовной свободы». Второй фактор — «альтруистическая направленность»: ценности творчества, терпимости, чуткости — альтруистические ценности — противостоит эгоистическим ценностям (высокие запросы, общественное признание, материально обеспеченная жизнь). Яницкий считает, что эти факторы близки ценностным ориентациям: «социализации», «индивидуализации» и «адаптации» [20]. На основе выявленных факторов М.С. Яницкий предлагает «векторную модель развития системы ценностных ориентаций личности» [20].

На сегодняшний день существует несколько подходов к проблеме смыслообразования (Д.А. Леонтьев, Б.С. Братусь, Р.Х. Шакуров, Б.С. Алишев и др.), одним из наиболее перспективных нам видится подход, указывающий на расхождение между значимостью цели и возможностью ею обладать (Р.Х. Шакуров, Б.С. Алишев, Н.Р. Салихова, Е.Б. Фанталова). Данное расхождение становится основой смыслообразующей активности.

Остановимся на данном подходе подробнее.

Е.Б. Фанталовой при сравнении «ценности» и «доступности» реализации ценности для субъекта были получены расхождения в графиках, что говорило о наличии у респондента внутриличностного конфликта [17]. Впоследствии методика Е.Б. Фанталовой была модифицирована И.А. Красильниковым для экспресс-диагностики в ходе психологического консультирования [12]. И.А. Красильников отмечает, что «состояние внутриличностного конфликта — это состояние “разрыва” в системе между “потребность-ценность” и собственными возможностями, личными ресурсами» [12, с. 70]. Подобное диалектическое единство и противоречие обнаруживается и в первом компоненте учебной активности А.А. Волочкова — противоречие между мотивацией и способностями (потенциал активности) [7, с. 86]. Зарождение подобного противоречия может как сподвигнуть субъекта проявить смыслообразующую активность, так и ввергнуть его во внутриличностный конфликт. Вероятно, это зависит от «энергетических ресурсов», жизнестойкости личности.

В своей «теории преодоления» Р.Х. Шакуров указывает на три стороны смыслообразования: субъект, смыслообразователь (источник) и смыслообретатель. Смыслообразователем в данной концепции выступает ценность, выполняющая жизнеутверждающую функцию [18, с. 22–23.]. «В роли смыслообретателей выступают акты жизнедеятельности субъекта — его действия, предпринимаемые усилия, различные проявления его активности и жизнь в целом, ожидаемая и прожитая» [18, с. 23]. Понимание смыслообразования Р.Х. Шакуровым дает объяснение «экзистенциальному кризису» личности и указывает на его тесную связь с эмоциями, переживанием: «Смыслообразование происходит в процессе взаимодействия потребности в оптимизации и барьеров. Успешное преодоление этих барьеров вызывает позитивные эмоции, придающие смысл жизни и деятельности, а неудачи рождают чувство неудовлетворенности, страдания, т.е. дают противоположный, обессмысливающий эффект» [18, с. 26]. Таким образом, в «теории преодоления» Р.Х. Шакурова «обязательным условием смыслообразования является наличие препятствия, затрудняющего доступ к ценности и превращающего ее в дефицит» [18, с. 27]. Полагая, что в основе ценности лежит актуальная дефицитарная потребность, Р.Х. Шакуров писал: «В смыслообразовании может участвовать любая потребность» [18, с. 30], — имея в виду как физиологические потребности, так и высшие духовные потребности, главное, чтобы человек испытывал нужду в обладании соответствующей данным потребностям ценности. Согласно «теории преодоления» «в смыслообразовании важны все структуры личности» [18, с. 31], нельзя акцентировать внимание только на мотивационной составляющей, забывая о способностях, эмоциональной сфере, мышлении.

Несмотря на детальную теоретическую проработку смыслообразующей активности личности с позиции «теории преодоления», Р.Х. Шакуров не показывает механизм перехода ценностей из внешнего плана во внутренний и зарождения на

этой основе смыслов. А именно «водораздел» внешнее-внутреннее, на наш взгляд, содержательно характеризует отличие ценностей от смыслов: ценности имеют объективную и субъективную стороны, смыслы же — только субъективную.

Системно-функциональный подход Б.С. Алишева продолжает и углубляет «теорию преодоления» Р.Х. Шакурова. В основе его подхода лежит стремление субъекта к определенности через преодоление неопределенности. Этот механизм преодоления функционирует по следующей цепи: «информация – значение – выбор – действие», затем следует новая информация, сообщающая о результатах действия и «стремление к определенности» выходит на новый виток [1].

Б.С. Алишевым с коллегами на выборке, в совокупности составляющей 1260 чел., были выявлены 4 ценностных типа личности: гуманистически-рациональный, меркантильный, микросоциальный, социально-гедонистический [2]. Авторы указывают, что в выборке они представлены соответственно: 19 %, 20 %, 22 %, 6 %. Причем количество представителей последнего ценностного типа начиная с 2001 г. сокращается [2, с. 22], что выявлено и в нашем исследовании сравнения типов ценностной направленности 2000 и 2012 гг., где из ключевых ценностных типов исчезает «тип, характеризующий наличие экзистенциального эскапизма» [10].

Различные типы смыслообразования в контексте личностных ценностей были изучены Н.Р. Салиховой, она выделяет пять таких типов: «барьерно-проблемный», «барьерный», «барьерно-реализуемый», «свободно-реализуемый», «свободный» [16].

Под руководством Б.А. Вяткина Н.А. Кириловой было проведено исследование социальной активности старшеклассников, в основе которого лежало определение типа ценностных ориентаций. Кластерный анализ выявил 4 группы старшеклассников с различными типами ценностных ориентаций, которые впоследствии были диагностированы по 4 подуровням интегральной индивидуальности (нейродинамический, психодинамический, личностный, социально-психологический). Приведем эти типы ценностных ориентаций:

1. Ориентация на ценности социального взаимодействия.
2. Ценности индивидуальной самореализации.
3. Общечеловеческие ценности личного счастья.
4. Ценности социальной успешности [9, с. 65–69].

Сходные результаты были получены в исследовании структуры ценностей в системе мотивации, проведенном И.И. Вартановой на выборке старших школьников и юношей. Были выявлены четыре мотивационных фактора (т.к. в основе методов исследования лежало изучение системы ценностей, мы можем говорить о ценностных векторах в рамках учебной деятельности): фактор учебно-познавательной мотивации, фактор «престижной мотивации», фактор мотивации достижения успеха и фактор мотивации общения (аффилиации) [5].

Подобные ценностным векторам А.А. Волочкова были получены виды направленности в ходе факторизации Л.В. Карпушиной и А.В. Капцовым. Они выделили три генеральных вида направленности: «гуманистическая направленность… указывает на важность для личности всего, что связано с человеком (в общем смысле) и гармонизацией отношений с другими людьми: самосовершенствование, установление добрых отношений с другими людьми, усовершенствование и преобразование действительности, духовные идеалы как конечный продукт деятельности» [11, с. 5]; «прагматическая направленность характеризует человека с точки зрения получения практического результата независимо от других людей, а иногда и в ущерб другим людям» [11, с. 5]; «направленность на активность». Авторы считают, что «в смысловую структуру личности… входят не сами виды активности (психическая и физическая. — *А.К.*), а отношение личности к ним, т.е. ценности физической и психической активности» [11, с. 6].

Несмотря на некоторую схожесть, данные факторы все же отличаются от ценностных векторов как по содержанию, так и по структуре. А.В. Капцов и Л.В. Карпушина считают, что аксиологические направленности (гуманистическая и прагматическая) направлены ортогонально и представляют собой систему координат [11, с. 5]. Если гуманистическая и прагматическая направленности выводятся на основе математико-статистических процедур, то «направленность на активность» является теоретическим конструктом. Данные направленности не разделяют людей на типы, которым свойственна та или иная смыслообразующая активность (или реализация в жизни, или реализация в творчестве, или уход от выбора смысла жизни), а находят соотношение разных видов направленности в личности отдельного субъекта.

Ведущая роль смыслообразующей активности в «интегративном индексе активности субъекта жизнедеятельности» была доказана в исследовании Е.Ю. Росляковой [15], что свидетельствует о важности данной активности для выстраивания субъектности.

Таким образом, смыслообразующая активность относительно недавно стала изучаться на эмпирическом уровне и имеет неоднозначное толкование, поэтому требует более детальной теоретической проработки эмпирически выявленных конструктов. Возможно изменение содержания ценностных векторов в связи с общественно-политическими и социально-экономическими изменениями в российском обществе. Все это делает необходимым проведение дополнительных исследований в данном направлении.

Список литературы

1. *Алишев Б.С.* Смысл и мотив: к соотношению понятий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 5. С. 159–171.
2. *Алишев Б.С.*, Аникеенок О.А., Белоусова А.Б., Фисин Ю.М. Социальные и ценностные представления студентов // Казанский педагогический журнал. 2005. № 4. С. 21–27.
3. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации как нелинейная система и диагностика внутриличностной неопределенности. URL: http://www.ipras.ru/conf/bubn.htm (дата обращения: 10.05.2014).
4. *Бубнова С.С.*, Сытин А.Н. Ценностные ориентации молодежи различных регионов России: принципы, методы, результаты исследования. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/bubnova_ss.html (дата обращения: 10.05.2014).
5. *Вартанова И.И.* Структура ценностей в системе мотивации старших подростков и юношей // Мир психологии. 2008. № 3. С. 131–142.
6. *Волкова Е.Н.* Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и к миру // Мир психологии. 2005. № 3. С. 33–39.
7. *Волочков А.А.* Активность субъекта бытия: Интегративный подход / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 375 с.
8. *Волочков А.А.*, Ермоленко Е.Г. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 17–27.
9. *Вяткин Б.А.*, Щукин М.Р. Человек-стиль-социум: полисистемное взаимодействие в образовательном пространстве / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 108 с.
10. *Калугин А.Ю.* Сравнительный анализ типов ценностной направленности личности российского студенчества (на примере исследований 2000 и 2012 гг.) // Материалы Междунар. молодежного научного форума «Ломоносов-2013» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов и др. М.: МАКС Пресс, 2013. URL: http://lomonosov-su.ru/archive/Lomonosov_2013/2239/48799_8c1b.pdf (дата обращения: 18.09.2014).
11. *Капцов А.В.*, Карпушина Л.В. Аксиологическая направленность личности: Руководство по применению теста. Метод. пособие. Самара: ООО «ИПК “Содружество”», 2007. 44 с.
12. *Красильников И.А.* Психодиагностические возможности методики М-ЦД (модификация методики «УСЦД» Е.Б. Фанталовой) при исследовании внутриличностного конфликта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 69–73.
13. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
14. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Современный социо-анализ: сб. работ авторов, получивших гранты Моск. отделения Рос. науч. фонда и Фонда Форда. М., 1996. Вып. VI. С. 5–23.
15. *Рослякова Е.Ю.* Взаимосвязь видов активности субъекта жизнедеятельности в ранней юности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
16. *Салихова Н.Р.* Типы смыслообразования в контексте личностных ценностей. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 128 с.
17. *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Изд. дом БАХРАХ-М, 2001. 128 с.
18. *Шакуров Р.Х.* Психология смыслов: теория преодоления // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 18–33.
19. *Шрейбер Т.В.* Детерминанты смыслообразующей активности личности: На материале исследования старших школьников: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ижевск, 2006. 24 с.
20. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 204 с.

Получено 01.10.2014.

References

1. Alishev B.S. [Meaning and motive: on the relation between the concepts]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. 2010, vol. 152, no 5, pp. 159–171. (In Russian).
2. Alishev B.S., Anikeenok O.A., Belousova A.B., Fisin Yu.M. [Social and axiological perceptions of students]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan pedagogical journal]. 2005, no 4, pp. 21–27. (In Russian).
3. Bubnova S.S. *Tsennostnye orientatsii kak nelinejnaya sistema i diagnostika vnutrilichnostnoj neopredelennosti* [Frame of references as non-linear system and diagnostics of interpersonal uncertainty]. Available at: http://www.ipras.ru/conf/bubn.htm (Accessed 10.05.2014). (In Russian).
4. Bubnova S.S., Sytin A.N. *Tsennostnye orientatsii molodezhi razlichnyh regionov Rossii: printsipy, metody, rezul'taty issledovaniya* [Youth's frame of reference of various regions of Russia]. Available at: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/bubnova_ss.html (Accessed 10.05.2014). (In Russian).
5. Vartanova I.I. [Structure of values in motivation system of elder teenagers and youth]. *Mir psihologii* [World of psychology]. 2008, no 3, pp. 131–142. (In Russian).
6. Volkova E.N. [Subjectivity as a pragmatist attitude towards oneself, other people and world]. *Mir psihologii* [World of psychology]. 2005, no 3, pp. 33–39. (In Russian).
7. Volochkov A.A. *Aktivnost' sub'ekta bytiya: integrativnyj podhod* [Activity of a subject of being: integrative approach]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2007, 375 p. (In Russian).
8. Volochkov A.A., Ermolenko E.G. [Value orientation of a person as an expression of sense-making activity]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2004, no 2, pp. 17–27. (In Russian).
9. Vyatkin B.A., Schukin M.R. *Chelovek-stil'-sotsium: polisistemnoe vzaimodejstvie v obrazovatel'nom prostranstve* [Man-style-socium: polysystemic interaction in educational field]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2007, 108 p. (In Russian).
10. Kalugin A.Yu. [Comparison study of types of value orientation of personality of Russian students (as exemplified by studies of 2000 and 2012]. *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma Lomonosov 2013* [Proceedings of international youth scientific forum LOMONOSOV-2013]. Moscow, MARS Press Publ., 2013. Available at: http://lomonosov- su.ru/archive/Lomonosov_2013/2 239/48799_8c1b.pdf (Accessed 18.09.2014). (In Russian).
11. Kaptsov A.V., Karpushina L.V. *Aksiologicheskaya napravlennost' lichnosti: Rukovodstvo po primeneniyu testa. Metodicheskoe posobie* [Value orientation of personality. Guidance on test's appliance. Study guide]. Samara, OOO IPK Sodruzhestvo Publ., 2007, 44 p. (In Russian).
12. Krasil'nikov I.A. [Psychodiagnostic abilities of M-TSD method (modification of E.B. Fantalova's USTSD method) while investigating interpersonal conflict]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika* [Saratov University tidings, Series Philosophy. Psychology. Pedagogics]. 2007, vol. 7, no 2, pp. 69–73. (In Russian).
13. Leont'yev D.A. [From social to personal values: sociogenesis and phenomenology of axiological regulation of activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya.* [Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology]. 1996, no 4, pp. 35–44. (In Russian).
14. Leont'yev D.A. [Value as interdisciplinary notion: experience of multidimensional reconstruction]. Sovremennyj sotsio-analis: sbornik rabot avtorov, poluchivshih granty Moskovskogo otdeleniya Rossijskogo nauchnogo fonda i Fonda Forda [Modern socio-analysis: collection of papers of authors, received grants of Moscow department of Russian scientific fund and Ford's Fund]. No 6, Moscow, 1996, pp. 5–23. (In Russian).
15. Roslyakova E.Yu. Vzaimosvyaz' vidov aktivnosti sub'ekta zhiznedeyatel'nosti v rannej yunosti: Avtoref. dis. … kand. psikhol. nauk [Interrelation of activity types of subject of life-sustaining in early youth: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Yaroslavl', 2009, 24 p. (In Russian).
16. Salihova N.R. *Tipy smysloobrazovaniya v kontekste lichnostnyh tsennostej* [Types of meaning-making in the context of personal values]. Kazan, Kazan State University named after V.I. Ul'yanov-Lenin Publ., 2005, 128 p. (In Russian).
17. Fantalova E.B. *Diagnostika i psihoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnostics and psychoterapy of internal conflict]. Samara, Publishing house BAHRAH-M Publ., 2001, 128 p. (In Russian).
18. Shakurov R.H. [Psychology of meanings: theory of negotiation]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2003, no 5, pp. 18–33. (In Russian).
19. Shrejber T.V. Determinanty smysloobrazuyuschej aktivnosti lichnosti: Na materiale issledovaniya starshih shkol'nikov: Avtoref. dis. … kand. psikhol. nauk [Determinants of meaning-making activity of personality: as exemplified in elder pupils' study:

Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Izhevsk, 2006, 24 p. (In Russian).

20. Yanitskij M.S. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema* [Value system of a person as a dynamic system]. Kemerovo, Kuzbasvuzizdat, 2000, 204 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

FEATURES OF SELF-REGULATION OF JUNIOR AND SENIOR COURSES STUDENTS

Alexei Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, 24, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia

The article raises the problem of studying meaning-making activity as a separate activity of the subject. We present an analysis of empirical studies that examined the types of value orientation of the personality. Special attention is paid to the problem of the meaning-making. Meaning-making activity described as the leading form of activity of the subject. The problem of «existential escapism» is also considered. Notes the ambiguity of building value vectors based on theoretical models, leading to different interpretations. The use of different tools in the study of value-sense sphere leads researchers to different results and does not allow to fully outline the range, describing the problems of meaning-making. The difference of the theoretical approaches to the understanding of value-sense sphere of methodological problems discussed in the article. The output of the current situation is seen in the selection of the most common indicators axiological sphere and inductive approach to building a model of meaning-making activity.

Key words: meaning-making; meaning-making activity; the subject; existential escapism; types of value orientation of the personality.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Калугин А.Ю. Смыслообразующая активность субъекта и типы ценностной направленности личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 46–52.

Please cite this article in English as:
Kalugin A.Yu. Meaning-making activity of the subject and the types of value orientation of the personality // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 46–52.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 4 (20)

УДК 159.923

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ В ТЕОРИЯХ МОТИВАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Попович Игорь Степанович,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента
Херсонский государственный университет,
Украина, 73000, Херсон, ул. 40-лет Октября, 27;
e-mail: personal925@list.ru

Представлен ретроспективный анализ исследования социальных ожиданий в теориях мотивации личности. Подчеркнуто, что процессуальные теории мотивации, в отличие от содержательных, более современные, базируются на поведении человека, учитывают его восприятие и приобретённый опыт, а также более динамичны, обладают высоким уровнем практичности и удобны в применении.

Сделан вывод, что главная идея процессуальных теорий мотивации проста: чем больше ценность определённого исхода и чем выше вероятность вознаграждения, тем больше трудовых усилий приложит человек, чтобы достичь результата.

Подчёркнуто, что надежды, страхи, опасения человека в значительной мере пересекаются с социальными ожиданиями и являются своеобразным «строительным материалом» перспективных линий развития, будущего личности.

Ключевые слова: социальные ожидания; процессуальные и содержательные теории мотивации; ожидаемая ценность; валентность.

Введение

Трансформационные процессы, которые происходят в нашем обществе, сопровождаются как позитивными, так и негативными явлениями. Позитивное явление — это взгляд на человека, который перестает быть отдельным «винтиком» — элементом социального механизма и все чаще воспринимается как наивысшая социальная ценность, уникальная и самодостаточная личность, субъект самоактивности. К негативным явлениям относим: углубление духовного кризиса, нивелирование общечеловеческих ценностей, отход от обычаев, традиций, обрядов.

В начале XXI в. особую актуальность приобретает развитие социально-психологических теорий исследования субъективной реальности человека, его уникальности. Динамические изменения в обществе, с одной стороны, сопровождаются возрождением национального самосознания и национальной идентификации, формированием гражданского общества, а с другой — все большим стремлением к унификации и глобализации не только экономики, но и культурного пространства, типа государственного строя, даже психологического состава самых разнообразных наций, этносов, народов. Происходит переход от «старого к новому», постоянный поиск путей, средств и приемов эффективного внедрения прогрессивных технологий, инноваций. Это сопровождается перманентными реформами, которые охватывают все сферы и стороны человеческого бытия. Наступает «быстротекущее время» — мгновенный обмен информацией, бурные изменения, нововведения. Социально-экономические изменения, которые происходят в обществе, предопределяют новые требования к личности специалиста. Любому государству нужны не просто дипломированные специалисты, оно нуждается в психологически компетентных профессионалах, способных совместно с группой решать задачи, прогнозировать ход событий, уметь быстро реагировать на изменения, оперативно действовать в экстремальных ситуациях, внедрять инновационные, прогрессивные технологии.

Закономерным является усиление внимания современного образования к изучению социально-психологической теории, исследованию субъективной реальности человека, человека как творца самого себя. Особое место в этих исследованиях занимают социальные ожидания.

© Попович И.С., 2014

В результате научных поисков, связанных с социальными ожиданиями как базовым компонентом системы регуляции социального поведения личности, с влиянием социальных ожиданий на эффективность межличностного взаимодействия, феноменологическим и типологическим аспектами социальных ожиданий, мы обратились к мотивационной составляющей социальных ожиданий [4, 5]. Появилась необходимость на начальном этапе нашего исследования провести ретроспективный анализ социальных ожиданий в теориях мотивации личности.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Научные источники содержат богатый теоретико-методологический и эмпирический материал об исследуемом явлении. Поражает количество теорий, концептуальных положений, экспериментов, связанных с потребностно-мотивационной сферой личности. Среди них: теория иерархии потребностей (А. Маслоу); комплексная процессуальная теория мотивации (Л. Портер, Е. Лоулер); теория «математического» ожидания (Д. Аткинсон, Н. Физер); теория атрибуций (Ф. Хайдер); теория контроля (У. Глассер); теория мотивации (В. Арнольд); теория ожиданий (В. Врум); теория мотивации (С. Роббинс); теория мотивации (Э. Деци); теория справедливости (С. Адамс); теория мотивации (Е. Ильин); информационная теория эмоций (П. Симонов); психологические механизмы мотивации (В. Вилюнас); мотивационная теория социальных ожиданий (М. Гомелаури); теория предчувствия успеха (Р. Аткинсон); классическая теория научного менеджмента (Ф. Тейлор, Ф. Гилбрет, Г. Грант); теории X и Y (Д. МакГрегор); теория Z (У. Оучи); теория человеческих отношений (Ф. Ретлисбергер, Э. Мэйо, Р. Лайкертс); двухфакторная теория мотивации (Ф. Герцберг); теория заученных потребностей (Д. МакЛелланд); теория ERG (К. Альдерфер); теория 12 факторов (Ш. Риччи, П. Мартин); теория мотивации (Х. Хекхаузен); теория установки целей (Э. Локе); теория изменения поведения, теория подкрепления (Б. Скиннер); теория трехчленной структуры мотивации достижения цели (С. Эпстайна); теория мотивации (Э. Стотланда); теория представительства (М. Дженсен, У. Мексинг); теория редизайна труда (Дж. Хакман, Г. Олдхэм); теория комплексных мотивационных программ (Т. Стюарт) и др.

Теоретико-методологические основы мотивации личности отражены в трудах А. Бодалева, М. Боришевского, В. Вилюнаса, Г. Костюка, А. Леонтьева, К. Платонова, С. Рубинштейна, Х. Хекхаузена и других известных ученых.

На наш взгляд, социальные ожидания требуют детального исследовании в теориях мотивации личности. Именно здесь мы хотим найти те «научные нити», которые помогут лучше понять сущность этого социально-психологического феномена. Анализ научной литературы даст возможность глубже понять исследуемое нами явление и наметить пути дальнейших поисков.

Исходя из сказанного, теоретическая и практическая актуальность предложенной темы исследования очевидна.

Научно-категориальный аппарат проблемы исследования

Цель работы состоит в теоретико-методологическом исследовании социальных ожиданий в теориях мотивации личности, оценке научных результатов исследуемого явления в потребностно-мотивационной сфере личности.

Научная новизна состоит в том, что предметом нашего исследования является психологическое содержание социальных ожиданий в процессуальных теориях мотивации личности.

Исследование социальных ожиданий в теориях мотивации личности имеет огромное *теоретическое значение*, поскольку полученные научные результаты дают возможность определить роль социальных ожиданий, глубже изучить условия и механизмы их реализации в потребностно-мотивационной сфере личности; понять мотивацию поведения человека в контексте ожидаемого поведения окружающих и их неожиданных действий. Безусловно, что большое количество теорий мотивации требует времени и значительных усилий. Предлагаемая статья — это только попытка показать значение предложенной проблематики, определить ориентиры будущих научных поисков.

Практическое значение заключается в решении неотложных задач психологии социального поведения, мотивации, межличностного взаимодействия, что позволит эффективней налаживать сотрудничество, будет способствовать достижению высоких показателей в любой деятельности. Полученные результаты могут взять на вооружение психологи, педагоги, службы по работе с персоналом на предприятиях, социальные работники. Результаты исследования могут быть использованы как в научных исследованиях, так и в организации учебно-воспитательного и производствен-

ного процессов. Они будут интересны всем, кто изучает человека как феномен мира, становление его как уникальной, самодостаточной личности, как субъекта самоактивности.

Теоретический анализ и результаты исследования проблемы

Все теории мотивации личности можно условно разделить на две группы: содержательные и процессуальные. Целью содержательных теорий мотивации является определение содержательных компонентов мотивации, структуры потребностей человека. Они помогают определить приоритетные потребности сотрудника, доминирующие мотивы. Процессуальные теории мотивации — более современные, они базируются на поведении человека, учитывают его восприятие и приобретённый опыт. Следует отметить, что сама мотивация в процессуальных теориях рассматривается с точки зрения того, что заставляет человека направлять усилия на достижение желаемых результатов. Содержательные концепции мотивации обладают большей статичностью в сравнении с процессуальными. В то же время процессуальные теории более динамичны, обладают высоким уровнем практичности и удобны в применении. Мы обратимся к тем процессуальным теориям, которые представляют наибольший интерес в рамках нашего исследования.

Особого внимания заслуживает мотивационный аспект социальных ожиданий в теории ожиданий В. Врума [17], которая принадлежит к процессуальным теориям мотивации. Автор отмечает, что «активные потребности не единственное необходимое условие мотивации человека к достижению определенной цели. Человек должен надеяться на то, что выбранный им тип поведения действительно приведет к овладению желаемым объектом» [17, p. 137]. На рис. 1 показана модель мотивации по В. Вруму.

Ожидание того, что приложенные усилия дадут желаемый результат	×	Ожидание того, что результат приведёт к вознаграждению	×	Ожидаемая ценность вознаграждения	=	Мотивация
П–Р		Р–В		Валентность		

Рис. 1. Модель мотивации по В. Вруму

Ожидание можно рассматривать как оценку личностью данной вероятности определенного события. Большинство людей ожидают, например, что окончание института позволит им получить лучшую работу, и если работать с полной отдачей, то можно добиться карьерного успеха. Анализируя мотивацию труда, видим, что в теории ожиданий подчеркивается важность следующих факторов: приложенные усилия — результаты, результаты — вознаграждение и валентность, т.е. удовлетворенность вознаграждением.

Ожидание результатов (П–Р) — это соотношение между приложенными усилиями и полученными результатами. Так, например, менеджер может ожидать, что он получит высокую оценку своей деятельности, если приложит дополнительные усилия и вовремя сдаст квартальный отчет. Рабочий на заводе может ожидать высокой оценки своей деятельности, если будет изготовливать продукцию высокого качества с минимальным количеством отходов сырья, что позволит ему повысить свой уровень квалификации и тарифную ставку заработной платы. Конечно, люди могут и не рассчитывать на то, что их усилия приведут к желаемому результату. Если человек чувствует, что нет прямой связи между приложенными усилиями и достигнутым результатом, то согласно теории ожиданий мотивация ослабевает.

Ожидание относительно результата — вознаграждения (Р−В) — это ожидание определенного вознаграждения или поощрения в ответ на достигнутый уровень результатов. Таким образом, менеджер может ожидать, что его усилия будут оценены руководством и он получит повышение по службе, соответствующие льготы, социальные бонусы.

Третий фактор, который определяет мотивацию в теории ожиданий, — это валентность или ценность вознаграждения. Валентность — это ожидаемая мера относительного удовлетворения или неудовлетворения, которая возникает в результате получения определенного вознаграждения. Можно представить себе ситуацию, когда менеджер получил повышенную заработную плату, хотя ожидал повышения по службе. Если валентность низкая, т.е. ценность вознаграждения для человека не слишком важна, то теория ожи-

даний удостоверяет, что мотивация работников в этом случае будет ослабевать [17].

Таким образом, мы видим, что отмеченные выше факторы имеют определяющее влияние на уровень мотивации. Их соотношение можно показать следующей формулой:

$$мотивация = (П-Р) \times (Р-В) \times валентность. \quad (1)$$

С. Роббинс [6] разделяет мнение В. Врума [17] и отмечает, что у многих сотрудников отсутствует стимул работать лучше, поскольку они не наблюдают надлежащей взаимосвязи между такими компонентами: прилагаемые усилия, оценка работы, вознаграждение, которое получают за выполненную работу, и то, чего человек ожидает. На рис. 2 показана схема связи мотивационных компонентов ожидаемого результата по С. Роббинсу.

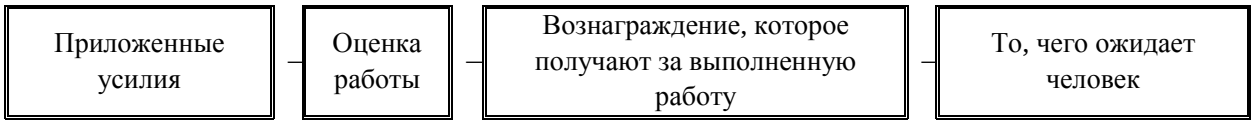


Рис. 2. Схема связи мотивационных компонентов ожидаемого результата по С.Роббинсу

Следовательно, чтобы у сотрудников был стимул работать лучше, нужно сделать все необходимое, чтобы скрепить связь между этими факторами. «Вознаграждение сотрудников — если они этого заслуживают — должно отвечать их ожиданиям» [6].

Обратим внимание, что в теории социального научения [15] Дж. Роттер с помощью понятий «ожидания», «локус контроля», «подкрепление» описывает социальное поведение личности. Ожидания относятся к субъективной вероятности того, что определенное подкрепление будет наблюдаться в поведении в похожих ситуациях. Стабильное ожидание, генерализированное на основе опыта, объясняет устойчивость и цельность личности. Дж. Роттер выделяет ожидания, свойственные одной ситуации — так называемые специфические ожидания, и ожидания более общие и приемлемые к ряду ситуаций, т.е. генерализированные ожидания, отражающие опыт разных ситуаций.

Предсказание вероятности поведения личности в некоторых ситуациях базируется на двух основных переменных — ожиданиях и ценности подкрепления, о чем свидетельствует формула теории социального научения:

$$поведенческий\ потенциал = \\ = ожидания + ценность\ подкрепления. \quad (2)$$

Человек стремится к цели, достижение которой будет подкреплено, а ожидаемые подкрепления будут иметь высокую ценность. Следует отметить, что базовое понятие генерализированного ожидания в теории социального научения — интернально-экстернальный «локус контроля», который предполагает описание того, в какой степени личность ощущает себя активным субъектом собственной деятельности и своей жизни, а в какой — пассивным объектом действий других людей и обстоятельств [15].

Несколько иное толкование психологического содержания и механизма действия ожиданий предлагает Э. Деци [12], который разработал оригинальную теорию мотивации, где описал модель функционирования следующим способом. Введение сенсорных данных — это «предсказание возможного удовлетворения», которое запускает и поддерживает последовательность актов, направленных на цель. Предсказание возможного удовлетворения является основным мотивационным условием, которое вынуждает человека ставить перед собой цель, достижение которой, как он ожидает, приведет к вознаграждению и, таким образом, к удовлетворению. Предположение такого сценария возникает на предыдущих стадиях, где, собственно, и возникают вероятные варианты развития событий [12]. Это обеспечивает направленность действий, которые становятся неактуальными, когда достигнута цель. Основываясь на этих положениях, ожидание можно определить как внутреннюю мотивацию, что возникает как некое состояние сознания субъекта.

Статус психического состояния присваивает ожиданиям российский учёный А. Тышковский [9]. Он разработал концептуальную модель ожиданий индивида и дает такое толкование самого понятия: «Ожидания индивида — это психическое состояние индивида, отражающее соотношение субъективной оценки актуальной ситуации взаимодействия и представлений индивида о себе как субъекте поведения в данной ситуации. Ожидания находят свое выражение в форме надежды

как эмоционального переживания, возникающего в предверии некоторого значимого события или результата» [9, с. 20]. На наш взгляд, отображение ожиданий в форме надежды частично раскрывает психологическое содержание социальных ожиданий, поскольку надежда как эмоциональное переживание чего-то значимого может носить пассивный характер и отображать ожидание кого-то или чего-то.

Целесообразно обратить внимание на концептуальные положения в труде М. Гомелаури «Вопросы мотивационного значения социальных ожиданий» [1]. Он отмечает, что прогнозируемая установка является примитивной формой ожиданий и одним из проявлений отношений индивида к действительности. Автор квалифицирует ожидание как установку: «Установочные и сознательные ожидания могут совпадать или противоречить друг другу, что может побуждать к суммации или интерференции эффектов, которые они вызывают» [1, с. 23].

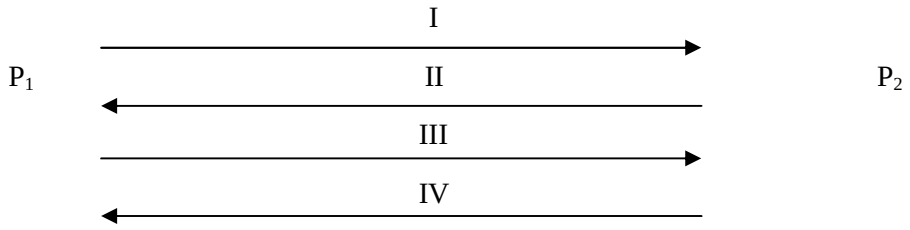


Рис. 3. Система межличностных ожиданий

Представленные на рис. 3 векторы отображают следующие ожидания: I) ожидание P_1 касательно P_2; II) ожидание P_2 касательно P_1; III) ожидание P_1 относительно ожидания P_2; IV) ожидание P_2 относительно ожидания P_1.

М. Гомелаури указывает на активную сознательную составляющую в двусторонних ожиданиях. Акцентирует внимание на мотивационном аспекте социальных ожиданий. Он отмечает, что «односторонние ожидания индивида относительно объекта могут формироваться и влиять на его поведение бессознательно, на уровне прогнозируемой работы мозга, в то время как социальные ожидания не могут создаваться без участия сознания» [1, с. 128].

Перейдем к теории справедливости С. Адамса [8]. Согласно его теории, людей мотивирует социальная справедливость в вознаграждении, которое они ожидают получить за свою деятельность. Теория изучает осознание индивидом справедливого отношения высшего менеджмента к нему в сравнении с отношением к другим сотрудникам организации. Теория допускает, что, индивидуально оценивая вознаграждения за собственный труд и достижение, сотрудники пытаются обеспечить воплощение принципов социального равенства. Равенство вознаграждения оценивается в соответствии с соотношением «затраты – результат». Затраты сотрудника — это образование, опыт, усилия и способности, а результат состоит из заработной платы, признания, льгот, продвижения по карьерной лестнице и т.п. Свое индивидуальное соотношение «затраты – результат» сотрудник сравнивает с аналогичными соотношениями других членов коллектива или определенных средних значений, свойственных этому коллективу. Ощущение справедливости возникает тогда, когда индивидуальное соотношение «затраты – результат» приблизительно равняется соответствующим соотношениям других. Когда же соотношение не уравновешено, возникает ощущение несправедливости, что способствует возникновению споров между сотрудниками и мотивирует их к «уравновешиванию ситуации». К самым распространенным путям уравновешивания ситуации и устранения неравенства относим изменение «результата». Например, сотрудник может принять решение о необходимости увеличения его вознаграждения, т.е. будет требовать большую зарплату, служебный автомобиль и т.п. Все эти выгоды призваны компенсировать несправедливость, сбалансировать ситуацию, с точки зрения неудовлетворенного сотрудника. Ситуация может выйти из-под контроля, и такие уравновешивания могут происходить перманентно. По аналогии может действовать целый коллектив, настаивая, чтобы оплата и условия труда его членов равнялись каким-то определенным показателям. Сотрудник может пытаться уменьшить затраты, для получения результата. Например, стремиться уменьшить интенсивность труда, решая в рабочее время личные задания и проблемы. Исследования доказывают, что, когда изменения «ре-

зультата» и «затрат» невозможны, позитивное влияние может осуществить корректирование представлений сотрудника о справедливом вознаграждении. Это возможно достичь путем искусственного повышения его статуса, путем его профессионального признания руководством. Завершающим звеном может быть увольнение с работы — кардинальное решение, которое может принять сотрудник для устранения неравенства. Таким образом, относительное вознаграждение сотрудников влияет на их мотивацию не меньше, чем индивидуальное абсолютное вознаграждение. Задание руководителей — оправдать ожидания сотрудников, связанные с ощущением справедливости. Необходимо заметить, что в пределах теории справедливости не берутся во внимание составляющие части процесса достижения результата, хотя на практике экстремальные условия могут существенно влиять на оценку результатов. Важно, чтобы ожидания сотрудника о социальной справедливости совпадали с реальностью.

В этом контексте обратим внимание на работу Р. Хьюсмана и Дж. Хетфилда «Фактор справедливости» [11]. По их мнению, любая деятельность основывается на принципе, который они называют «фактором справедливости». На содержание межличностного взаимодействия влияют не только намерения, усилия его участников, количество потраченного времени на развитие этих отношений, но и то, как они воспринимаются другим человеком.

Р. Хьюсман и Дж. Хетфилд, касаясь проблемы латентных ожиданий, отмечают, что они находятся далеко за пределами сознания. Но внутренние, скрытые ожидания существенно влияют на поведение людей. Поэтому, не осознавая свои ожидания, члены взаимодействия не дают возможность другим понять их и при этом усложняют взаимопонимание. Разрушать взаимоотношения может не только расхождение в оценках и суждениях людей, но и расхождение в ожиданиях партнеров относительно будущего хода событий [11].

Отметим, что латентные, неосознанные ожидания также влияют на развитие отношений. Поэтому наличие негативных ожиданий, безусловно, вредит налаживанию и развитию взаимоотношений. В то же время позитивные ожидания обладают значительным потенциалом гармонизации человеческих контактов, взаимоотношений. Авторы считают, что позитивные ожидания обозначают не что иное, как программирование в сознании людей своеобразного пророчества, которое способно осуществляться само по себе. Негативные ожидания, напротив, подталкивают человека к ухудшению поведения и побуждают к проявлению агрессии. Сама идея, что наши ожидания могут влиять на поведение людей, которые взаимодействуют, существует уже много веков как «эффект Пигмалиона». Необходимо концентрировать больше внимания на осознании и анализе как собственных ожиданий, так и ожиданий партнера, стремиться не только к точности ожиданий, но и проявлять оптимизм во время их построения и избегать пессимизма. Так, по принципу «пророчества самореализации» могут реализовываться как позитивные, так и негативные ожидания [11, с. 61].

Л. Портер и Э. Лоулер разработали комплексную процессуальную теорию мотивации [14], которая совмещает элементы теории ожиданий и теории справедливости. Они выделяют пять ключевых категорий: усилие, восприятие, полученные результаты, вознаграждение, степень удовлетворения. Достигнутые сотрудником результаты зависят от трех переменных: потраченных усилий, способностей и характерных особенностей человека, а также от осознания своей роли в процессе труда. Уровень потраченных усилий, в свою очередь, зависит от ценности вознаграждения и от того, какая, по мнению сотрудника, есть вероятность связи между усилием и возможным вознаграждением. Достижение необходимого уровня результативности предопределяют внутренние и внешние вознаграждения. Первые дает сам труд, они связаны с содержанием и значимостью выполняемой работы, чувством достигнутого результата, самоуважением, общением в процессе труда. Вторые — внешние вознаграждения — дает организация: заработная плата, похвала руководства, продвижения по службе и т.п.

Основные положения этой модели свидетельствуют о том, что мотивация не является простым элементом в цепи причинно-следственных связей. Модель показывает, насколько важно объединить такие составляющие, как усилия, способности, результаты, вознаграждение, удовлетворение и восприятие, в рамках единственной взаимосвязанной системы. Самый важный для практики управления вывод теории Портера-Лоулера в том, что именно результативный труд дает удовлетворение. Этот вывод противоречит утверждениям многих ученых, которые считают, что только удовлетворение человека ведет к высоким результатам труда, т.е., чем больше доволен человек, тем он лучше работает. При этом не принимается во внимание результативность его труда. Нам кажется обоснованным и более реалистич-

ным взгляд, что высокая результативность является причиной удовлетворения, а не его следствием. Ведь результативность — это наличие созданных материальных и нематериальных благ и услуг, которые составляют основу удовлетворения потребностей. Человек чувствует удовлетворение или неудовлетворение от самого результата труда как такого. Следовательно, нехватка высокой результативности труда делает невозможным удовлетворение человека в широком понимании этого слова [14].

Х. Хекхаузен предложил расширенную модель мотивации [10], которая базируется на принципиальной схеме «ожидаемой ценности». В отличие от предыдущих теорий, Х. Хекхаузен выделяет три вида валентности, т.е. ожидаемой ценности: ситуации, действия и результата. Мотивационный процесс начинается с оценки того, к какому результату приведет сама ситуация, если субъект не будет реагировать на нее. Это является валентностью ситуации. Результат действия является своеобразной центральной составляющей этой модели.

В структуре модели мотивации Х. Хекхаузен выделяет четыре типа ожиданий: ожидания «ситуация – результат», ожидания «действие – результат», ожидания «действие – ситуация – результат», ожидания «результат – следствие».

Каждый из четырех типов ожиданий основывается на особой каузальной атрибуции результата. В ожиданиях «ситуация – результат» и «действие – ситуация – результат» большую роль играют внешние факторы, помощь других людей, случайность. В ожиданиях «действие – результат» учитываются внутренние факторы, такие как способности и приложенные усилия.

Х. Хекхаузен предложил такой конструкт, как «ожидание» и оригинальный взгляд на процесс мотивации. Его классификация ожиданий и возможные варианты охватывают все мотивационное поле ожидаемого поведения личности. Научные результаты не противоречат общепринятой модели процессуальных теорий мотивации «ожидаемой ценности», хотя и прослеживается «идеальное» лабораторное построение классификации, что не уменьшает научную ценность его мотивационной теории [10].

Следующей процессуальной теорией мотивации, на которую мы обратим внимание — это теория постановки целей Э. Локи [2]. Согласно теории сотрудники субъективно воспринимают цель организации как свою собственную, пытаются сделать все для ее достижения, получают удовольствие от качественного выполнения работы. Цель должна быть конкретной. Сотрудники лучше понимают, что от них требуют и, соответственно, больше концентрируются, когда перед ними ставятся конкретные задания. Конкретность целей заключается также в том, что должны быть точно определены критерии и показатели, которые можно измерять, сравнивать с соответствующими действиями или результатами. Цели должны быть достаточно сложными. Сложность заданий как будто бросает вызов сотруднику, его профессиональному мастерству, тем самым вдохновляя его на достижения. Цель должна быть воспринята сотрудником, что будет предпосылкой её достижения. Восприятие цели зависит от ряда факторов: авторитета руководителя, влияния окружающих, системы вознаграждений, духа соперничества, веры в возможность достижения самой цели и от меры привлечения сотрудников к процессу разработки и постановки ее. Процесс достижения цели предусматривает необходимость внедрения обратной связи. Источником обеспечения эффективной обратной связи может быть непосредственно сама деятельность, самомониторинг сотрудника, его руководители, коллеги. Обратная связь необходима независимо от степени сложности целей и от того, кто именно их ставит. Сотрудники должны постоянно получать информацию о результатах своей деятельности, что дает возможность оценивать прогресс и при необходимости пересматривать свои цели.

Таким образом, в соответствии с мотивационной теорией постановки целей решение индивида работать ради достижения целей является важным источником его мотивации. На каждом этапе должно наблюдаться соответствие ожиданий и реального развития ситуации. Можем сделать вывод, что включенность сотрудника в постановку целей, самомониторинг деятельности являются необходимыми элементами формирования адекватных ожиданий сотрудника.

Особый научный интерес представляет теория предчувствия успеха, которая принадлежит Р. Аткинсону [7]. Учёный в своих экспериментах обнаружил достаточно сложную структуру «игры ожиданий». Сущность этой структуры заключается в следующем: если в жизни человека есть проблема или слишком трудное задание, то их нельзя решить, полагаясь лишь на свой интеллект — необходимо определенное везенье и уверенность в собственных силах. Силы, которые двигают человеческими поступками, зависят от их оценки вероятности успеха и собственной заинтересован-

ности в достижении успеха в этом виде деятельности. Это положение выразим формулой

$$M = B \times З \quad (3)$$

где М — мотивация; В — вероятность успеха; З — заинтересованность.

Знак умножения указывает на взаимозависимость факторов. Если один из них крайне низкий, то уровень мотивации будет также низким. Если вера в успех равняется нулю, то аналогичной будет мотивация, независимо от заинтересованности. Можно допустить, что личность, мотивированная на избегание неудачи, будет руководствоваться сниженными или завышенными требованиями. Тогда как личность, мотивированная на достижение успеха, должна сделать более реалистичный выбор [7, с. 203].

Примером исследования ожиданий как функционального компонента механизма мотивации личности являются теории американских психологов С. Эпстайна [13] и Э. Стотланда [16]. С. Эпстайн видит в ожидании «параметр неспецифической активации». Активация или нарушение — одно из важнейших понятий в мотивационных теориях, а для С. Эпстайна это центральное понятие в анализе роли фактора мотивации в человеческих функциях высшего порядка: абстрактном мышлении и творчестве. Его теория признает существование трех типов стойких мотивационных переменных — влечений, эмоций и афективно-когнитивных ориентаций. Понятие афективно-когнитивной ориентации отвечает понятию установки со свойственной ей трехчленной структурой, которая совмещает аффектный, когнитивный и поведенческий компоненты. Причем аффектный компонент интерпретируется как центральный аспект установки, потому что находится близко к оценке объекта. Аффективно-когнитивные ориентации являются связью, динамическим и относительно стабильным отношением между аффектом, эмоциями, побуждениями и определенными когнитивными процессами, образами, словами, мыслями. Это мотивационные феномены, состояния, процессы, которые составляют основание поведения. Ожидания в том смысле, как их понимает С. Эпстайн, являются регуляторами этой связи между аффектными и когнитивными процессами. Они имеют значение как при изменении активации, так и при контроле и подавлении этих состояний [13].

Трехчленная структура С. Эпстайна созвучна с тремя составляющими Я-концепции Р. Бернса: когнитивной, эмоционально-ценностной и поведенческой. Ожидать можно и наилучшего, и наихудшего, и чего-то среднего. А ожидаемое может ассоциироваться и соотноситься с любыми позитивными или негативными эмоциями. Таким образом, в теории эмоций ожидания можно определить как разновидность взаимодействия между интересом и познавательными процессами. Если такое афективно-когнитивное взаимодействие является негативным по своей природе, оно порождает страх, если позитивным — дарит надежду.

На наш взгляд, исследуя социальные ожидания, необходимо особое внимание обратить на надежды, страхи, опасения человека. Их смысловые особенности в известной мере будут пересекаться с социальными ожиданиями личности, поскольку и те, и другие являются своеобразным «строительным материалом» ее перспективных линий развития, ее будущего.

Американский учёный Э. Стотланд предпринял попытку определить надежду и страх в рамках ожидания достижения цели. Одно из основных положений заключается в том, что каждый субъект ориентируется на цель. Мотивация достижения цели является одной из составляющих функции вероятности достижения и ощущения ее важности. Мы надеемся, имея ожидания относительно достижения цели больше нуля. Важные цели с высокой вероятностью достижения, т.е. большие надежды, вызывают позитивный аффект — радость, оптимизм. Важные цели с низкой вероятностью достижения, т.е. малые надежды, вызывают тревожность, депрессию, подавленность. Таким образом, теория Э. Стотланда при определении понятий надежды и страха тоже связывает аффектные и когнитивные процессы. При этом аффектным компонентом надежды выступает интерес. Автор теории сопоставляет их и делает далекие выводы относительно характера последующей жизнедеятельности личности.

Люди, потерявшие надежду на достижение цели в реальном мире, создают свой собственный нереальный, иллюзорный мир. Депрессия рассматривается как иная форма переживания безнадежности. Не прибегая к дискуссии о последствиях возникающего диссонанса для индивидуальных вариантов судьбы, мы считаем достойной внимания саму постановку проблемы влияния ожиданий относительно цели на процесс настоящего ее достижения [16].

Автор статьи в своих научных поисках исследовал мотивационный компонент социально-психологических ожиданий личности [3]. Проведенное исследование дало возможность сравнить уровень мотивации к достижению цели и уровень

сформированности социально-психологических ожиданий у студентов и менеджеров. Отслеживается положительная связь между уровнем мотивации к достижению цели и уровнем сформированности социально-психологических ожиданий, но у менеджеров эта связь не только положительная, но и значимая, чего мы не наблюдали у студентов. Учебно-воспитательный процесс студентов носит процессуальный характер, который предопределяет меньшую ориентацию на конечный результат, и, соответственно, имеет место положительная, неярко выраженная связь мотивации к достижению цели и уровня сформированности социально-психологических ожиданий студента. Деятельность менеджеров является ярким примером нацеленности на конечный результат, на вознаграждение, которое предопределяет наличие позитивной значимой связи исследуемых составляющих.

Отмечено, что профессиональная деятельность определяюще влияет на активизацию мотивационных процессов человека. Обосновано и доказано, что мотивационный компонент — необходимая динамическая составляющая становления и развития социально-психологических ожиданий [3].

Заключение

Процессуальные теории мотивации, в отличие от содержательных, более современные, они базируются на поведении человека, учитывают его восприятие и приобретённый опыт, а также более динамичны, обладают высоким уровнем практичности и удобны в применении.

Центральным понятием процессуальных теорий мотивации выступает «ожидаемая ценность». Их объединяет проблема управления мотивацией в условиях производственных отношений. Важным источником мотивации служит ожидаемый конкретный исход труда. Основные понятия этих теорий: ожидания, инструментальность и валентность. Валентность — это привлекательность для сотрудника ценности определённого исхода труда или «ожидаемая ценность». Инструментальность — это средства вознаграждения и наказания, которые связывают поведение с возможными конечными результатами, такими как признание, вознаграждение, продвижение по служебной лестнице, премия, зарплата. Ожидания — это своего рода прогноз эффективности трудовой деятельности, основанный на анализе валентности сотрудника и инструментальности работодателя. Главная идея теорий проста: чем больше ценность определённого исхода и чем выше вероятность вознаграждения, тем больше трудовых усилий приложит человек, чтобы достичь результата.

Изучая социальные ожидания, особое внимание следует обратить на надежды, страхи, опасения человека. Их содержательные особенности в значительной мере пересекаются с социальными ожиданиями, поскольку все они являются своеобразным «строительным материалом» перспективных линий развития, будущего личности.

Основные концепты рассмотренных теорий: «приложенные усилия – результат – вознаграждение» в теории ожиданий В. Врума, «приложенные усилия – оценка работы – вознаграждение – ожидания» в теории мотивации С. Роббинса, «предсказание возможного удовлетворения» в теории мотивации Э. Деци, «установочные и сознательные ожидания» в мотивационной теории М. Гомелаури, «затраты – результат» в теории справедливости С. Адамса, «усилие – восприятие – полученные результаты – вознаграждение – степень удовлетворения» в комплексной процессуальной теории мотивации Л. Портера и Э. Лоулера, «ожидаемая ценность» в расширенной теории мотивации Х. Хекхаузена, «игра ожиданий» в теории предчувствия успеха Р. Аткинсона, «параметр неспецифической активации» в теории С. Эпстайна, «ожидания достижения цели» Э. Стотланда указывают на богатую психологическую природу исследуемой проблемы. Это позволит лучше изучить психологическое содержание социальных ожиданий, глубже понять их сущность.

Список литературы

1. *Гомелаури М.Л.* Вопросы мотивационного значения социальных ожиданий. Тбилиси, 1968. 172 с.
2. *Лок Эдвин.* О теории мотивирования и стимулирования целями: [Edwin Locke]. М., 1968. URL: http://www.treko.ru/show_dict_1469 (дата обращения: 01.10.2014).
3. *Попович І.С.* Мотиваційний компонент соціально-психологічних очікувань // Проблеми загальної і педагогічної психології: зб. наук. праць Ін-т. психол. ім. Г.С.Костюка АПН України / під ред. С.Д. Максименка. К., 2011. Т. XIII, ч. 4. С. 290–297.
4. *Попович І.С.* Оптимізація розвитку соціально-психологічних очікувань у студентській групі: навч.-метод. посіб. Херсон: ВАТ ХМД, 2013. 204 с.
5. *Попович І.С.* Соціально-психологічні очікування в людських взаєминах. Херсон: ВАТ ХМД, 2009. 240 с.
6. *Роббинс С.П.* Правда об управлении персоналом / пер. с англ. О.А. Полищук. М.: Изд. дом

Вильямс, 2003. 304 с.
7. *Савчин М.В.* Загальна психологія: навч. посіб. Дрогобич: Посвіт, 2009. 372 с.
8. *Теория* справедливости Адамса. URL: http://www.klubok.net/article2422.html (дата обращения: 01.10.2014).
9. *Тышковский А.В.* Социально-психологические основы формирования и реализации ожиданий в профессиональном выборе и карьере: дис. … д-ра психол. наук. М., 1999. 481 с.
10. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 860 с.
11. *Хьюсман Р.*, Хэтфилд Дж. Фактор справедливости / пер. с англ. О.Р. Семёновой. М.: Знание, 1991. 96 с.
12. *Deci E.* Intrinsic motivation. N.Y.: Plenum Press, 1975. 123 p.
13. *Ehstein S.* The nature of anxiety with emphasis upon its relationship to expectancy // C.D. Speilberger (Ed.) Anxiety: Contemporary theory and research. N.Y.: Academic Press, 1972.
14. *Lawler E.E.*, Porter L.W. Antesedent attitudes of effective managerial performance // Organisational Behaviour. 1967. Vol. 2. P. 122–142.
15. *Rotter J.B.* Social leaning and clinical psychology. N.Y.: Prentice-Hall, 1954. 242 p.
16. *Stotland E.* The psychology of hope. San Francisco: Josey-Bass, 1969.
17. *Vroom V.H.* Work and Motivation. N.Y.: Wiley, 1964. 216 p.

Получено 01.10.2014.

References

1. Gomelauri M.L. *Voprosy motivatsionnogo znacheniya sotsial'nyh ozhidanij* [Questions of motivation significance of social expectations]. Tbilisi, 1968, 172 p. (In Russian).
2. Locke E. *O teorii motivirovaniya i stimulirovaniya tselyami* [On a theory of motivating and stimulation by goals]. Available at: http://www.treko.ru/show_dict_1469 (Accessed 01.10.2014). (In Russian).
3. Popovych I.S. [Motivation element of social and psychological expectations]. *Problemy zagal'noj i pedagogichnoj psihologii: zbornik naukovyh prats. Institut psihologii imeni G.S. Kostyuka APN Ukraini* [Problems of general and pedagogic psychology: collection of scientific papers. Institute of Psychology named after G.S. Kostyuk of National Academy of Educational Sciences of Ukraine]. Kiev, 2011, vol. XIII, part 4, pp. 290–297. (In Ukrainian).
4. Popovych I.S. *Optimizatsiya rozvitku sotsial'no-psihologichnyh ochikuvan' u studentski grupi* [Optimization of social and psychological expectations of student groups]. Kherson, VAT HMD Publ., 2013, 204 p. (In Ukrainian).
5. Popovych I.S. *Sotsial'no-psihologichny ochikuvannya v lyudskih vzaeminah* [Social and psychological expectations in human relationship]. Kherson, VAT HMD Publ., 2009, 240 p. (In Ukrainian).
6. Robbins S. *Pravda ob upravlenii personalom* [The truth about managing people]. Moscow, Publishing house Vilyams Publ., 2003, 304 p. (In Russian).
7. Savchin M.V. *Zagal'na psihologiya: navch. posib.* [Obschaya psihologiya: textbook]. Drogobich, Posvit Publ., 2009, 372 p. (In Ukrainian).
8. *Teoriya spravedlivosti Adamsa* [Equity theory by Adams]. Available at: http://www.klubok.net/article2422.html (Accessed 01.10.2014). (In Russian).
9. Tyshkovskij A.V. *Sotsial'no-psihologicheskie osnovy formirovaniya i realizatsii ozhidanij v professional'nom vybore i kar'ere: Avtoref. dis. … kand. psikhol. nauk* [Social and psychological basics of formation and realisation of expectations in choice of profession and career: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 1999, 481 p. (In Russian).
10. Heckhausen H. *Motivatsiya i dejstvie* [Motivation and action]. 2nd edition, Saint Petersburg, Piter Publ., Moscow, Smysl Publ., 2003, 860 p. (In Russian).
11. Huseman R., Hatfield J. *Faktor spravedlivosti* [Managing the equity factor]. Moscow, Znanie Publ., 1991, 96 p. (In Russian).
12. Deci E. Intrinsic motivation. N.Y.: Plenum Press, 1975. 123 p.
13. Ehstein S. The nature of anxiety with emphasis upon its relationship to expectancy // C.D. Speilberger (Ed.) Anxiety: Contemporary theory and research. N.Y.: Academic Press, 1972.
14. Lawler E.E., Porter L.W. Antesedent attitudes of effective managerial performance // Organisational Behaviour. 1967. Vol. 2. P. 122–142.
15. Rotter J.B. Social leaning and clinical psychology. N.Y.: Prentice-Hall, 1954. 242 p.
16. Stotland E. The psychology of hope. San Francisco: Josey-Bass, 1969.
17. Vroom V.H. Work and Motivation. N.Y.: Wiley, 1964. 216 p.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

SOCIAL EXPECTATIONS IN THE THEORIES OF MOTIVATION OF PERSONALITY

Igor S. Popovych

Kherson State University; 27, 40-let Oktjabrja str. Kherson, 73000, Ukraine

The retrospective analysis of research of social expectations is presented in the theories of motivation of personality. It is underlined, that judicial theories of motivation in difference from informative and more modern are based on the conduct of a man, taken into account his perception and acquired experience, and also the are more dynamic, possess the high level of practicality and comfortable in application.

A conclusion is done, that the main idea of judicial theories of motivation is simple: the more value of certain end and the higher probability of reward, the more work efforts will be made by a man to attain the result.

It is underlined, that hopes, fears of a man are in a great extent intersect with social expectations and are the original «building material» of perspective lines of the development, future of a personality.

Key words: social expectation; judicial and informative theories of motivation expected value; valency.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Попович И.С. Социальные ожидания в теориях мотивации личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 53–63.

Please cite this article in English as:

Popovych I.S. Social expectations in the theories of motivation of personality // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 53–63.

УДК 159.94

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОСТРАДАВШИХ, ПЕРЕЖИВШИХ ПОТЕРЮ РЕБЕНКА ВСЛЕДСТВИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

Онищенко Наталья Викторовна,
канидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории
экстремальной и кризисной психологии
Национальный университет гражданской защиты Украины
Украина, 61023, Харьков, ул. Чернышевская, 94;
e-mail: n-onischenko@ukr.net

В статье представлены результаты промежуточного исследования специфических особенностей реагирования пострадавших на тот или иной вид потери вследствие чрезвычайной ситуации. В частности, приводятся данные относительно того, как переживают гибель своего ребенка разные категории пострадавших; анализируются основные типы реагирования на данный вид потери; описываются специфические реакции женщин и мужчин на потерю детей; изучается вопрос реагирования людей пожилого возраста на потерю детей и/или внуков вследствие чрезвычайной ситуации техногенного происхождения. В статье поднимаются вопросы, которые касаются организации оказания экстренной психологической помощи пострадавшим, пережившим такой вид потери.
Ключевые слова: чрезвычайная ситуация; пострадавший; экстренная психологическая помощь.

Постановка проблемы

Успешное решение вопроса об оказании экстренной психологической помощи в очаге чрезвычайной ситуации (ЧС) всем, кто в ней нуждается, на наш взгляд, возможно лишь при условии соблюдения комплексного подхода, который включает:

– анализ основных видов потерь в результате ЧС и определение их влияния на пострадавших;

– раскрытие особенностей переживания тех или иных потерь пострадавшими различных категорий;

– изучение особенностей реагирования пострадавших на определенную потерю в условиях ЧС.

Анализ результатов интервью, в котором участвовали экстремальные психологи, имеющие опыт оказания экстренной психологической помощи пострадавшим от ЧС людям, показал, что наиболее тяжело пострадавшие переживают потерю ребенка (1-е место по рейтингу); следующей по степени тяжести является потеря близкого человека (одного из супругов или кого-то из членов семьи) — 2-е место в рейтинге; и 3-е место в рейтинговой таблице принадлежит такому виду потери, как потеря жилья (см. табл. 1).

Таблица 1. Рейтинговые показатели тяжести переживания пострадавшими потерь вследствие чрезвычайных ситуаций

№ п/п	Виды потерь вследствие ЧС	Показатель выбора, в %	Место в рейтинге
1	Потеря жилья	12,86	3
2	Потеря близкого человека	37,19	2
3	Потеря ребенка	49,95	1

© Онищенко Н.В., 2014

Изучая представленный рейтинг в аспекте степени травматичности отмеченных видов потерь для разных категорий пострадавшего населения, нами были получены следующие результаты (см. табл. 2.)

Представленные в табл. 2 данные позволяют говорить, что наиболее травмирующими среди большого количества факторов для всех категорий пострадавших является (1) смерть ребенка, (2) гибель супруга или другого близкого человека, (3) потеря жилья. Именно потерю жилья как тяжелый вид потери отметили достоверно большее количество пожилых пострадавших мужчин по сравнению с пострадавшими женщинами ($p \leq 0,05$). При этом женщины, по сравнению с двумя другими группами пострадавших, в достоверно большем числе случаев (54,22 %) намного тяжелей переживают смерть ребенка в результате ЧС (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$ в обоих случаях).

Родительское горе отличается чрезвычайной тяжестью переживания, потому что будущее любого человека в определенный период жизни связывается с его ребенком. Родители с появлением детей постепенно начинают строить свою жизнь по-другому, ставя в центр всего свою надежду, свое будущее, свои ожидания, которые прежде всего связаны с ребенком. Именно поэтому родительское горе переживается человеком особенно долго, трудно и травматично. Очень часто сопутствующими признаками процесса горевания становятся сильные эмоциональные переживания, вина перед ребенком, депрессивные проявления, а также потеря смысла жизни [2, 5, 6].

Таблица 2. Показатели тяжести переживания пострадавшими разных категорий потерь вследствие чрезвычайных ситуаций

№ п/п	Виды потерь вследствие ЧС	(1) Мужчины, в %	(2) Женщины, в %	(3) Пожилые люди, в %	φ (1, 2)	φ (1, 3)	φ (2, 3)
1	Потеря жилья	20,25	15,25	23,55	1,90	1,87	2,05*
2	Потеря близкого человека	34,80	30,53	31,35	1,55	1,62	0,89
3	Потеря ребенка	44,95	54,22	45,10	2,66*	0,70	2,40*

*$p \leq 0,05$

Анализ разработанности данной проблемы в психологии показал, что на сегодня образовалось несколько направлений, которые позволяют говорить об изучении вопросов переживания потери ребенка, о существующих сложностях при разработке специальных мероприятий по сопровождению лиц, переживающих гибель ребенка. В этих работах рассматриваются проблемы переживания психологической травмы после гибели значимого близкого, особенности процесса переживания трагических событий, изучаются основные реакции на потерю [1, 2, 4, 7, 8, 10, 13, 17].

Современные исследования, проведение которых было обусловлено рядом террористических актов с участием детей, позволяют сделать несколько выводов относительно особенностей реагирования пострадавших на травмирующие события [2, 15]. Обращаясь к работам российских коллег, заметили, что большинство женщин, которые пережили смерть ребенка в результате террористического акта в Беслане, даже через 3,5 года не закончили «работу горя». Их состояние характеризовалось выраженным чувством вины, зависимостью от умершего ребенка, депрессивными проявлениями, отчаянием [15].

Ссылаясь на исследования В. Отрадинской, отметим, что женщинам, которые в условиях чрезвычайной ситуации (ЧС) социального происхождения пережили угрозу потери ребенка, свойственные несколько типов поведения.

При *первом типе* реагирования на травматическое событие у женщин наблюдается рациональное поведение, целью которого является поиск и (если это возможно) спасение ребенка [15]. При этом мы, опираясь на собственный опыт оказания экстренной психологической помощи в очаге чрезвычайной ситуации, можем отметить, что такой тип реагирования на потерю собственного ребенка встречается крайне редко.

Второй тип реагирования, наблюдаемый у женщин при потере ребенка в очаге чрезвычайной ситуации, характеризуется аффективно-шоковой реакцией в виде психомоторной заторможенности, которая сопровождается психосенсорными расстройствами. Любые попытки поиска ребенка оказываются малоэффективными, поведение — нерациональное, хаотичное [15].

Третий тип реагирования на потерю ребенка проявляется развитием психомоторного возбуждения у женщин. В этих случаях доминируют расстройства астенического круга. В последующие недели после трагического события, по словам автора, происходит формирование признаков выраженной депрессии, достаточно заметными становятся признаки тревоги [15].

Некоторые авторы, рассматривая данную проблему, указывают, что главной функцией в таком случае является «правильная» реакция горя. Задачей этой реакции является освобождение личности от связей с умершим человеком [3, 4, 6]. При этом в большинстве исследований, посвященных вопросам переживания родителями смерти ребенка, авторы отмечают, что почти во всех случаях доминирующим чувством, которое испытывают родители, является чувство вины [1, 2, 5, 6]. Родители погибшего ребенка чувствуют себя неуверенными, опустошенными и бессильными. Они постоянно винят себя в случившемся [16, 18].

С точки зрения оказания экстренной психологической помощи в очаге ЧС считаем, что психологической работе с чувством вины у женщины, которая в результате трагедии потеряла ребенка, должно уделяться особое внимание. Переживание потери детей является наиболее тяжелым горем еще и потому, что родители вместе со своим ребенком теряют и свое «завтра» [1, 2, 4]. Некоторые психологи сравнивают гибель ребенка с двойной смертью: с одной стороны, это реальная потеря, с другой — разрушение надежд относительно своего ребенка и своего будущего [19]. Почти все, кто занимался данной проблемой, отмечали: чем больше родители переживают за своих детей, тем более тяжелой и более травматичной является потеря [10–12].

Однако вопросы относительно особенностей реагирования родителей на смерть ребенка в очаге ЧС до сих пор остаются мало изученными.

Изложение основного материала

Особого внимания заслуживает проблема организации и оказания экстренной психологической помощи пострадавшим женщинам, мужчинам и пожилым пострадавшим, находящимся в состоянии горя из-за гибели собственного ребенка вследствие ЧС. Эта проблема требует проработки в аспекте переживания утраты, особенностей преодоления этой ситуации с учетом специфики процесса горевания или скорби. Кроме того, весьма важным является и тот факт, что реакции пострадавших на стрессогенные факторы ЧС нельзя считать статическими — они могут меняться, проявляться с разной интенсивностью, исчезать и появляться вновь. Напомним, что процесс реагирования пострадавшего человека на ЧС имеет динамический характер, а реактивные проявления имеют свойство меняться в зависимости от многих факторов (как объективных, так и субъективных).

Заметим, что наше обращение к исследованию проблемы особенностей переживания потери ребенка в результате чрезвычайной ситуации обусловлено противоречием между ростом количества ЧС в Украине и несовершенной системой организации оказания экстренной психологической помощи пострадавшему населению. Кроме того, специалисты в области экстремальной и кризисной психологии столкнулись с трудностями диагностики степени переживания пострадавшим различных потерь (и потери ребенка в том числе) вследствие ЧС. Именно поэтому особое внимание следует уделять аспектам диагностики состояния пострадавших, которые потеряли ребенка вследствие ЧС. Вместе с тем следует помнить о разнице между отцовским и материнским переживанием потери, которая заключается прежде всего в специфике реагирования на травматическое событие.

По нашим наблюдениям, 85,5 % женщин, получивших известие о гибели ребенка в результате ЧС (*г. Днепропетровск, взрыв бытового газа в жилом доме — 2007 г.*), сразу давали волю чувствам, т.е. адекватно реагировали на трагедию. Только 41,0 % мужчин, оказавшись в аналогичной ситуации, таким же образом отреагировали на это известие. Подавляющее же большинство пытались подавить эмоции, что приводило к более длительному переживанию горя.

По результатам наблюдения было установлено, что основными маркерами поведения женщин можно считать: состояние оглушенности, тревожности, гнева, гиперактивности или отстраненности. Все эти признаки в редких случаях встречались у них по одному, у большинства же пострадавших женщин мы наблюдали их в комплексе.

В подтверждение этому В.В. Отрадинская отмечает, что переживание утраты ребенка при террористическом акте является комплексным обра-

зованием, основными составляющими которого являются когнитивный, поведенческий и эмоциональный компоненты [16]. При этом динамика переживания потери ребенка отражает этапы преодоления психологической травматизации и носит нормативный или патологический характер.

Безусловно, женщина, которая вследствие ЧС потеряла ребенка, требует психологического сопровождения со стороны экстремальных психологов. Такая помощь, учитывая особенности условий чрезвычайной ситуации, предоставляется обычно на первой фазе переживания горя — фазе шока и оцепенения [12, 17]. Эта фаза начинается с момента оповещения матери о смерти ее ребенка и продолжается обычно до момента осознания и проживания чувств. Этот этап характеризуется отрицанием — первой и наиболее распространенной реакцией матери на смерть собственного ребенка. Отдельно можно выделить оцепенение и истерические проявления как реакции на потерю. Оцепенение в этом случае можно назвать охранной реакцией организма женщины на известие о гибели ребенка. Эта реакция «оберегает» психику матери от столкновения с потерей сразу в полном объеме.

Первым сильным чувством, которое прорывает оцепенение и обманчивое равнодушие, нередко оказывается злость. Злость и агрессия пострадавшей женщины — это специфические эмоциональные реакции на объективные факторы, мешающие человеку оставаться в состоянии иллюзорной соединенности с погибшей ребенком. Заметим, что общие типы реакций женщины в ответ на смерть ребенка были похожими на реакции при потере супруга, но степень интенсивности их проявления была намного выше [15].

Анализируя особенности проявления реакций мужчин на гибель ребенка в результате ЧС, следует сказать: мужчины переживают почти все то же, что и женщины в такой ситуации, но не так явно это демонстрируют. Скорбь мужчины отличается от женской тем, что в ней сочетаются типичные и нетипичные симптомы переживания горя. Абсолютно подавляющее большинство мужчин при получении известия о смерти ребенка в условиях ЧС демонстрировали одну и ту же реакцию — они отворачивались и уходили. Никто из них не расспрашивал в тот момент подробностей (где тело ребенка, как и где его нашли, насколько сильно оно повреждено и т.д.). Основными маркерами таких реакций в одном случае (67,33 %) были абсолютная закрытость и нежелание контактировать. В таких условиях эти пострадавшие все делали машинально, автоматически. Казалось, что эти мужчины наблюдают за всем происходящим со стороны, их реакции заторможены, речь медленная, нечеткая. Эти признаки позволяют говорить об очень большом потрясении от потери ребенка. В другом случае мужчины (32,67 %) после получения известия о гибели ребенка занимали довольно агрессивную позицию, которая характеризовалась двумя векторами:

1) мужчины начинали обвинять себя, в том, что не спасли ребенка (65,25 %). В этом случае основными чертами поведения таких пострадавших можно назвать нежелание ни с кем контактировать, потребность заглушить горе алкоголем или какими-то другими психоактивными средствами, появление мыслей о самоубийстве;

2) мужчины обвиняли всех вокруг: судьбу, жизнь, Бога, спасателей и т.д. (34,75 %). В этом случае наблюдались агрессивные вызовы, осуждение действий окружающих, перенос своей агрессии на тех, кого беда обошла, попытки добиться справедливости, найти виновных, отомстить за смерть ребенка.

Изучение влияния ситуации потери ребенка на родителей позволило сделать вывод, что у большинства из них (60,44 %) психоэмоциональное состояние можно было охарактеризовать как чрезвычайно острое. Особые осложнения отмечались в моменты вывешивания списков погибших или проведения процедуры опознания (в зависимости от ЧС).

В условиях ЧС, наблюдая за женщинами и мужчинами, которые пережили потерю ребенка, можно с высокой степенью вероятности говорить о том, что у большинства из них в дальнейшем может наблюдаться усложненное переживание горя. Его развитие прежде всего обуславливается внезапной и неожиданной потерей, утратой, с которой были связаны отношения чрезмерной зависимости [9].

Анализ реакций пожилых пострадавших, которые вследствие чрезвычайной ситуации потеряли детей и/или внуков, показал, что главной особенностью пострадавших этой категории было сверхтяжелое психоэмоциональное состояние. Абсолютно все пострадавшие, независимо от возраста их погибших детей (внуков), говорили, что не имеют права жить дальше, что все, что случилось, несправедливо и неправильно. Основными реакциями, которые наблюдались у пострадавших пожилых людей, можно назвать плач, ступорозные проявления, оцепенение и панические формы поведения. Менее остро такие реакции проявлялись у тех, кто, как было установлено позже,

проживал отдельно от детей (внуков), а также у тех пострадавших, которые имели еще детей и / или внуков, помимо погибших, и могли переключиться на них.

Сравнивая реакции пострадавших пожилого возраста, потерявших детей или внуков вследствие ЧС, с реакциями тех, кто в трагедии потерял одного из супругов, отметим, что острота проявления первых была более значительной и заметной. Это можно объяснить тем, что потеря супруга/супруги в таком случае является более естественной потерей. Вдовец/вдова, исполняя все ритуалы, хранят память о погибшем и заботятся о его почитании. В случае гибели детей можно сказать, что такая потеря является неестественной, поэтому говорить о памяти и ее сохранении в будущем неуместно, ведь, по словам самих пострадавших, их жизнь после трагедии закончилась и потеряла всякий смысл. Поэтому главной реакцией в данной ситуации можно считать выражение чувства несправедливости в связи с тем, что погиб их ребенок или их внук, а они остались живы.

Отметим такую особенность, что если у некоторых женщин, которые в результате ЧС потеряли ребенка, мы фиксировали реакции отрицания и неприятия его смерти, то среди пожилых пострадавших с аналогичной степенью травматизации таких реакций зафиксировано не было. Но при этом психоэмоциональное состояние пожилых пострадавших осложнялось тем, что почти у всех них после получения известия о смерти ребенка / или внука отмечались обострения соматических заболеваний.

Добавим, что хотя мы и объединили описание реакций пожилых пострадавших на смерть детей с реакциями, вызванными вестями о смерти внуков, между ними все же есть разница в остроте переживаний. В нашем случае особо острой была ситуация, когда пожилые супруги в результате взрыва бытового газа в жилом доме потеряли и детей, и внуков. Их реакция была слишком тяжелой, а спектр негативных состояний был чрезвычайно разнообразным. Изменения в психоэмоциональном состоянии этих людей происходили достаточно быстро, что затрудняло процесс определения актуального состояния пострадавших. В этом случае, наряду с «нормальными» реакциями на такое событие отмечались и проявления галлюцинаций у пожилых пострадавших, проявлявшиеся в том, что они будто бы слышали голоса погибших внуков, видели свою погибшую дочь или сына и т.д. Отдельно отметим демонстрацию этими пострадавшими (преимущественно мужчинами) агрессии и раздражения по отношению к специалистам служб быстрого реагирования, принимавшим участие в ликвидации последствий ЧС.

Заключение

Обобщая приведенные данные, отметим, что абсолютно у всех пострадавших, независимо от возраста и гендерных признаков, смерть ребенка вызывает довольно сильные негативные реакции и интенсивные переживания. Кроме того, главными особенностями реакций относительно такого вида потери являются:

– достаточно заметная и более выраженная, по сравнению, например, с реакцией на потерю одного из супругов, является реакция отрицания, которую демонстрировали пострадавшие в ответ на известие о гибели ребенка;

– у женщин реакция отрицания может сохраняться несколько дольше, чем у мужчин и пожилых людей. Они также чаще, чем другие пострадавшие, склонны испытывать острое чувство вины за гибель детей;

– у мужчин чаще, чем у женщин, наблюдаются проявления агрессивного поведения, склонность к суицидальным формам поведения.

При этом полученные путем наблюдения за поведением пострадавших данные нельзя считать единственной информацией, позволяющей полно описать психоэмоциональное состояние человека, который переживает тот или иной вид потери. Необходима разработка и внедрение экспресс-методов диагностики текущего состояния пострадавшего вследствие той или иной чрезвычайной ситуации. Такие методы должны базироваться на комплексном подходе, предполагающем всестороннюю оценку не только реакций человека и его ресурсных возможностей, но и ряда объективных факторов, которые могут дополнительно влиять на психоэмоциональное состояние человека.

Список литературы

1. *Андрющенко А.В.* Посттравматическое стрессовое расстройство при ситуациях утраты объекта экстраординарной значимости // Психиатрия и психофармакотерапия. 2000. Т. 2, № 4. С. 104–109.
2. *Бедина И.А*. Оказание медико-психологической помощи женщинам, подвергшимся воздействию длительного стресса (террористический акт в г. Беслане) // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 59–64.
3. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей / пер. с англ. В.В. Старовойтова. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2006. 232 с.
4. *Бурина Е.А*. Особенности переживания внезап-

ной утраты // Ананьевские чтения — 2008: Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: материалы научно-практической конференции, 21–23 октября 2008 г. / под ред. Л.А. Цветковой, Н.С. Хрусталевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 14–15.

5. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
6. *Волкан В.*, Зинтл З. Жизнь после утраты: психология горевания. М., 2007. 160 с.
7. *Гнездилов А.В.* Психология и психотерапия потерь: Пособие по паллиативной медицине для врачей, психологов и всех интересующихся проблемой. СПб.: Речь, 2007. 162 с.
8. *Дейте Б.* Жизнь после потери / пер. с англ. В. Челноковой. М.: ФАИР–ПРЕСС, 1999. 304 с.
9. *Заманаева Ю.В.* Утрата близкого человека — испытание жизнью / под науч. ред. М.В. Осориной. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 272 с.
10. *Линдеманн Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 212–219.
11. *Лукас К.* Молчаливое горе. М.: Смысл, 2001. 255 с.
12. *Минигалиева М.Р.* Психологическая помощь умирающим, и их родным // Психология зрелости и старения. 2002. № 2(18). С. 130–156.
13. *Моуди Р.*, Аркэнджел Д. Жизнь после утраты. Киев: София; М: Гелиос, 2002. 287 с.
14. *Оніщенко Н.В.* Психологічний аналіз основних типів реагування постраждалих на втрату внаслідок надзвичайної ситуації // Проблеми екстремальної та кризової психології: зб. наук. праць. Харків: НУЦЗУ, 2014. Вип. 15. С. 175–183.
15. *Отрадинская В.В.* Социально-психологические особенности переживания и совладания с ситуацией потери ребенка в террористическом акте: на примере матерей Беслана: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 275 с.
16. *Сидорова В.Ю.* Четыре задачи горя // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 1–2. С. 18–22.
17. *Смирнов А.В.* Последствия перенесенного стресса у лиц, потерявших близких // Актуальные вопросы клинической и социальной психиатрии / под общ. ред.О.В. Лиманкина, В.И. Крылова. СПб.: СЗПД, 1999. С. 161–169.
18. *Parappully J.*, Rosenbaum R., Daele L, Nzewi E. Thriving after Trauma: The Experience of Parents of Murdered Children // Journal of Humanistic Psychology. 2002. P. 33–70.
19. *Wolk S.L.*, Weissman M.M. Women and depression: an update // Reviev of Psychiatry. Washington D.C.: American Psychiatric Press,1995. Vol. 14. P. 227–259.

Получено 01.10.2014.

References

1. Andryuschenko A.V. [Posttraumatic high-stress disorder in conditions of an object of the extraordinary importance loss]. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya* [Psychiatry and psychopharmacotherapy]. 2000, vol. 2, no 4, pp. 104–109. (In Russian).
2. Bedina I.A. [Governing the deli very of medical and psychological services to women who experienced prolonged exposure to stress (the terrorist attack on the school in Beslan)]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal* [Russian journal of psychiatry]. 2008, no 3, pp. 59–64. (In Russian).
3. Bowlby J. *Sozdanie i razrushenie emotsional'nyh svyazej* [Creation and breaking of emotional bonds]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2006, 232 p. (In Russian).
4. Burina E.A. [Peculiarities of sudden loss experience]. *Anan'evskie chteniya-2008. Psihologiya krizisnyh i ekstremal'nyh situatsij: mezdistsiplinarnyj podhod: materialy nauchno-prakticheskoj konferentsii, 21–23 oktyabrya 2008 goda* [Readings from Anan'ev-2008. Psychology of crisis and extreme situations: cross-disciplinary approach: proceedings of research and training conference, 21–23 October, 2008]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2008, pp. 14–15 (In Russian).
5. Vasilyuk F.E. *Psihologiya perezhivaniya: analiz preodoleniya kriticheskih situatsij* [Psychology of experience: analysis of critical situations negotiation]. Moscow, Moscow Univertsity Publ., 1984, 200 p. (In Russian).
6. Volkan V., Zintl Z. *Zhizn' posle utraty: psihologiya gorevaniya* [Life after loss: psychology of grief]. Moscow, 2007, 160 p. (In Russian).
7. Gnezdilov A.V. *Psihologiya i psihoterapiya poter'. Posobie po palliativnoj meditsine dlya vrachej, psihologov i vseh interesuyuschihsya problemoj* [Textbook on palliative medicine for doctors, psychologists and all persons interested in the problem]. Saint Petersburg, Rech Publ., 2007, 162 p. (In Russian).
8. Dates B. *Zhizn' posle poteri* [Life after loss]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999, 304 p. (In Russian).
9. Zamanaeva Yu.V. *Utrata bizkogo cheloveka — ispytanie zhizn'yu* [The loss of a loved one — a life test]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2007, 272 p. (In Russian).

10. Lindemann E. [Clinical findings of a smart grief]. *Psihologiya emotsij. Teksty* [Psychology of emotions. Texts]. Moscow, Moscow Univertsity Publ., 1984, pp. 212–219. (In Russian).
11. Lucas K. *Molchalivoe gore* [Silent grief]. Moscow, Smysl Publ., 2001, 255 p. (In Russian).
12. Minigalieva M.R. [Psychological aid to goners and their relatives]. *Psihologiya zrelosti i stareniya* [Psychology of manhood and ageing]. 2002, no 2(18), pp. 130–156. (In Russian).
13. Moody R., Arcangel D. *Zhizn' posle utraty* [Life after loss]. Kiev, Sofiya Publ., Moscow, Gelios Publ., 2002, 287 p. (In Russian).
14. Onischenko N.V. [Psychological analysis of the main types of victims' response to the loss due to an emergency]. *Problemy ekstremal'noj ta krizovoj psihologii: zbornik naukovyh prats* [Problems of extreme and crisis psychology: collection of scientific papers]. Kharkiv, National University of Civil Protection Service of Ukraine Publ., 2014, vol. 15, pp. 175–183. (In Ukrainian).
15. Otradinskaya V.V. Sotsial'no-psihologicheskie osobennosti perezhivaniya i sovladaniya s situatsiej poteri rebenka v terroristicheskom akte: na primere materej Beslana: dis. … kand. psikhol. nauk [Social and psychological peculiarities of experience and coping with situation of child loss in a terrorist offence: by the example of Beslan mothers: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2011, 275 p. (In Russian).
16. Sidorova V.Yu. [Chetyre zadachi gorya]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza* [Journal of practical psychology and psychoanalysis]. 2001, no 1–2, pp. 18–22. (In Russian).
17. Smirnov A.V. [Aftermath of an experienced stress of people who had lost their loved ones]. *Aktual'nye voprosy klinicheskoj i sotsial'noj psihiatrii* [Topical questions of clinical and social psychiatry]. Saint Petersburg, SZPD Publ., 1999, pp. 161–169. (In Russian).
18. Parappully J., Rosenbaum R., Daele L, Nzewi E. Thriving after Trauma: The Experience of Parents of Murdered Children // Journal of Humanistic Psychology. 2002. P. 33–70.
19. Wolk S.L., Weissman M.M. Women and depression: an update // Reviev of Psychiatry. Washington D.C.: American Psychiatric Press,1995. Vol. 14. P. 227–259.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

FEATURES PSYCHO-EMOTIONAL STATE OF THE VICTIM, SUFFERED THE LOSS OF A CHILD DUE TO EMERGENCY

Natalia V. Onischenko

National University of Civil Defense of Ukraine; 94, Chernyshevskaya str, Kharkov, 61023, Ukraine

The article presents the results of the interim study of specific features of the response of victims to a particular type of loss due to an emergency. In particular, it presents data on the experiences of different categories of victim contingent death of his child; analyzes the main types of response to this type of loss; describes the specific reactions of men and women in response to the loss of children; study the question of response elderly loss of children and / or grandchildren as a result of an emergency man-made origin. The article raises questions that relate to the problems of organizing and providing emergency psychological assistance to the victims, survivors of this kind of loss.

Key words: emergency; the victim; emergency psychological assistance.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Онищенко Н.В. Особенности психоэмоционального состояния пострадавших, переживших потерю ребенка вследствие чрезвычайной ситуации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 64–70.

Please cite this article in English as:
Onischenko N.V. Features of psycho-emotional state of the victims, suffered the loss of a child due to emergency // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 64–70.

УДК 159.9:159.94

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ НА ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПОРТСМЕНОВ ПО ПУЛЕВОЙ СТРЕЛЬБЕ В СИТУАЦИИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шарипова Дария Сергеевна,
асспирант научно-исследовательской лаборатории
экстремальной и кризисной психологии
Черкасский институт пожарной безопасности им. Героев Чернобыля
Национального университета гражданской защиты Украины,
Украина, 18034, Черкассы, ул. Оноприенко, 8;
e-mail: ds-shooting@rambler.ru

В статье отражены проблемы, которые чаще всего вызывают психическое напряжение, эмоциональное возбуждение, стресс или предстартовое волнение у спортсменов по пулевой стрельбе. Определены основные детерминанты поведения спортсмена. Проведена классификация влияния эмоциональных переживаний на индивидуальное поведение спортсмена в соревновательной деятельности. Построено квазипространство эмоциональных переживаний спортсменов-стрелков сборной команды Украины. Использовался метод моделирования, который позволил ввести измерение уровня психоэмоционального напряжения спортсмена-стрелка. Дано описание эмоциональных переживаний спортсменов-стрелков, позволяющее упорядочить различные подходы к пониманию эмоций, возникающих в соревновательной деятельности. Установлены особенности соревновательного психического состояния и провоцирующие его эмоциональные переживания.
Ключевые слова: спортсмены-стрелки; эмоциональные переживания; соревновательная деятельность.

Анализируя деятельность спортсменов-стрелков, мы установили, что необходимым условием достижения высоких результатов в стрелковом спорте является наличие определенных психологических качеств — умение концентрировать внимание, сенсомоторная координация, точный анализ своих ощущений, быстрая корректировка действий и устойчивость всех этих процессов в стрессовых ситуациях [6]. Эмоциональные переживания спортсмена-стрелка во время соревнований могут оказывать различное влияние на его психическое состояние, вызывая психическое напряжение, эмоциональное возбуждение, стресс и предстартовое волнение. Определено, что частота эмоциональных проявлений у спортсменов-стрелков в различных условиях профессионально-спортивной деятельности зависит от их подготовки. Так, стенические эмоции повышают жизнедеятельность организма, способствуют наиболее успешной спортивной деятельности, в то время как астенические — снижают успешность спортивной деятельности спортсмена-стрелка, препятствуют ей [5]. Особенности соревновательной спортивной ситуации в основном обусловливают психическое состояние спортсмена и провоцируют возникновение у него определенных эмоциональных переживаний, которые влияют на его индивидуальное поведение в соревновательной деятельности [3].

Анализ научной литературы показал, что потенциальные ресурсы, которые позволяют адаптировать спортсменов-стрелков к соревновательной деятельности, в основном посвящены рассмотрению только функциональных возможностей организма [1]. Предметом изучения специалистов является совершенствование направлений психологической подготовки спортсменов [4]. Однако проблема поиска психологических ресурсов преодоления неблагоприятных факторов, препятствующих соревновательной надежности спортсмена, остается неисследованной. На сегодня есть лишь единичные научные работы, в которых указывается на возникновение психотравмирующего стресса как следствия физической травмы [1, 2, 7]. Однако мы не нашли современных научных работ, где бы анализировались и раскрывались возможности преодоления различных эмоциональных переживаний профессио-

© Шарипова Д.С., 2014

нальными спортсменами-стрелками во время соревновательной деятельности.

Цель нашего исследования — раскрыть влияние эмоциональных переживаний на индивидуальное поведение спортсменов по пулевой стрельбе в ситуации соревнований национального и международного уровня.

Было проведено исследование частоты встречаемости различных эмоциональных переживаний у спортсменов-стрелков при подготовке их к выступлениям на чемпионате Украины по пулевой стрельбе (первый блок профессионально-спортивных задач) и при подготовке к выступлениям на чемпионате Европы и/или мира по пулевой стрельбе (второй блок профессионально-спортивных задач).

Членам сборной команды Украины по пулевой стрельбе (164 спортсмена) на каждом из этапов исследования был предоставлен перечень эмоциональных состояний, которые им нужно было отметить при условии, что спортсмены испытывали их на момент проведения исследования. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Частота эмоциональных проявлений у спортсменов-стрелков в разных условиях профессионально-спортивной деятельности

Эмоциональное состояние	*I блок профессионально-спортивного задания, %*	*II блок профессионально-спортивного задания, %*	*φ*	*p*
Равновесие	24,12	–	4,09**	0,01
Боязнь	–	25,10	3,19**	0,01
Тревога	5,50	15,00	1,65	–
Напряженность	19,10	20,35	0,36	–
Раздраженность	–	–	–	–
Возбужденность	5,25	15,40	1,87	–
Равнодушие	10,10	–	1,96	–
Несобранность	–	–	–	–
Спокойствие	6,03	–	1,77	–
Сосредоточенность	19,80	24,15	1,89	–
Интерес	10,10	–	1,93	–

Приведенные в табл. 1 результаты позволяют констатировать общую тенденцию возникновения негативных, «тяжелых» эмоций у спортсменов-стрелков при осложнении профессионально-спортивной задачи.

Так, отмечается, что при первом замере эмоций (первый блок профессиональных задач) чаще у испытуемых фиксировались такие эмоциональные состояния, как равновесие (24,15 %) и сосредоточенность (19,80 %). При этом была отмечена и общая напряженность в группе (19,10 %).

При осложнении профессионально-спортивного задания (второй блок) радикальных изменений зафиксировано не было, лишь то, что равновесие было «заменено» эмоцией страха — его отметили более четверти всех опрошенных. Такие результаты привели к значимым различиям в результатах на уровне $p \leq 0,01$. На второй и третьей позициях так и остались сосредоточенность (24,15 %) и напряженность (20,35 %). На наш взгляд, именно особенности соревновательной спортивной ситуации в основном и обусловливают психическое состояние спортсмена и провоцируют возникновение у него определенных эмоциональных переживаний.

Не вызывает никакого сомнения, что каждый человек как биологический индивид и как социальное существо является системой, которая самоорганизуется. Согласно основным положениям этой теории любая система (в том числе и человек) постоянно стремится к состоянию равновесия, уравновешенности с окружающей средой. Для того чтобы достичь этого состояния в соревновательной деятельности, спортсмену необходимо знать:

– **что** делать;

– **как** это делать;

– **сколько (как долго)** это делать.

Выполнение этих трех условий позволит спортсмену с наименьшими психическими и физическими потерями успешно выступить на спор-

тивных соревнованиях (т.е. достичь состояния равновесия).

Таким образом, можно предположить, что основными детерминантами поведения спортсмена являются:

– способность определять, **что необходимо делать** для достижения равновесия со средой обитания (т.е. в условиях соревновательной деятельности). Перебирая варианты «необходимого», спортсмен определяет, что для него наиболее важно, значимо на данный момент — в определенной степени это отражает имеющуюся у него иерархию потребностей;

– способность спортсмена-стрелка выбирать варианты достижения намеченной цели, т.е. решать, **как это делать**. При этом рассматриваются поведенческие варианты «подчинять» или «подчиняться». Возможность удовлетворения потребностей имеет вербальное описание этой дихотомии «могу – не могу» и вызывает у человека уверенность или неуверенность в результативности своих действий;

– устанавливать момент, **когда «это» делать уже не надо**, т.е. определять степень удовлетворенности. Конечный результат может быть достигнут спортсменом в полном объеме, достигнут частично либо не достигнут совсем. Это вызывает у него или состояние удовлетворенности, или противоположное ему состояние неудовлетворенности.

Таким образом, мы можем выделить три взаимно независимые характеристики с дихотомической структурой, детерминирующие поведение спортсмена-стрелка в различных условиях соревновательной деятельности:

– значимость потребности;

– возможность удовлетворения потребности;

– удовлетворенность конечным результатом.

Такое распределение взаимно независимых характеристик позволило построить модель квазипространства детерминант поведения спортсмена в трехмерном пространстве, используя оси: «значимость», «возможность», «удовлетворенность» (рис. 1).

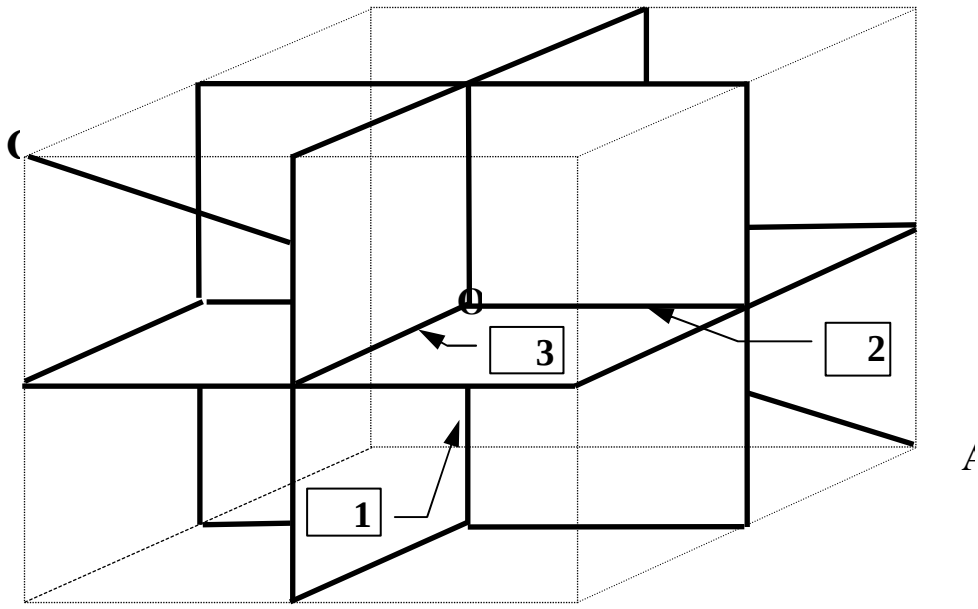


Рис. 1. Квазипространство эмоциональных переживаний спортсменов-членов сборной команды Украины по пулевой стрельбе:

1 — ось «значимости»; **2** — ось «возможности»; **3** — ось «удовлетворенности»; **AC** — графическое отображение общего уровня психоэмоционального напряжения; **C** — максимальный общий уровень положительного психоэмоционального напряжения.; **A** — максимальный уровень негативного психоэмоционального напряжения

Точка, определяющая максимальный уровень всех трех составляющих, определяет и максимальный уровень психоэмоционального напряжения спортсмена (рис. 1, C).

Соответственно, точка, определяющая минимальное значение всех составляющих, будет определять также максимальный уровень напряженности, но с противоположным знаком (рис. 1, A).

Очевидно, что диагональ, которая соединяет эти две отмеченные точки, будет графическим отображением уровней психоэмоциональной напряженности человека в определенный момент

времени. Данная диагональ, по сути, является **осью эмоциональных переживаний**.

Предложенный вариант представления эмоциональных переживаний спортсменов-стрелков (рис. 1) позволяет упорядочить различные подходы к пониманию эмоций, увидеть все многообразие связей между различными психическими функциями человека. Используя принципы анализа модельного построения, можно выделить **плоскость «нулевых» эмоций**. Эта плоскость проходит через 0 координат и перпендикулярна диагонали, т.е. оси эмоций (рис. 2, плоскость Б).

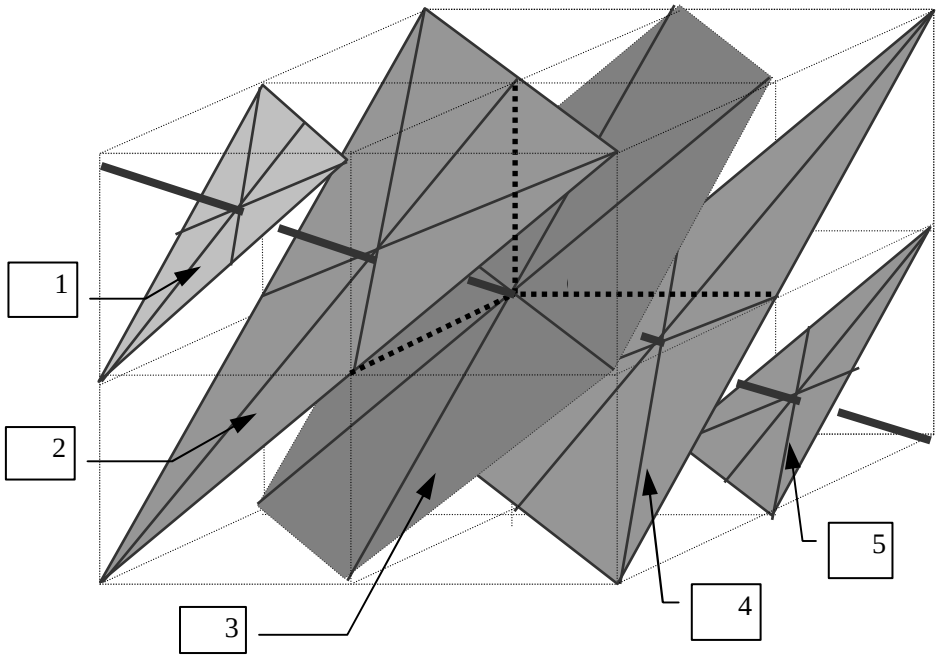


Рис. 2. Уровни эмоциональных состояний спортсменов — членов сборной команды Украины по пулевой стрельбе:

АС — ось эмоционального состояния; **О** — средняя характеристика для всех трех составляющих; **С** — максимальный общий уровень положительного психоэмоционального напряжения; **А** —максимальный уровень негативного психоэмоционального напряжения. Плоскость **3** проходит через **0** системы координат и обозначает все многообразие «нулевых» эмоциональных состояний. Функциональный оптимум наблюдается в пространстве от **О** в обе стороны до плоскостей **2** и **4** между **1** и **2**, **4** и **5** плоскостями, репрезентирующими стрессорные состояния. Между плоскостью **1** и **С,** плоскостью **5** и **А** — аффективные состояния

Отмеченная плоскость отражает спокойное (хладнокровное), эмоционально-нейтральное состояние спортсмена, в котором возможны наиболее осознанные формы его поведения, он может спокойно «перебирать» все известные ему варианты спортивной борьбы.

Любая точка в данной плоскости имеет свое вербальное описание. Необходимо отметить, что пребывание в плоскости эмоционально-нейтрального положения не означает отсутствия чувств.

По мере увеличения напряжения уменьшается способность выделения незначимых в данный момент факторов. Происходит мобилизация психических функций для реагирования на возникшие более значимые раздражители. В этот момент спортсменом-стрелком учитываются только значимые внешние раздражители и только они определяют принятое решение.

Дальнейшее нарастание психоэмоционального напряжения приводит к тому, что соревновательная деятельность спортсмена перейдет в отрасль однозначно определенных действий, приближаясь к безусловно-рефлекторной деятельности.

Конкретное социальное наполнение эмоционального состояния в любой момент времени имеет свое вербальное описание и определяется как чувство.

Анализ модели поведения человека позволяет выделить три особых зоны квазипространства психоэмоционального напряжения (рис. 2).

Частота пребывания спортсмена на различных уровнях психоэмоционального напряжения подчиняется «нормальному» закону распределения, т.е. наибольшее время спортсмен-стрелок будет находиться в зоне 1-сигмального отклонения от нулевого значения. Участок, включающий 1-сигмальное отклонение в сторону положительных

и отрицательных значений, и является **участком нормального психоэмоционального состояния спортсмена**.

Расположение плоскостей не является произвольным, а подчинено требованиям графических построений. Все плоскости перпендикулярны диагонали АС и разделяют «ось эмоций» на 6 равных частей, по 3 в каждую сторону.

Точки А и С являются графическим отображением срыва произвольно-регуляторных процессов, возникших в результате крайнего психоэмоционального напряжения. Как показывает модельное построение, такие психические состояния спортсмена являются чрезвычайно редкими.

Подводя итог, отметим:

– в зоне 1-сигмального отклонения от нулевого значения ригидность чаще принимает участие в виде ***отдельных психических реакций***;

– в зоне 2-сигмального отклонения от нулевого значения ригидность чаще принимает участие в виде ***психических состояний***;

– в зоне 3-сигмального отклонения от нулевого значения ригидность чаще принимает участие в виде ***сформированных характерологических особенностей*** спортсменов-стрелков.

Дальнейшее исследование этой модели даст возможность определить характерные формы поведения спортсменов в соответствии с указанием количественных и качественных показателей форм стереотипного поведения, которые встречаются чаще всего. Но уже сейчас мы можем утверждать, что *психоэмоциональное напряжение, возникающее в ответ на стресс-воздействия и субъективно переживаемое спортсменом-стрелком как отрицательное психоэмоциональное состояние, может принципиально менять характер его поведения в условиях соревновательной деятельности.*

В табл. 2 представлен подход к классификации влияния эмоциональных переживаний на индивидуальное поведение спортсменов-стрелков в условиях соревновательной деятельности. Можно сказать, что снижение фиксированных форм поведения спортсмена-стрелка в соревновательной деятельности возможно за счет способности спортсмена осознавать и принимать ответственность за совершаемые им действия и поступки; достаточной степени уверенности спортсмена в себе; пониженного уровня тревожности у спортсмена в различных условиях соревновательной деятельности; развитости у него саморегуляции психоэмоциональных проявлений, мыслей и поступков.

Выводы. Установлено, что особенности соревновательной спортивной ситуации в основном обусловливают психическое состояние спортсмена и провоцируют возникновение у него определенных эмоциональных переживаний. Нередко неудачное выступление на прошлых соревнованиях влияет на успешность и психическое состояние спортсмена-стрелка в будущем. Происходит это вследствие того, что неудачное выступление на соревнованиях может оставить след в памяти, в будущем любые соревнования могут ассоциироваться с неудачей.

Состояние волнения, беспокойства и тревоги на соревнованиях начнет в таких ситуациях «запускаться» автоматически. А это в свою очередь будет способствовать возникновению у спортсмена-стрелка фиксированных форм поведения.

Использование метода моделирования позволило измерять уровень психоэмоционального напряжения спортсмена-стрелка, а также доказать:

– ригидность как состояние (как реакция) у спортсменов-стрелков будет сочетаться с ригидностью как чертой характера и определять эмоциональную реакцию на ситуации соревновательной деятельности, требующие изменений;

– при нормальном состоянии психоэмоциональной напряженности у спортсмена-стрелка может проявляться лишь одна составляющая психической ригидности — установочная ригидность, которая отражает личностный уровень проявления психической ригидности, отраженный в позиции, отношении или установке на принятие/непринятие нового, необходимости изменений самого себя — самооценки, уровня притязаний, системы ценностей, привычек и др.;

– при стрессовом состоянии спортсмена-стрелка могут проявляться две составляющие психической ригидности — сенситивная ригидность (отражает эмоциональную реакцию спортсмена-стрелка на новое, на ситуации, требующие изменений) и ригидность как состояние (свидетельствует о том, что в состоянии стресса спортсмен-стрелок скорее склонен к ригидной (фиксированной) форме поведения);

– если спортсмен-стрелок находится в состоянии аффекта и его действия практически неосознанные, могут проявляться четыре составляющие психической ригидности: симптомокомплекс ригидности (склонность спортсмена-стрелка к широкому спектру фиксированных форм поведения), актуальная ригидность (несостоятельность спортсмена-стрелка при объективной необходимости изменить собственное мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и др.), сенситивная ригидность и установочная ригидность.

Перспективы дальнейших исследований по данному направлению — определение локуса контроля личности стрелка-спортсмена в аспекте связи субъективного контроля с профессиональным стажем и возможностью развития у него фиксированных форм поведения.

Таблица 2. Классификация влияния эмоциональных волнений(переживаний) на индивидуальное поведение спортсмена в ситуации соревновательной деятельности

Тип	*Основная характеристика*	*Под-группа*	*Индивидуальные особенности поведения*
I	Полноценный спектр эмоциональной активности. Активно-адекватная форма поведения. Быстрая ориентация в стрессовой ситуации. Высокий групповой статус. Тенденция к доминирующему поведению	**1**	Эмоциональная уравновешенность, склонность к положительным эмоциям, умеренная инициативность и замедленность поведенческих ответов, избежание конфликтных взаимодействий, неконфликтность
		2	Склонность к агрессивности при общей эмоциональной уравновешенности. Лидирует в силу высокой инициативности, адекватности. Малая конфликтность
		3	Эмоциональная лабильность со склонностью к быстрой смене эмоций и смешанных эмоций (ярость с элементами страха), инициативность, конфликтность. Лидерство зависит от состава группы
II	Повышенный уровень тревожности. Склонность к страху, сужение эмоционального спектра. Склонность к пассивным формам поведения. Низкий групповой статус	**1**	Тревожность поведения. Склонность к страху (тоническая форма потери инициативности). Затруднение ориентации на фоне чрезмерного психоэмоционального напряжения. Вражеская неконтактность. Отсутствие доминирующего поведения
		2	Ярко выраженная склонность к страху тонического характера при пассивной форме поведения. Полная редукция позитивных эмоций. Практическое отсутствие ориентации в условиях воздействия стресс-факторов повышенной интенсивности. Пассивная неконтактность
III	Склонность к агрессивности и враждебности. Частичная редукция позитивных эмоций. Враждебно-конфликтная, аффективная форма поведения. Аффективная активация поведения в стрессовой ситуации. Доминирование в любой по составу группе	**1**	Выраженная склонность к ярости, аффективной неуравновешенности. Инициативность снижена. Ориентация в условиях воздействия стресс-факторов повышенной интенсивности происходит на фоне аффективного эмоционального возбуждения. Вражеская конфликтность. Лидерство в группе
		2	Ярость, агрессивность, страх и положительные эмоции не проявляются. Умеренная инициативность. Конфликтность и лидерство в силу агрессивности

Список литературы

1. *Грицаенко М.В.* Оптимизация соревновательной эмоциональной устойчивости юных спортсменов: на примере стрелкового спорта: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2002. 18 с.
2. *Завирохин Д.С.* Психологические аспекты пулевой стрельбы // Проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров: опыт и перспективы. Челябинск: УралГУФК, 2009. Вып. 9. С. 90–92.
3. *Загайнов Р.М.* Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления: монография. М.: Сов. спорт, 2010. 232 с.
4. *Психология* спорта: монография / А.Н. Веракса, С.А. Исачев, С.В. Леонов и др.; под. ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Тоневицкого. М.: МГУ, 2011. 424 с.
5. *Сопов В.Ф.* Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. М. : Трикста, 2010. 116 с.
6. *Шарipова Д.С.* Теоретико-методологічні підходи до психологічного вивчення змагальної діяльності спортсменів-стрільців // Проблеми екстремальної та кризової психології: зб. наук. праць. Харків: НУЦЗУ, 2014. Вип. 15. С. 273–281.
7. *Lee K.*, Benner T. Total archery. Inside the archer. Astra LCC; Chula Vista, 2009. 264 p.

Получено 01.10.2014.

References

1. Gritsaenko M.V. *Optimizatsiya sorevnovatel'noj emotsional'noj ustojchivosti yunyh sportsmenov: na*

primere strelkovogo sporta: Avtoref. dis. … kand. psikhol. nauk [Optimization of competitive emotional stability of young sportsmen: through the example of shooting sport: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2002, 18 p. (In Russian).
2. Zavirohin D.S. [Psychologicl aspects of shooting sports]. *Problemy podgotovki nauchnyh i nauchno-pedagogicheskih kadrov: opyt i perspektivy* [Problems of academic and pedagogic staff training: experience and prospects]. Chelyabinsk, Ural State University of PE Publ., 2009, vol. 9. pp. 90–92. (In Russian).
3. Zagajnov R.M. *Krizisnye situatsii v sporte i psihologiya ih preodoleniya* [Crisis situations in sport and psychology of their negotiation]. Moscow, Sovetskij sport Publ., 2010, 232 p. (In Russian).
4. *Psihologiya sporta* [Psychology of sport]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011, 424 p. (In Russian).
5. Sopov V.F. *Teoriya i metodika psihicheskoj podgotovki v sovremennom sporte* [Theory and methods of psychological training in sport]. Moscow, Triksta Publ., 2010, 116 p. (In Russian).
6. Sharipova D.S. [Theoretical and methodological approaches to psychologic study of athletes-shooters' competitive activity]. *Problemy ekstremal'noj ta krizovoj psihologii: zbornik naukovyh prats* [Problems of extreme and crisis psychology: collection of scientific papers]. Kharkiv, National University of Civil Protection Service of Ukraine Publ., 2014, vol. 15, pp. 273–281. (In Ukrainian).
7. Lee K., Benner T. Total archery. Inside the archer. Astra LCC; Chula Vista, 2009. 264 p.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

INFLUENCE OF EMOTIONAL DISTRESS ON ATHLETES IN SHOOTING'S INDIVIDUAL BEHAVIOR IN THE SITUATION OF COMPETITIVE ACTIVITY

Dariya S. Sharipova

Cherkassy Institute of Fire Safety named by Heroes of Chernobyl,
National University of Civil Protection Service of Ukraine;
8, Onopriyenko str., Cherkassy, 18034, Ukraine

The article describes the problems that most often cause mental stress, emotional excitement, stress, or the excitement of athletes in shooting. The main determinants of the behavior of the athlete are determined. The classification of the impact of emotional distress on the individual behavior of the athlete in a situation of competitive activity is given. Quasi-area of emotional experiences of athletes of arrow team of Ukraine is built. Method, which was used for modeling, allows us to introduce measurement of shooter's mental and emotional stress. A representation of shooters' emotional experiences is suggested, it allows to organize a variety of approaches to understanding the emotions that arise in a competitive activity. The features of competitive mental condition and provoking it some emotional distress are represented.

Key words: athletes; arrows; emotional distress; competitive activity.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Шарипова Д.С. Влияние эмоциональных переживаний на индивидуальное поведение спортсменов по пулевой стрельбе в ситуации соревновательной деятельности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 71–77.

Please cite this article in English as:
Sharipova D.S. Influence of emotional distress on athletes in shooting's individual behavior in the situation of competitive activity // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 71–77.

УДК 159.964.2, 159.9.075

ФРАНЦУЗСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОБРАЗ ПСИХОАНАЛИЗА

Смирнова Ирина Викторовна,
старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Пермский институт ФСИН России,
614012, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: ira89082510064@yandex.ru

В статье описывается репликация исследования С. Московичи «Психоанализ: его образ и его публика» на российских группах (студенты, группа «интеллигенция», группа «социальное дно»). В результате реконструкции выделено общее и частное в представлениях о психоанализе французских и российских групп. Как и во французском исследовании, российские студенты продемонстрировали уровень знаний о психоанализе выше, чем в других группах. Во всех сравниваемых группах преобладает общая позитивная ориентация в отношении психоанализа. В структуре представлений россиян и французов совпадения большей частью касаются информированности о психоанализе. Максимальная доля различий в представлениях о психоанализе (образ аналитика и его отношение к клиенту, процедура анализа) обусловлена спецификой обыденной жизни россиян и французов.
Ключевые слова: социальные представления; психоанализ; репликация; аттитюд.

Психоанализ в России активно развивается на протяжении 25 последних лет, однако специфика его представленности в индивидуальном сознании пока практически не исследована. Начало изучения общественного имиджа психоанализа было положено С. Московичи в его работе «Психоанализ: его образ и его публика», которая относится также к периоду активного в течение 30 лет развития психоанализа во Франции.

С точки зрения Московичи, человек получает основные знания о других областях практики из общения, а также из СМИ в зависимости от своих потребностей и интересов, заполняя пробелы в знаниях повседневным опытом. При этом автор выдвигает гипотезу, что каждое представление имеет измерения: аттитюд (т.е. эмоциональное отношение), собственно информацию (как сумму знаний об объекте), поле представления. Аттитюд — это эмоциональное отношение к объекту представления. В своем исследовании С. Московичи описывает представления, на основании которых выявляет глобальную ориентацию относительно объекта социального представления [6, с. 23–25]. Информацию он рассматривает как сумму знаний об объекте. Поле представления обозначает как иерархическую организацию элементов представления. Согласно последующим разработкам Ж.-К. Абрика, структура «иерархизированного единства элементов» представления состоит из «ядра» и «периферии» (ядерно-периферическая структура) [1, с. 106]. Ядро или центральное представление является наиболее стабильным и устойчивым элементом, оно организует представление и придает ему смысл (посредством центрального ядра создается или трансформируется значение других элементов представления). Ядро одинаково у представителей одной группы и связано с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами. Ядро отражает консенсус внутри группы, играет нормативную роль. Изменение элементов в структуре ядра ведет к изменению самого представления [7]. Периферическая система позволяет конкретизировать значение ядра представления, защищает представления от трансформации, а также поддерживает его связь с реальностью. Периферической системе свойственна гибкость, вариативность и изменчивость, она опирается на индивидуальный опыт и индивидуальную память [5].

Реконструкция классических исследований в современном научном поиске дает возможность проследить особенности развития различных психологических характеристик в зависимости от изменений исторической ситуации [8]. Социальная среда изменяется, а это значит, что классическое исследование, не утратив методологической актуальности, устаревает с точки зрения полученных данных. Репликация — это «второй экс-

© Смирнова И.В., 2014

перимент, который воспроизводит или реплицирует более ранние исследования; каждая из частей эксперимента, которая содержит все основные параметрические изменения, представляющие интерес» [2]. В российской психологии чаще используется термин не «репликация», а «повторение». В издании «Reconstructing the mind: Replicability in research on human development» был проведен анализ метода репликационных исследований. Авторы выделяют два вида репликации. Первый — это строгие, так называемые дублированные репликации («strict, precise, (virtually) exact, or carbon-copy replications»). Это «полные» репликации, где одно или несколько экспериментальных условий могут быть изменены лишь с большой осторожностью. Второй вид — концептуальные, неточные, нестрогие репликации (conceptual, imprecise, or inexact replications) [9, с. 1–4], целью которых является пересмотр исходных результатов проведенных ранее исследований. Наше исследование тяготеет ко второму виду репликаций (так как в исходное исследование в связи с возникшими трудностями были внесены некоторые изменения).

Новизна применения метода репликационных исследований заключается в том, что, в отличие от традиционного использования метода с целью выявления различий, обусловленных изменениями исторического контекста, в нашем исследовании репликация позволяет выявить общие ядерные элементы представлений о психоанализе, которые не изменяются под влиянием национальных и временных факторов. Репликация исследования С. Московичи позволит выявить специфические представления россиян о психоанализе (изменчивую периферию представлений о психоанализе).

Цель настоящего исследования — сравнение эмпирических данных, полученных С. Московичи, с данными, полученными на современной российской выборке для выявления общего (ядро представления) и особенного (периферическая система представления) в обыденных представлениях о психоанализе у россиян.

Исследование состояло из трех этапов. На первом был восстановлен методологический инструментарий С. Московичи. Второй этап состоял в использовании реконструированного методологического инструментария в нашем исследовании. Интервью с записью на диктофон было проведено на выборке из 62 человека [3]. Третий этап включал качественную и количественную обработку первичных данных и анализ полученных результатов. При обработке результатов были использованы методы математической статистики (критерий Фишера) для выявления отсутствия или наличия значимых различий между выборками.

Общий объем российской выборки составил 920 человек, в том числе 520 студентов вузов, 200 представителей интеллигенции и 200 человек из группы с низким материальным и культурным уровнем в соответствии с градацией Ю.Э. Ширкова [4].

В приложении (табл. 1, 2, 3) представлены вопросы, которые были сформулированы С. Московичи, и распределение ответов во французской и российской выборке. Результаты анализировались в определенной последовательности. Сначала сопоставлялись данные, полученные по французским и по российским студентам. Далее сравнивались результаты, полученные по группам «российские студенты» и «интеллигенция». Затем сопоставлялись данные по группам «российские студенты» и «социальное дно». Далее соотносились данные, полученные по группам «интеллигенция» и «социальное дно».

При сравнении были получены следующие результаты.

1. Измерение «Информация»

В группе российских студентов выявлен более высокий уровень знаний о психоанализе по сравнению с французскими студентами при уровне значимости различий $p \leq 0{,}091$, по сравнению с группой российской «интеллигенция» ($p \leq 0{,}066$) и по сравнению с российской группой с низким материальным и культурным уровнем ($p \leq 0{,}001$). В группе российских студентов, как и в исследовании С. Московичи, информированность о психоанализе была выше, чем в других социальных группах.

Российские студенты в 58 % случаев могут ответить на вопрос: «Что такое психоанализ?»; в 43 % случаев правильно отвечают на вопрос: «Кто основал психоанализ?»; в 42 % случаев отвечают утвердительно на вопрос: «Вы интересуетесь психоанализом?»; в 34 % случаев знают, что психоаналитическое лечение продолжается более года; в 15 % случаев могут выбрать правильный ответ на вопрос: «В каких случаях используется психоанализ?»; в 12 % случаев российские студенты ответили правильно на вопрос: «Когда появился психоанализ?»

Наименее информированы российские студенты о времени появления психоанализа по сравнению с ответами на другие вопросы. Для французских студентов самым сложным вопросом был

также вопрос о продолжительности лечения [6, с. 23–25].

Группа «интеллигенция», как и группа «российские студенты», более информирована о том, что такое психоанализ, кто его основал, но по сравнению с российскими студентами в большей степени им интересуются. Наименее информирована группа «интеллигенция» о времени появления психоанализа по сравнению с ответами на другие вопросы.

Группа «социальное дно» по сравнению с ответами на другие вопросы наиболее информирована о том, что такое психоанализ, а также о продолжительности психоаналитического лечения. Группа «социальное дно» проявляет более выраженный интерес к психоанализу по сравнению с российскими студентами. Наименее информирована группа «социальное дно» об основателе психоанализа и о времени появления психоанализа.

Знание психоаналитических терминов

Французские респонденты в 60-х гг., отвечая на вопрос: «Какие психоаналитические термины Вы знаете?», называли: комплекс, вытеснение, бессознательное и либидо, которые составили схему их представлений о психоанализе (таблица).

Знание психоаналитических терминов

Популяция	Частота появления			
	1	2	3	4
Французские студенты	Комплекс	Вытеснение	Бессознательное	Либидо
Российские студенты	Личность/ Психика	Я (эго)	Бессознательное	Супер-эго

Как видим, в отличие от французской схемы представления, российская включает: психику/личность, Я (Эго), бессознательное и Супер-эго, т.е. — основные элементы структурно-динамической модели психики Фрейда.

2. Измерение «Аттитюд»

У российских студентов в 53 % случаев выявлен благоприятный аттитюд по отношению к психоанализу, в 25 % — нейтральный аттитюд, в 22 % — неблагоприятный аттитюд. У российских студентов в сравнении с французскими выявлен более низкий уровень благоприятного аттитюда ($p \leq 0{,}001$), более высокий уровень нейтрального аттитюда ($p \leq 0{,}000$) и более низкий уровень неблагоприятного аттитюда ($p \leq 0{,}001$). У российских студентов нет значимых различий в сравнении с группой «интеллигенция» в глобальной ориентации относительно психоанализа. В группах «российские студенты» и «интеллигенция» выявлен более высокий уровень неблагоприятного аттитюда по сравнению с группой «социальное дно» ($p \leq 0{,}089$).

Как показали исследования, у российских студентов сильней выражена общая позитивная установка к психоанализу, она менее амбивалентна, чем у французских студентов, значимо совпадает с общей установкой к психоанализу с группой «интеллигенция» и более отличается от установок группы с низким материальным и культурным уровнем.

У российских студентов маркеры положительного аттитюда, по С. Московичи, максимально были найдены в ответах на вопросы: «Как Вы считаете, психоанализ может изменить чью-либо личность? Если да, то в какую сторону?» (72,69 %), «Вы направили бы своих детей на психоанализ?» (69,42 %). Маркеры отрицательного аттитюда максимально были найдены в ответах на вопросы: «Можно ли использовать психоанализ в профориентации?» (30,77 %); «Как Вы считаете, в каких случаях используется психоанализ?» (29,62 %). Вопросы, к которым отсутствовали маркеры положительного и отрицательного аттитюда, касались типа личности клиента, обращающего к психоанализу (62,3 %), и лиц, наиболее часто обращающихся к психоанализу, которых можно отнести к определенной социальной категории (58,8 %).

В группе «интеллигенция» маркеры положительного аттитюда по С. Московичи максимально были найдены в ответах на вопросы: «Вы направили бы своих детей на психоанализ?» (81 %); «Как Вы считаете, психоанализ может изменить чью-либо личность? Если да, то как (в какую сторону)?» (80,5 %). Маркеры отрицательного аттитюда максимально были найдены в ответах на вопросы: «Как Вы считаете, в каких случаях используется психоанализ?» (34,5 %); «Вы обратились бы к психоанализу, если бы у Вас были трудности?» (24,5 %). Наибольшее количество ответов, в которых аттитюд был неопределенный,

касалось вопросов: «Какой тип личности нужно иметь, чтобы обратиться к психоанализу?» (67,5 %); «К какой категории, как Вы считаете, можно отнести людей, наиболее часто обращающихся к психоанализу (социальные параметры, слои общества)» (56,5 %).

В группе «социальное дно» маркеры положительного аттитюда по С. Московичи максимально были найдены в ответах на вопросы: «Как Вы считаете, психоанализ может изменить чью-либо личность? Если да, то как (в какую сторону)?» (77 %); «Как Вы считаете, в каких случаях используется психоанализ?» (67,5 %); «Вы направили бы своих детей на психоанализ?» (67,5 %). Маркеры отрицательного аттитюда максимально были найдены в ответах на вопросы: «Как Вы считаете, в каких случаях используется психоанализ?» (23,5 %); «Можно ли использовать психоанализ в профориентации?» (20 %). Наибольшее количество ответов, в которых аттитюд был неопределенный, касалось вопросов: «Какой тип личности нужно иметь, чтобы обратиться к психоанализу?» (73 %); «Как Вы считаете, к какой категории можно отнести людей, наиболее часто обращающихся к психоанализу (социальные параметры, слои общества)?» (56,5 %).

В нашем исследовании, как и у С. Московичи, наиболее позитивная установка в отношении психоанализа выявлена в группе наименее социально благополучной. Выявленные результаты подтверждают вывод Московичи о том, что установка не зависит от наличия информации [6, с. 41].

Причины распространения психоанализа

С. Московичи выделяет «хорошие» и «плохие» (американское влияние и мода) причины для распространения психоанализа в обществе в зависимости от направленности установки в группе. Научная ценность психоанализа не явилась основной причиной его распространения (мода и потребности были обозначены как ведущие), по мнению французских респондентов. Российские респонденты также не называют основной причиной распространения психоанализа его научную ценность, называют в качестве основных распространение психоанализа, социальные и индивидуальные потребности (33–42 %).

Российские студенты на вопрос: «Каковы причины распространения психоанализа?» чаще других называют индивидуальные потребности (42 %), затем социальные потребности (30 %), научную ценность психоанализа (9 %), моду и рекламу (8 %), эффект от войны (6 %), влияние США (4 %) и довольно редко ссылаются на неосведомленность «не знаю» (1 %).

У российских и французских студентов не выявлено различий по частоте встречаемости ответов «научная ценность» и «не знаю». Но российские студенты значимо чаще называли «индивидуальные потребности» ($p \leq 0{,}001$), «социальные потребности» ($p \leq 0{,}011$) и намного реже «эффект от войны» ($p \leq 0{,}001$), «влияние США» ($p \leq 0{,}001$), «моду, рекламу» ($p \leq 0{,}001$).

Российские студенты и группа «интеллигенция» одинаково редко причинами распространения психоанализа называли «эффект от войны», «влияние США», «моду, рекламу», «научную ценность». Российские студенты по сравнению с группой «интеллигенция» чаще называли «индивидуальные потребности» ($p \leq 0{,}014$) и намного реже «социальные потребности» ($p \leq 0{,}075$), «не знаю» ($p \leq 0{,}017$).

У российских студентов и у группы «социальное дно» значимых различий среди ответов на вопросы об «индивидуальных потребностях» и «социальных потребностях» не обнаружено. Российские студенты значимо чаще называли «влияние США» ($p \leq 0{,}046$), «моду, рекламу» ($p \leq 0{,}074$), «научную ценность» ($p \leq 0{,}029$), и реже «эффект от войны» ($p \leq 0{,}056$), «не знаю» ($p \leq 0{,}001$).

В группах «интеллигенция», «социальное дно» чаще всего причинами распространения психоанализа считали «социальные потребности», «эффект от войны», «влияние США» и «не знаю». Группа «интеллигенция» наиболее часто называла «моду, рекламу» ($p \leq 0{,}078$), «научную ценность» ($p \leq 0{,}034$) и значимо реже «индивидуальные потребности» ($p \leq 0{,}030$).

Время — деньги

Психоанализ развивается уже длительное время. Требования прогресса вынуждают людей жить во все более быстром темпе. Согласно С. Московичи [6, с. 84], в психоанализе инвертировано отношение денег и времени, установленное обществом: к нему обращаются те, у кого есть деньги и время. Респонденты считают, что к психоанализу чаще обращаются люди состоятельные, так как у них есть деньги; люди творческих профессий, так как у них есть время, деньги и достаточный уровень образованности; интеллектуалы в силу высокого уровня образования, культуры, наличия свободного времени и определенного достатка. Респонденты, не симпатизирующие психоанализу, склонны считать, что к психоанализу чаще обращаются состоятельные люди. Респонденты, бла-

госклонно относящиеся к психоанализу, полагают, что чаще к нему обращаются интеллектуалы.

В представлениях французских студентов к психоанализу чаще обращаются богатые ($p \leq 0{,}001$). В отличие от них россияне считают, что к психоанализу чаще обращаются творческие люди ($p \leq 0{,}001$). Интеллектуалов с одинаковой частотой называют практически во всех группах, однако, по сравнению с данными С. Московичи, у россиян прослеживается более положительный аттитюд по отношению к психоанализу.

Французские студенты чаще выделяли категорию «богатые» (52 %), к которой, по их мнению, принадлежат люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу.

Российские респонденты считали основной категорией лиц, обращающихся к психоанализу «творческих людей (артистов, художников)» (33–31 %).

И французские, и российские студенты одинаково редко называли категорию «интеллектуалы». Российские студенты, по сравнению с французскими, значимо чаще выделяли: «творческие люди» ($p \leq 0{,}001$), «рабочие» ($p \leq 0{,}001$), «нет ответа» ($p \leq 0{,}001$); значимо реже: «богатые» ($p \leq 0{,}001$), «буржуазия (деловые люди)» ($p \leq 0{,}064$).

Среди ответов в группе «российские студенты» и группы «интеллигенция» одинаково часто встречались ответы «богатые», «творческие люди», «буржуазия (деловые люди)». Российские студенты значимо чаще называли категорию «рабочие» ($p \leq 0{,}002$) и реже «интеллектуалы» ($p \leq 0{,}061$).

У российских студентов в группе «социальное дно» не выявлено различий по частоте встречаемости ответов «богатые», «творческие люди (артисты, художники)», «интеллектуалы», «рабочие». Российские студенты по сравнению с группой «социальное дно» значимо чаще называли «буржуазия (деловые люди)» ($p \leq 0{,}010$) и реже «нет ответа» ($p \leq 0{,}071$).

Отношение аналитика к своим пациентам: отцовская или материнская фигура

Психоаналитик — это определенная социальная роль. Образ психоаналитика связан с самим субъектом анализа. Во французской выборке респонденты-мужчины придавали большее значение полу. С. Московичи объясняет этот факт атмосферой «сексуальности», которой окружен психоанализ. В целом отмечается предпочтение респондентами — женщинами и мужчинами — аналитика мужского пола. Как отмечает С. Московичи, когда респонденты ориентированы на интеллектуальные отношения в терапии, для них пол аналитика становится неактуальным.

В российской выборке отмечается предпочтение респондентами аналитика женского пола ($p \leq 0{,}001$). Можно предполагать, что российские респонденты ориентированы в терапии на эмоциональные отношения, а не на интеллектуальные. Образ помогающей мужской фигуры не типичен для россиян. То есть преобладают поиск материнской фигуры в анализе, нежели отцовской, а также ожидание эмоциональных отношений в терапии.

Психоанализ: помощь или вред

Когда социальное представление становится объяснительной системой, оно включается в коммуникацию группы. С. Московичи, чтобы обнаружить установку к психоанализу, задавал вопрос: «Психоанализ влияет на личность?». В группе французских студентов наиболее распространенным был ответ: «Нет, психоанализ не влияет на личность» (34 %). Российские респонденты на тот же вопрос чаще давали ответ: «Да, психоанализ влияет на личность в лучшую сторону» (48–52 %).

Анализ ответов во французской выборке показал, что большинство респондентов настроено положительно. Когда С. Московичи спрашивал респондентов о степени глубины преобразования индивидуальности под влиянием психоанализа, то чаще получал ответ, что влияние психоанализа на личность глубоко. Студенты чаще давали ответ, что влияние психоанализа глубокое. Уровень образования, социально-экономический статус и степень знания психоанализа делит опрашиваемых на две подгруппы. Первая подгруппа расценивает аналитическое вмешательство как то, что помогает преобразовать личность. Вторая подгруппа расценивает аналитическое вмешательство как то, что глубоко изменяет личность. В первую подгруппу вошли люди более образованные и обеспеченные, с высоким уровнем знания о психоанализе. Во вторую подгруппу вошли люди, которые рано покинули школу, находятся на более низком уровне в социально-экономической иерархии и чей уровень знаний о психоанализе достаточно ограничен.

Эти результаты можно интерпретировать двояко. Первая интерпретация: люди, которые осведомлены о принципе работы, более информированы и об ее эффективности. Вторая интерпретация: первая подгруппа более удовлетворена своей жизнью, и потребность в изменениях у них меньше; вторая подгруппа — это та социальная

категория, которая живет в зависимости и ненадежности и испытывает большую потребность в изменениях, поэтому считает, что личность подвергается глубоким изменениям. Ответы респондентов подтвердили вторую интерпретацию.

И российские, и французские студенты одинаково часто давали ответ: «Да, психоанализ влияет на личность в худшую сторону», «Нет мнения». Российские студенты по сравнению с французскими студентами значимо чаще давали ответ: «Да, психоанализ влияет на личность» ($p \leq 0{,}001$), «Да, психоанализ влияет на личность в лучшую сторону» ($p \leq 0{,}001$), «Нет мнения» ($p \leq 0{,}074$) и значимо реже отвечали: «Нет, психоанализ не влияет на личность» ($p \leq 0{,}001$).

И российские студенты, и в группе «интеллигенция», и в группе «социальное дно» одинаково часто называли ответы: «Да, психоанализ влияет на личность», «Да, психоанализ влияет на личность в лучшую сторону». В группе «интеллигенция» и в группе «социальное дно» в сравнении с российскими студентами значимо чаще давали ответ: «Нет, психоанализ не влияет на личность» ($p \leq 0{,}001$) и значимо реже ответ: «Да, психоанализ влияет на личность в худшую сторону».

И в группе «российские студенты», и в группе «интеллигенция» одинаково часто ответили на вопрос «да» и «да, психоанализ влияет в лучшую сторону». Российские студенты значимо чаще отвечали: «Да, в худшую сторону» ($p \leq 0{,}001$); «Не знаю» ($p \leq 0{,}084$) и значимо реже: «Нет, психоанализ не влияет на личность» ($p \leq 0{,}001$).

«Российские студенты» и «социальное дно» с одинаковой частотой выделили ответы «да» и «да, в лучшую сторону». У российские студентов по сравнению с группой «социальное дно» наиболее частыми были ответы: «Да, в худшую сторону» ($p \leq 0{,}001$), «Не знаю» ($p \leq 0{,}048$); реже: «нет» ($p \leq 0{,}001$).

3. Влияние обыденного опыта на имидж психоанализа

Психоаналитическая терапия: о чем говорит клиент во время анализа

Психоанализ в повседневной жизни имеет множество проявлений. С. Московичи, спрашивал респондентов, о чем должен говорить пациент во время аналитической терапии. Он предполагал, что ответ на вопрос «о том, что приходит в голову», наиболее близкий к правилу свободных ассоциаций, будет назван в группе студентов. Однако такой ответ не был назван как ведущий ни в одной из групп. Французские студенты, вопреки ожиданиям исследователя, чаще других отвечали: «отвечает на вопросы». Российские респонденты, отвечая на вопрос, о чем говорит пациент во время анализа, в основном давали ответ «обо всем» (50–58 %). Причем французские студенты чаще отвечали, что пациент во время анализа «отвечает на вопросы» (38 %) .

Российские студенты и группа «интеллигенция» одинаково часто отвечали: «о сновидениях», «об ответах на вопросы», «о воспоминаниях детства». Российские студенты по сравнению с группой «интеллигенция» значимо чаще отвечали «о том, что приходит в голову» ($p \leq 0{,}0014$); «не знаю» ($p \leq 0{,}071$) и значимо реже: «обо всем» ($p \leq 0{,}020$).

«Российские студенты» и «социальное дно» одинаково часто давали ответ: «о воспоминаниях детства», «обо всем» ($p \leq 0{,}047$). Намного чаще российские студенты давали ответ: «о сновидениях» ($p \leq 0{,}037$), «о том, что приходит в голову» ($p \leq 0{,}047$). В группе «социальное дно» чаще давали ответ: «отвечает на вопросы» ($p \leq 0{,}048$), «не знаю» ($p \leq 0{,}070$).

Профессиональная роль психоаналитика

Профессиональная роль аналитика неоднозначна. «Кто он: психиатр или психолог в обыденном сознании людей?» — задается вопросом С. Московичи. Респонденты чаще сравнивали психоаналитика с доктором, ученым, священником, но чаще всего французские студенты сравнивали психоаналитика с психологом (50 %). В нашем исследовании российские респонденты также чаще сравнивали психоаналитика с психологом (53–58 %).

По сравнению с французскими студентами российские респонденты значимо чаще сравнивали психоаналитика с ученым ($p \leq 0{,}001$) и значимо реже с доктором ($p \leq 0{,}001$). При сравнении российских групп значимо чаще в группе «социальное дно» сравнивали психоаналитика со священником по сравнению со студентами ($p \leq 0{,}001$) и по сравнению с группой «интеллигенция» ($p \leq 0{,}027$).

Российские респонденты, как и французские студенты, значимо чаще сравнивали психоаналитика с психологом.

Французские и российские студенты одинаково часто отвечали: «священник». Российские студенты значимо чаще указывали «психолог» ($p \leq 0{,}057$), «ученый» ($p \leq 0{,}001$) и значимо реже называли «доктор» ($p \leq 0{,}001$).

И у российских студентов, и в группе «интеллигенция» не выявлено различий по частоте

встречаемости ответов «ученый», «священник», «психолог». Российские студенты значимо реже сравнивали психоаналитика с доктором ($p \leq 0{,}053$).

И российские студенты, и в группе «социальное дно» с одинаковой частотой называли «ученый», «психолог», «доктор». Российские студенты значимо реже, чем в группе «социальное дно», выделяли ответ «священник» ($p \leq 0{,}001$).

Какая техника больше всего похожа на психоанализ

Другой вопрос С. Московичи: «Какая техника, кажется Вам, больше всего похожа на психоанализ?». У французских респондентов преобладали два ответа: беседа и исповедь. Российские респонденты, не имея опыта искупительных ритуалов, в подавляющем большинстве назвали «беседу» (77–81 %).

Французские студенты чаще отвечали, что пациент во время анализа «отвечает на вопросы» (38 %) .

Российские респонденты, отвечая на вопрос, о чем говорит пациент во время анализа, в основном давали ответ: «обо всем» (50–58 %).

Российские студенты и группа «интеллигенция» одинаково часто давали ответ: «о сновидениях», «об ответах на вопросы», «о воспоминаниях детства». Российские студенты значимо чаще давали ответ: «о том, что приходит в голову» ($p \leq 0{,}0014$); «не знаю» ($p \leq 0{,}071$) по сравнению с группой «интеллигенция», и значимо реже «обо всем» ($p \leq 0{,}020$) по сравнению с группой «интеллигенция».

Российские студенты и в группе «социальное дно» одинаково часто давали ответ: «о воспоминаниях детства», «обо всем» ($p \leq 0{,}047$). Значимо чаще российские студенты давали ответ: «о сновидениях» ($p \leq 0{,}037$), «о том, что приходит в голову» ($p \leq 0{,}047$). Значимо чаще в группе «социальное дно» был ответ: «отвечает на вопросы» ($p \leq 0{,}048$); «не знаю» ($p \leq 0{,}070$).

Таким образом, в результате реконструкции выделено общее и частное в представлениях о психоанализе во французских и российских группах. Обыденные представления российских и французских респондентов обнаруживают ядерно-периферическую структуру.

При реконструкции обнаруживается общее ядро в представлениях российских и французских респондентов, которое организует представление о психоанализе и придает ему смысл. Это информация о том, что психоанализ открыл З. Фрейд, что психоанализ — это известная теория, наука, психотерапевтическая техника. Для обыденных представлений о психоанализе в сравниваемых культурах наименее значима информация о времени происхождения психоанализа. Наиболее известные психоаналитические термины — это термины, описывающие психоаналитические модели психики (топическая и структурно-динамическая). Общим является убеждение, что не научная ценность является причиной распространения психоанализа. Специалист, работающий в области психоанализа, это прежде всего психолог, а не доктор, священник или ученый. В отношении специалиста, практикующего психоанализ, респонденты ориентированы на интеллектуальные и эмоциональные отношения. Установка к психоанализу является амбивалентной как в российских, так и во французских выборках, следовательно, противоречивость в отношении объекта исследования определяется не ментальностью, а историческим своеобразием развития психоанализа в той или иной культуре.

При воссоздании исследования С. Московичи также обнаруживается изменчивая периферическая система представлений, опирающаяся на индивидуальный опыт и индивидуальную память. Россияне убеждены, что причины распространения психоанализа связаны с индивидуальными и социальными потребностями. Значимо чаще россияне считают, что клиент психоаналитика — творческая личность. При поиске эмоциональных отношений в психотерапии преобладает поиск материнской фигуры (безоценочное принятие, кормление, диадные отношения, тревоги в области сепарации). Намного чаще российские респонденты убеждены, что психоанализ влияет на личность в лучшую сторону; это можно интерпретировать как более высокую неудовлетворенность жизнью и более выраженную потребность в изменениях по сравнению с французскими респондентами.

Как и во французском исследовании, российские респонденты продемонстрировали уровень знаний о психоанализе выше, чем в других группах. Во всех сравниваемых группах преобладает общая позитивная ориентация в отношении психоанализа. В структуре представлений россиян и французов совпадения большей частью касаются информированности о психоанализе. Максимальная доля различий в представлениях о психоанализе (образ аналитика и его отношение к клиенту, процедура анализа) обусловлена спецификой обыденной жизни россиян и французов.

Приложение

Таблица 1. Распределение ответов респондентов-студентов на поставленные вопросы

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французские студенты*	*Российские студенты*	*Уровень значимости*
Каковы причины распространения психоанализа?	Индивидуальные потребности	14	**41,9**	$p \leq 0{,}001$
	Социальные потребности	20	**29,5**	$p \leq 0{,}011$
	Эффект от войны	**15**	6	$p \leq 0{,}001$
	Влияние США	**13**	4	$p \leq 0{,}001$
	Реклама, мода	**26**	8,2	$p \leq 0{,}001$
	Научная ценность	11	9,4	–
	Не знаю	1	1	–
Как Вы считаете, к какой из следующих категорий относятся люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу?	Богатые	**52**	21,2	$p \leq 0{,}001$
	Творческие люди	14	**31,8**	$p \leq 0{,}001$
	Интеллектуалы	11	7,8	–
	Буржуазия (деловые люди)	15	10,9	$p \leq 0{,}064$
	Рабочие	0	**11,6**	$p \leq 0{,}001$*
	Не знаю	8	**16,7**	$p \leq 0{,}001$
С кем можно сравнить психоаналитика?	Ученый	0	19,3	$p \leq 0{,}001$*
	Священник	5	4,1	–
	Психолог	50	57,5	$p \leq 0{,}057$
	Доктор	45	19,1	$p \leq 0{,}001$
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для мужчин)	Ответ мужчин: того же пола	**52**	18,5	$p \leq 0{,}001$
	Ответ мужчин: противоположного пола	14	**65,6**	$p \leq 0{,}001$
	Ответ мужчин: Не имеет значения	**34**	15,9	$p \leq 0{,}001$
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для женщин)	Ответ женщин: того же пола	18	**53,8**	$p \leq 0{,}007$
	Ответ женщин: противоположного пола	**37**	27,7	$p \leq 0{,}018$
	Ответ женщин: Не имеет значения	**45**	18,5	$p \leq 0{,}001$
	с отношением родителя	0	**4,7**	$p \leq 0{,}001$*
	с отношением наблюдателя	35	36,0	–
	с отношением друга	12	**25,7**	$p \leq 0{,}001$
Как Вы считаете, во время анализа человек	говорит о своих сновидения, фантазиях	9	6,6	–
	отвечает на вопросы	**38**	16,4	$p \leq 0{,}001$
	говорит о том, что ему приходит в голову	**29**	18,5	$p \leq 0{,}008$
	говорит о воспоминаниях детства	20	4,7	$p \leq 0{,}001$
	обо всем	0	**50,3**	$p \leq 0{,}001$*
	не знаю	4	3,5	–

Окончание табл. 1

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французские студенты*	*Российские студенты*	*Уровень значимости*
Какой из методов, на Ваш взгляд, больше всего похож на психоанализ?	Беседа	29	**80,7**	$p \leq 0{,}001$
	Исповедь	**43**	9,5	$p \leq 0{,}001$
	Внушение	**23**	4,4	$p \leq 0{,}001$
	Гипноз	0	**4,3**	$p \leq 0{,}001$*
	Не знаю	5	1,1	$p \leq 0{,}005$
Как Вы думаете, психоанализ влияет на личность?	Да	19	**30,9**	$p \leq 0{,}001$
	Да, в лучшую сторону	28	**47,9**	$p \leq 0{,}001$
	Да, в худшую сторону	9	9,2	–
	Нет	**34**	0,6	$p \leq 0{,}001$
	Не знаю	10	11,4	$p \leq 0{,}074$

Таблица 2. Распределение ответов респондентов — представителей интеллигенции на поставленные вопросы

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французская интеллигенция*	*Российская интеллигенция*	*Уровень значимости*
Каковы причины распространения психоанализа?	Индивидуальные потребности	12	**33,1**	$p \leq 0{,}000$
	Социальные потребности	11	**35,1**	$p \leq 0{,}000$
	Эффект от войны	18	7,2	$p \leq 0{,}000$
	Влияние США	12	2,2	$p \leq 0{,}000$
	Реклама, мода	20	8,8	$p \leq 0{,}000$
	Научная ценность	23	10,1	$p \leq 0{,}000$
	Не знаю	4	3,5	–
Как Вы считаете, к какой из следующих категорий относятся люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу?	Богатые	**59**	24,1	$p \leq 0{,}000$
	Творческие люди	16	**32,6**	$p \leq 0{,}000$
	Интеллектуалы	3	**11,6**	$p \leq 0{,}000$
	Буржуазия (деловые люди)	6	**10,6**	$p \leq 0{,}053$
	Рабочие	0	5,3	$p \leq 0{,}000$*
	Не знаю	16	15,8	–
С кем можно сравнить психоаналитика?	ученый	5	**16,7**	$p \leq 0{,}000$
	священник	**9**	5,3	$p \leq 0{,}083$
	психолог	51	53,3	–
	доктор	35	24,7	$p \leq 0{,}015$
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для мужчин)	Ответ мужчин: того же пола	**27**	19,5	$p \leq 0{,}043$
	Ответ мужчин: противоположного пола	16	**46,5**	$p \leq 0{,}000$
	Ответ мужчин: Не имеет значения	**57**	34	$p \leq 0{,}001$
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для женщин)	того же пола	14	49,0	$p \leq 0{,}000$
	противоположного пола	28	20,0	$p \leq 0{,}034$
	Не имеет значения	**14**	31	$p \leq 0{,}001$

Окончание табл. 2

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французская интеллигенция*	*Российская интеллигенция*	*Уровень значимости*
Как Вы считаете, во время анализа человек	говорит о своих сновидения, фантазиях	8	5,5	–
	отвечает на вопросы	23	18,0	–
	говорит о том, что ему приходит в голову	20	12,0	$p \leq 0,017$
	говорит о воспоминаниях детства	15	4,1	$p \leq 0,000$
	обо всем	26	58,8	$p \leq 0,000$
	не знаю	8	1,6	$p \leq 0,000$
Какой из методов, на Ваш взгляд, больше всего похож на психоанализ?	Беседа	31	79,2	$p \leq 0,000$
	Исповедь	**37**	8,8	$p \leq 0,000$
	Внушение	13	4,4	$p \leq 0,000$
	Гипноз	19	3,9	$p \leq 0,000$
	Не знаю	0	3,7	$p \leq 0,000$*
Как Вы думаете, психоанализ влияет на личность?	Да	50	29,3	$p \leq 0,000$
	Да, в лучшую сторону	0	52,3	$p \leq 0,000$*
	Да, в худшую сторону	0	2,2	$p \leq 0,000$*
	Нет	37	8,2	$p \leq 0,000$
	Не знаю	13	8,0	$p \leq 0,057$

Таблица 3. Распределение ответов респондентов — представителей группы с низким материальным и культурным уровнем на поставленные вопросы

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французская группа с низким материальным и культурным уровнем*	*Российская группа с низким материальным и культурным уровнем*	*Уровень значимости*
Каковы причины распространения психоанализа?	Индивидуальные потребности	28	**42,2**	$p \leq 0,000$
	Социальные потребности	0	**30,2**	$p \leq 0,000$*
	Эффект от войны	19	9,5	$p \leq 0,002$
	Влияние США	0	1,7	$p \leq 0,000$*
	Реклама, мода	32	5,2	$p \leq 0,000$
	Научная ценность	21	5,3	$p \leq 0,000$
	Не знаю	0	5,9	$p \leq 0,000$*
	Не знаю	13	17,7	$p \leq 0,094$
Как Вы считаете, к какой из следующих категорий относятся люди, наиболее часто обращающиеся к психоанализу?	Богатые	24	17,4	$p \leq 0,049$
	Творческие люди	20	30,3	$p \leq 0,007$
	Интеллектуалы	32	8,8	$p \leq 0,000$
	Буржуазия (деловые люди)	0	7,8	$p \leq 0,000$*
	Рабочие	9	14,2	$p \leq 0,048$
	Не знаю	15	21,5	$p \leq 0,044$

Окончание табл. 3

Вопросы, которые использовались в исследовании С. Московичи	*Ответы*	*Французская группа с низким материальным и культурным уровнем*	*Российская группа с низким материальным и культурным уровнем*	*Уровень значимости*
С кем можно сравнить психоаналитика?	Ученый	–	16,6	$p \leq 0{,}000$*
	Священник	–	10,4	$p \leq 0{,}000$*
	Психолог	–	54,1	$p \leq 0{,}000$*
	Доктор	–	18,9	$p \leq 0{,}000$*
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для мужчин)	Того же пола	**27**	19,5	$p \leq 0{,}043$
	Противоположного пола	16	**46,5**	$p \leq 0{,}000$
	Не имеет значения	**57**	34	$p \leq 0{,}001$
Вы предпочли бы аналитика (вопрос для женщин)	Того же пола	14	**49,0**	$p \leq 0{,}000$
	противоположного пола	**28**	20,0	$p \leq 0{,}034$
	Не имеет значение	14	**31**	$p \leq 0{,}001$
Как Вы считаете, во время анализа человек	Говорит о своих сновидения, фантазиях	–	3,4	$p \leq 0{,}000$*
	Отвечает на вопросы	–	21,8	$p \leq 0{,}000$*
	Говорит о том, что ему приходит в голову	–	13,4	$p \leq 0{,}000$*
	Говорит о воспоминаниях детства	–	4,7	$p \leq 0{,}000$*
	Обо всем	–	50,6	$p \leq 0{,}000$*
	Не знаю	–	6,1	$p \leq 0{,}000$*
Какой из методов, на Ваш взгляд, больше всего похож на психоанализ?	Беседа	32	**76,7**	$p \leq 0{,}000$
	Исповедь	18	9,5	$p \leq 0{,}005$
	Внушение	28	6,3	$p \leq 0{,}000$
	Гипноз	8	4,3	$p \leq 0{,}057$
	Не знаю	14	3,2	$p \leq 0{,}000$
Как Вы думаете, психоанализ влияет на личность?	Да	25	29,8	–
	Да, в лучшую сторону	43	**52,3**	$p \leq 0{,}029$
	Да, в худшую сторону	**9**	2	$p \leq 0{,}000$
	Нет	10	8,5	–
	Не знаю	13	7,4	$p \leq 0{,}029$

Список литературы

1. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 400 с.
2. *Оксфордский* толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002. URL: http://vocabulary.ru/dictionary/ (дата обращения: 30.09.2014).
3. *Смирнова И.В.* Репликация исследования С. Москвичи: методологические трудности, результаты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4. С. 149–158.
4. *Ширков Ю.Э.* Стратификация общества, данная нам в ощущениях: модель: модель // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1997. Вып. 4. С. 51–55.
5. *Abric J.-C.* A structural approach to social representations // Representations of the social: bridging theoretical traditions / ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.
6. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge: Polity, 2008. 416 p.

7. *Rouquette M.-L.* Social representations and mass communication research // Journal of the theory of social behaviour. 1996. Vol. 26, № 2. P. 221–231.
8. *Ruckriem G.* Digital technology and mediation — a challenge to activity theory // Культурно-историческая психология. 2010. № 4. С. 30–38.
9. *Van der Veer R.* Reconstructing the mind. Replicability in research on human development: N.J.: Ablex, 1994. 294 p. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/10166 (date of access: 30.09.2014).

Получено 01.10.2014.

References

1. Emelyanova T.P. *Konstruirovanie sotsial'nyh predstavlenij v usloviyah transformatsii rossijskogo obschestva* [Social image design in the context of transformation of Russian society]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2006, 400 p. (In Russian).
2. *Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii* [Oxford dictionary of psychology]. Available at: http://vocabulary.ru/dictionary/ (accessed 30.09.2014). (In Russian).
3. Smirnova I.V. [Replication of S. Moskovichi's research: methodologal challenges, results]. *Vestnik permskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2013, no 4, p. 149–158. (In Russian).
4. Shirkov Yu.E. [Stratification of society, given in feelings: a model]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psihologiya* [The Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology]. 1997, no 4, pp. 51–55. (In Russian).
5. Abric J.-C. A structural approach to social representations // Representations of the social: bridging theoretical traditions / ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–47.
6. Moscovici S. Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge: Polity, 2008. 416 p.
7. Rouquette M.-L. Social representations and mass communication research // Journal of the theory of social behaviour. 1996. Vol. 26, № 2. P. 221–231.
8. Ruckriem G. Digital technology and mediation — a challenge to activity theory // Культурно-историческая психология. 2010. № 4. С. 30–38.
9. Van der Veer R. Reconstructing the mind. Replicability in research on human development: N.J.: Ablex, 1994. 294 p. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/10166 (date of access: 30.09.2014).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

FRENCH AND RUSSIAN IMAGE OF PSYCHOANALYSIS

Irina V. Smirnova

Perm Institute of the Federal Penal Service; 125, Karpinsky str., Perm, 614012, Russia

The replication of S. Moscovici's research «Psychoanalysis: its image and its public» on the Russian groups (students, the group of intelligency, the «social bottom» group) is described in the report. As a result of the reconstruction the general and the private in representations of psychoanalysis of the French and Russian groups are allocated. As well as in the French research, the Russian students have showed the level of knowledge of psychoanalysis higher than in other groups. In all compared groups the general positive orientation concerning psychoanalysis prevails. In the structure of representations of Russians and French coincidences mostly concern knowledge of psychoanalysis. The maximum share of distinctions in representations of psychoanalysis (an image of the analyst and his attitude towards the client, analysis procedure) is caused by specifics of ordinary life of Russians and French.

Key words: social representations; psychoanalysis; replication; attitude.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Смирнова И.В. Французский и российский образ психоанализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 78–89.

Please cite this article in English as:
Smirnova I.V. French and Russian image of psychoanalysis // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 78–89.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

ПОНЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ

Балезина Екатерина Андреевна,
ассистент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: balezina-ekaterina@rambler.ru

В статье рассматривается понятие коммуникативного пространства, его признаки и классификация. Приведен анализ понятия с позиций разных научных областей. Основное внимание в работе автор уделяет социологическому подходу к определению коммуникативного пространства. На основании анализа типов коммуникативного пространства, а также рассмотрения особенностей организационного коммуникативного пространства представлены некоторые рекомендации по улучшению коммуникативного пространства.
Ключевые слова: коммуникация; коммуникативное пространство; информационное пространство.

Любая деятельность индивида предполагает наличие некой среды или пространства, в котором она осуществляется. Пространство, в котором происходит данная деятельность, может быть материальным (физическим, кинестетическим) и идеальным (мыслительным, воображаемым). В реальности встречаются как материальные, идеальные, так и смешанные виды пространств, в которых соединяется материальная форма передаваемого сообщения и содержание информации, имеющее идеальную природу [1].

С помощью процессов коммуникации общество создает окружающую среду — информационно-коммуникативное пространство, объединенное едиными формами коммуникативной деятельности и имеющее информационный характер. Информационные процессы являются механизмами самоорганизации такого пространства. Понятие «информационно-коммуникативное пространство» вошло в научный оборот вслед за понятием «информационное пространство». Информационное пространство оперирует понятием информации как основным фактором развития общества в современном мире. А информация отсылает нас к одностороннему процессу, где у потребителя только пассивная роль, воспринимающая. Поэтому возникла необходимость в более точном определении и расширении данного феномена, т.к. современные информационные процессы подразумевают двусторонний процесс, где и генератор, и получатель информации обладают активными, формирующими эту коммуникацию ролями. Таким образом, возникающее понятие информационно-коммуникативного пространства более полно отображает процесс информационного взаимодействия в обществе и становится неотъемлемым фактором развития теории информационного общества и наблюдаемых каждым членом социума процессов глобализации.

Сегодня понятие коммуникативного пространства встречается во многих научных областях, среди которых можно назвать социологию, философию, лингвистику и пр. В педагогике основной акцент при рассмотрении коммуникативного пространства делается на совместной деятельности, в котором для педагога главным содержанием является общение участников этой совместной деятельности [7]. С позиции лингвистической науки коммуникативное пространство представляет собой целостную коммуникативную среду, в которую говорящие «погружаются» в процессе коммуникативной деятельности. Коммуникативное пространство художественной культуры включает систему социальных коммуникаций, произве-

© Балезина Е.А., 2014

дения искусства и все те отношения, которые возникают в рамках сферы искусства [2]. В экономике коммуникативное пространство рассматривается по аналогии с экономическим пространством, т.е. оно способно так же развиваться и воспроизводиться в пределах собственного жизненного цикла. Продолжительность жизненного цикла коммуникативного пространства зависит, как правило, от внешней институциональной среды. Применительно к экономической сфере принято говорить о четырех стадиях жизненного цикла коммуникативного пространства: формирования, развития, консервации и ликвидации [5].

В социологии понятие коммуникативного пространства тесно связывают с понятием социальной коммуникации, в которой выделяют следующие основные элементы: наличие коммуникантов (субъектов коммуникации), передаваемого сообщения (некой информации) и целевые установки акторов.

Основной особенностью коммуникативного пространства является взаимообмен информацией любого рода. В случае формирования коммуникативного пространства речь идет о двустороннем процессе, где и отправитель, и получатель информации обладают активными ролями, формирующими эффективную коммуникацию. Сегодня все чаще поднимается вопрос о необходимости осуществления эффективной коммуникации. Так, по поводу построения политического диалога существует две точки зрения: либеральная и консервативно-бюрократическая. С позиции либерализма прогресс общества возможен только при утверждении диалогической модели коммуникации, основанной на взаимопонимании и партнерстве между государственной властью и гражданами. «Только коммуникация как диалог способствует зарождению, поддержанию и развитию цивилизованных форм существования социума и обеспечивает сознательное отношение к сохранению демократического политического порядка» [3]. Консервативно-бюрократическая позиция рассматривает диалог как общение ведущих и ведомых, лидеров и масс. Здесь признается только один вид обратных связей — отчет исполнителей перед административной системой власти. Так рождается диалог по форме, но монолог власти по сути. С нашей точки зрения, эффективность коммуникации достигается лишь активностью и вовлеченностью обеих сторон вне зависимости от сферы деятельности людей, в которой рассматривается коммуникативное пространство.

Представленное в данной статье явление коммуникативного пространства обладает рядом свойств. Так, Е.И. Кривокора [4] предлагает в качестве свойств рассматривать самоорганизацию, сетевую форму организации, многомерность, гетерогенность и многослойность. Рассмотрим предложенную этим автором классификацию признаков коммуникативного пространства.

Первое свойство коммуникативного пространства — самоорганизация, которая понимается как способность без внешних воздействий самостоятельно формировать свою структуру. Экономические агенты, участвуя во взаимодействиях и обмениваясь информацией в процессе своей деятельности, образуют устойчивую коммуникативную структуру на основе воспроизводимой согласованности. Самоорганизация проявляется также в способности пространства нейтрализовать последствия негативных процессов, поддерживая сформированный уровень организованности системы. Это означает, что самоорганизация продуцирует стабильность условий экономической деятельности субъектов.

Вторым свойством следует считать гетерогенность или неоднородность коммуникативного пространства. Асимметричность информации порождает соответствующую асимметричность пространства движения информации. Различие в степени концентрации деятельности и активности обусловлено различным уровнем конкурентоспособности экономических субъектов, неодинаковым уровнем организационной зрелости, состоянием менеджмента, невыраженной синхронизацией хозяйственных процессов в системе, индивидуальным восприятием институциональной среды. Здесь же можно назвать и свойство многослойности или многоуровневости коммуникативного пространства, которое свидетельствует о его иерархическом строении.

Следующее свойство — многомерность коммуникативного пространства, означающий, что оно одновременно имеет в своей структуре разноразмерные коммуникативные подсистемы или элементы системы. Изменение уровня измерения связано с наличием в этой структуре определенных подсистем, с их взаимным пространственным расположением и взаимодействием друг с другом, придающим данной структуре новые качества. Логично, что новая размерность с новыми свойствами распространяет эти новые свойства на всю систему. Очевидно, что для получения вновь построенной системой новых свойств (измерений) структура новой системы должна соответствовать

требованиям, необходимым для приобретения новых измерений. С укрупнением структуры системы увеличивается число ее размерностей.

И последним свойством можно считать сетевую форму организации, характерную для любой коммуникативной структуры. Коммуникативное пространство часто рассматривается как сетевая структура организации взаимодействий экономических субъектов по реализации соглашений и контрактов.

Кроме того, по содержанию коммуникативное пространство может быть раскрыто с позиции выполняемых им функций. В качестве основных функций целесообразно предложить следующие: соединительная, регулирующая, институциональная, информационная. Информационная функция выделяется исследователями чаще остальных, она представляет собой основную цель процесса коммуникации — передать информацию или некое сообщение. Кроме того, данная функция состоит в аккумулировании информации, формировании организационных знаний в форме коммуникационного опыта и коммуникационных практик, что позволяет повысить уровень организованности пространства, повысить эффективность функционирования той группы, в которой рассматривается коммуникативное пространство.

Любое коммуникативное пространство направлено на объединение членов группы посредством процесса коммуникации. Оно упорядочивает их действия, организовывает соответствующую коммуникативную структуру В этом и заключается соединительная функция, которая логически переводит нас к регулирующей функции. Регулирующая функция задает направленность деятельности членов группы, входящих в данное коммуникативное пространство. Институциональная функция заключается в обслуживании и развитии институциональной среды, в которой создаются и поддерживаются институциональные нормы и правила поведения субъектов, членов группы. Институциональная среда, с одной стороны, устанавливает те ограничения, в которых осуществляется деятельность субъектов; с другой — субъекты воздействует на институциональную среду, целенаправленно формируя ее институты.

Коммуникативное пространство можно классифицировать по масштабу (по аналогии с классификацией коммуникации), в зависимости от того, какое количество участников оно охватывает.

1. Пространство внутриличностной коммуникации. Далеко не все ученые выделяют данный тип коммуникативного пространства, т.к. он является чрезвычайно сложно организованным в силу биопсихических особенностей индивида. Кроме того, насколько корректно говорить о существовании как минимум двух субъектов коммуникации в этом типе пространства. Так, социологи, психологи, лингвисты в своих исследованиях современной рекламы, как правило, считают, что указанное пространство является наиболее привлекательным объектом для профессионального рекламодателя. Однако маркетологи такую точку зрения не разделяют, поскольку пространство внутренней коммуникации ускользает от квалитативных оценок [1].

2. Пространство межличностной коммуникации — среда, создаваемая в процессе общения двух людей. Формирование данного вида коммуникативного пространства происходит повсеместно, оно постоянно окружает людей в обществе.

3. Пространство групповой коммуникации предполагает в качестве участников, как правило, от трех до десяти человек. В обществе такое коммуникативное пространство встречается в малых социальных группах, имеющих жесткие стандарты и требования.

4. Пространство общественной или публичной коммуникации. Такое пространство включает в себя активного коммуникатора и менее активных реципиентов. Классическим примером данного типа пространства можно назвать публичное выступление и различные варианты лекционных занятий в студенческой группе.

5. Пространство организационной коммуникации. Такое коммуникативное пространство насчитывает достаточно большое количество участников. Оно может быть структурировано по типу активных и пассивных участников коммуникации, а также стратифицировано по иерархическому принципу (вертикальных коммуникаций). Примером такого пространства может быть собрание акционеров компании или совещание членов коллектива.

6. Пространство массовой коммуникации. Количество субъектов в таком пространстве превышает тысячу человек. К такого рода пространствам относят коммуникативное пространство средств массовой информации и коммуникации, различных митингов, демонстраций и прочих протестных движений.

Остановимся подробнее на пространстве организационной коммуникации. При рассмотрении коммуникативного пространства в организациях необходимо выделить следующие моменты. Лю-

ди обмениваются информацией, т.е. вступают в коммуникационный процесс на самых разных уровнях и используют различные виды коммуникаций. Они общаются в группах, выступают на собраниях, пишут письма, составляют записки и отчеты, общаются по телефону, электронной почте и т.д. Все эти способы общения вписываются в определенные виды коммуникаций. Коммуникации с внешней средой включают общение с различными государственными и негосударственными службами, клиентами, потребителями, конкурентами, посредниками, кредиторами, рынком труда и т.д. Вертикальный вид коммуникаци внутри организации характеризует взаимодействие сверху вниз или снизу вверх между сотрудниками. По нисходящей сообщается информация о текущих задачах, конкретных заданиях, рекомендуемых процедурах и т.д. По восходящей — подаются сообщения о возникших проблемах, об открывшихся эффективных методах работы и пр. Горизонтальные коммуникации предполагают обмен информацией между коллегами, между различными отделами для согласования определенного алгоритма действий, для консультирования или проведения совместной работы. Горизонтальные потоки сообщений в организации встречаются чаще, чем вертикальные. Одна из основных причин этого заключается в том, что люди более расположены говорить свободно и открыто с равными себе собеседниками, чем с имеющими более высокий статус или с занимающими более высокое положение в организации. Горизонтальный обмен информацией менее подвержен искажениям, такая информация носит в основном координационный характер, тогда как при вертикальных коммуникациях информация является более приказной и распорядительной.

Неформальные коммуникации как еще один вид организационной коммуникации представляют собой основной канал распространения слухов. Такая информация передается намного быстрее, и на практике часто оказывается, что она бывает более точной, чем официальная.

В организации возможны разные варианты совершенствования коммуникативного пространства для улучшения работы предприятия. Во-первых, необходимо регулировать информационные потоки. Информационные потоки находятся в прямой зависимости от целей, принимаемых решений и показателей работы руководителя и его подразделения. В случаях получения избыточной или недостаточной информации «снизу» возникают проблемы в принятии эффективных решений. Во-вторых, следует иметь и непосредственные контакты с одним или группой подчиненных для обсуждения производственных вопросов, для получения информации «от певого лица» и для обратной связи [6]. Этой же цели служат общие собрания коллектива подразделения, еженедельные совещания, ежедневные «планерки», «летучки» и прочие подобного рода мероприятия. В-третьих, необходимо отслеживать обратную связь, являющуюся частью контрольно-управленческой информационной системы. В качестве варианта обратной связи может быть использован опрос работников, который проводится лично или методом анкетирования. С помощью опросов можно выявить, насколько четко и полно доведены до работников цели и задачи деятельности подразделения, с какими реальными проблемами сталкиваются работники, получают ли они своевременную и необходимую для работы информацию, открыт ли их руководитель для предложений и для конструктивной критики. В такого рода анкетах часто запрашивают информацию о том, насколько информированы сотрудники о грядущих переменах, о внедряемых проектах, инновациях, которые могут отразиться на их работе; есть ли необходимость в повышении квалификации работника, в предоставлении ему краткосрочного отпуска для профилактики здоровья. В отдельных случаях рекомендуют направлять представителя одной части организации в другую с целью обсуждения определенных вопросов, согласования действий, или руководитель сам посещает конкретный отдел или производственный участок, чтобы лично удостовериться, как претворяются в жизнь его указания.

Рекомендацией часто называют и систему сбора предложений, облегчающую поступление информации на верхние уровни управления. Предполагается, что подавать идеи и предложения по совершенствованию управленческого или производственного процесса может каждый работник. Для этого на многих предприятиях устанавливаются ящики для подачи предложений в анонимном порядке (правда, стоит отметить, что предложения не всегда рассматриваются в данном случае). Более эффективным способом считаются адресные предложения. Иногда их предлагают стимулировать вознаграждением или проводят конкурсы на лучшее предложение тоже с последующим вознаграждением. В других случаях предприятия устанавливают телефонную связь для предложений или вопросов, а ответы печатаются в специальных бюллетенях. Отдельные важ-

ные вопросы, имеющие взаимный интерес, могут обсуждаться на встречах менеджеров и работников. Крупные компании практикуют выпуск ежемесячных газет с информацией по совершенствованию управленческих решений и перспектив развития организаций. Сегодня все чаще в качестве коммуникативных средств используются видеотехнологии. В таких видеоматериалах содержится производственная, управленческая, финансовая информация, что позволяет работникам формировать собственное мнение об отдельных руководителях, о соблюдении принципов справедливости в организации их предприятия. Эти видеоролики могут транслироваться периодически или быть в свободном доступе для просмотра. Современные информационные технологии используются все чаще при формировании коммуникативного пространства в рамках организации.

Таким образом, понятие коммуникативного пространства все чаще используется в исследованиях различных социальных групп, не только в рамках массовой коммуникации, но и в конкретных организациях.

Список литературы

1. *Билялова А.А.* Рекламное коммуникативное пространство // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 142–144. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/reklamnoe-kommunikativnoe-prostranstvo#ixzz3EoZaMUTt (дата обращения: 01.10.2014).
2. *Грачёв В.И.* Коммуникативное пространство современного арт-рынка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 56. С. 198–203. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-sovremennogo-art-rynka#ixzz3EoVujuA4 (дата обращения: 01.10.2014).
3. *Кривец А.П.* Формирование коммуникативного пространства в диалоге власти и общества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 10, № 7. С. 225–229.
4. Кривокора Е.И. Проблемы моделирования коммуникативного пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2013. № 1(115). С. 124–132.
5. *Публичная* политика как инструмент российского выбора // Секция № 11 III Всерос. конгресса политологов (28–29 апреля 2003 г.): сб. программ и тезисов. М., 2003. С. 78.
6. *Свадьбина Т.В.* Коммуникации в организациях: учеб.-метод. пособие. Н. Новгород.: Нижегород. регион. ин-т управления и экономики АПК, 1998. URL: http://upravlenie.fatal.ru/d12.html (дата обращения: 01.10.2014).
7. *Соколова Н.Б.* Проектирование и организация проекта-диалога в коммуникативном пространстве современного урока // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 92–95. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-i-organizatsiya-proekta-dialoga-v-kommunikativnom-prostranstve-sovremennogo-uroka#ixzz3EoX6d4tz (дата обращения: 01.10.2014).

Получено 01.10.2014.

References

1. Bilyalova A.A. [Advertising communicative environment]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2009, no 30, pp. 142–144. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/reklamnoe-kommunikativnoe-prostranstvo#ixzz3EoZaMUTt (Accessed 01.10.2014). (In Russian).
2. Grachyov V.I. *Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo art-rynka* [Communictive environment of modern art-market]. *Izvestiya Rossijskogo* gosudarstvennogo *pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Herzen State Pedagogical University of Russia tidings]. 2008, no 56, pp. 198–203. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-sovremennogo-art-rynka#ixzz3EoVujuA4 (Accessed 01.10.2014). (In Russian).
3. Krivets A.P. Formirovanie kommunikativnogo prostranstva v dialoge vlasti i obschestva [Formation of communicative space in the dialogue between administration and society]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science. Economics. Information technologies]. 2009, vol. 10, no 7, pp. 225–229. (In Russian).
4. Krivokora E.I. [Contemporary problems of formation of the organizational-economic mechanism of multifunctional agriculture]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika* [The Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economics]. 2013, no 1(115), pp. 124–132. (In Russian).
5. [Public policy as an instrument of Russian choice]. *Sbornik programm i tezisov uchastnikov sektsii № 11 III Vserossijskogo Kongressa politologov, 28–29 aprelya 2003.* [Collection of programs and abstracts of participants of section 11 of III All-Russian Poli-

tology Congress, 28–29th of April, 2003]. Moscow, no editor, 2003, p. 78. (In Russian).
6. Svad'bina T.V. [Communication in organizations. Learning and teaching textbook]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodsky Regional Institute of Management and Economics of agricultural sector Publ., 1998. Available at: http://upravlenie.fatal.ru/d12.html (Accessed 01.10.2014). (In Russian).
7. Sokolova N.B. [Design and organization of the project-dialogue in communicative setting of the modern lesson]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2014, no 2, pp. 92–95. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-i-organizatsiya-proekta-dialoga-v-kommunikativnom-prostranstve-sovremennogo-uroka#ixzz3EoX6d4tz (Accessed 01.10.2014). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

THE CONCEPT OF COMMUNICATIVE ENVIRONMENT IN ORGANIZATION

Ekaterina A. Balezina

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

This article describes concept of communicative environment, its properties and their types. The article provides an analysis of the concept from the perspective of different scientific fields. The focus of the paper, the author gives a sociological approach to the definition of communicative environment. On the basis of analyzing the types and the features of organizational communication environment, the article presents some recommendations to improve the communicative environment in organization.

Key words: communication; communicative environment; informational environment.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Балезина Е.А. Понятие коммуникативного пространства в организации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 90–95.

Please cite this article in English as:
Balezina E.A. The concept of communicative environment in organization // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 90–95.

УДК 316.624

РИСКИ АЛКОГОЛИЗАЦИИ И МОДЕЛИ АЛКОГОЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ*

Плотникова Елена Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;:
e-mail: Plotnikova1958@yandex.ru

Германов Игорь Анатольевич,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Germanov1973@yandex.ru

Петухов Константин Алексеевич,
кандидат политических наук,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: c.petoukhov@gmail.com

Рассматриваются нормативные представления населения Пермского края в отношении потребления алкоголя, а также их гендерные и возрастные различия. Сделаны выводы о противоречивости декларируемого отношения и реального алкогольного поведения. Проанализированы специфика рисков алкоголизации и перспективы изменения моделей алкогольного поведения. Подтверждаются выводы ряда исследователей о наличии мужского и женского паттернов алкогольного потребления. Показано, что основной группой жителей края, находящихся под угрозой алкоголизации, составляют люди в наиболее активном и трудоспособном возрасте 31–45 лет.
Ключевые слова: потребление алкоголя; социальные установки; алкоголизация.

В России проблема алкоголизации населения достигла такой остроты, что рассматривается в качестве реальной угрозы национальной безопасности. Алкогольная ситуация, характеризующаяся крайне высоким уровнем потребления, а также очень неблагоприятной структурой потребляемых спиртных напитков, рассматривается в качестве одного из важнейших деструктивных факторов демографического, социального и экономического развития России [см. 2, 3, 5 и др.]. Согласно прогнозам ООН за ближайшие 15 лет любовь россиян к спиртному приведет к потерям населения в объеме 11 млн. чел., следствием чего станет сокращение трудовых ресурсов и замедление темпов экономического роста [1].

С негативными последствиями злоупотребления алкоголем сталкивались и сталкиваются многие страны, в том числе превосходящие Россию по уровню экономического и социального развития: Финляндия, Норвегия, Германия, Польша, Чехия, Венгрия и др. Одно из последних свидетельств — статья в британской газете «The Telegraph», автор которой утверждает, что его страна срочно нуждается в помощи в связи с массовым распространением проблем, связанных с потреблением алкоголя [5]. В мире уже накоплен значительный опыт ре-

* Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г. (проект № 929, рук. Е.Б. Плотникова).

© Плотникова Е.Б., Германов И.А., Петухов К.А., 2014

шения алкогольных проблем, разработаны довольно эффективные меры, благодаря которым заметно сокращаются негативные последствия алкоголизации. С недавнего времени определенные шаги в данном направлении делаются и в России. Введены ограничения по месту и времени продажи алкоголя; значительно увеличены акцизы на алкогольную продукцию, что снижает ее доступность для населения; реализованы меры, ориентированные на снижение производства и продажи спиртосодержащих жидкостей технического назначения и др. В то же время очевидно, что принятых мер недостаточно. Эксперты отмечают, что современная антиалкогольная политика, осуществляемся в нашей стране, не учитывает объективных обстоятельств обращения населения к алкоголю и обусловленного спроса на алкоголь, повторяются прежние ошибки государственного регулирования алкогольных проблем [4, с. 4]. Радикальное изменение ситуации возможно лишь с трансформацией стиля жизни россиян, изменения культуры в отношении к алкоголю.

Взаимосвязь культуры и показателей, характеризующих потребление алкоголя, неоднократно подтверждалась многими авторами. Например, Р. Тартер и Д. Шнейдер (R. Tarter, D. Schneider) выделяют целый ряд факторов социокультурного плана, которые влияют на установки и алкогольное поведение индивида: представления о допустимом и чрезмерном количестве выпитого алкоголя, «безопасном» уровне потребления; ритуалы, обычаи, виды деятельности и ситуации, с которыми связано потребление алкогольных напитков; символическое значение алкоголя; тип предпочитаемых напитков; категоризация социальных групп и индивидов, злоупотребляющих алкоголем, и др. [8, с. 95]. Указанные факторы в значительной мере детерминируют решения индивида относительно первого опробования алкоголя, поддержания интереса к нему, а также отказа от его употребления. Культурные факторы используются и в объяснении различий в показателях алкоголизации в возрастных, гендерных, этнических и религиозных группах, социальных классах [6, 7]. Таким образом, исследование особенностей нормативных представлений об алкогольном поведении дает возможность определить характер размещения риска алкоголизации, дать оценку степени указанной опасности для различных социальных групп, сформировать прогноз относительно будущих масштабов алкогольных проблем.

Основной целью данной статьи является анализ нормативных представлений относительно потребления алкоголя, а также выявление их специфики у различных социально-демографических групп населения Пермского края. Эмпирической базой работы послужили результаты социологического опроса, проведенного летом 2012 г. сотрудниками Пермского центра социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ.

Программой исследования был предусмотрен опрос в 20 административных образованиях региона, представляющих различные типы социально-экономических и географических условий, существующих в Пермском крае. Метод анкетного опроса обеспечил возможность получения более откровенных ответов на вопросы, касающиеся частоты и способов потребления алкоголя. Вместе с тем для обеспечения большей репрезентативности полученных результатов, возможности распространить полученные выводы на всю генеральную совокупность (взрослых жителей Пермского края) в ходе опроса контролировался ряд социально-демографических показателей респондентов. Пропорции распределения участников опроса по полу, возрасту и образованию основаны на данных Пермьстата, полученных во время всероссийской переписи 2010 г. Всего в анкетном опросе приняли участие 904 жителя Пермского края в возрасте от 18 до 70 лет. Среди них 425 мужчин и 479 женщин. 38,7 % участников опроса имеют среднее общее образование; 44,1 % опрошенных получили начальное или среднее специальное образование; остальные 17,2 % респондентов имеют высшее образование.

Диагностика нормативных представлений респондентов осуществлялась в двух направлениях. Для оценки общих установок по отношению к алкоголю участникам опроса предлагался перечень из 10 нормативно-окрашенных суждений, степень согласия/несогласия с которыми определялась по 5-балльной шкале (1 — полностью согласен; 2 — скорее согласен; 3 — отчасти согласен, отчасти — нет; 4 — скорее не согласен; 5 — полностью не согласен). Ответы респондентов по каждому из суждений обрабатывались с помощью процедуры факторного анализа[1]. Выяснилось, что структура установок по отношению к алкоголю включает в себя три компоненты. Первый фактор, объясняющий 32 % общей дисперсии значений исходных признаков, имеет положительную связь с суждениями, утверждающими, что алкоголь является неотъемлемым атрибутом в жизни современного человека (см. табл. 1). С ростом значений этого фактора субъективная значимость алкоголя уменьшается. Вторая компонента отражает в ос-

новном воздействие на личность стереотипов общественного сознания, связанных с трезвым образом жизни. В этот же фактор вошло суждение относительно безвредности слабоалкогольных напитков. Как и в предыдущем случае, большие значения фактора свидетельствуют об отрицательном отношении к алкоголю, но поскольку выделенные факторы ортогональны (независимы), респонденты, очевидно, вкладывают в эти компоненты различный смысл. Информативность второго фактора составила 14,7 %. Третий фактор (11,1 %) положительно связан с суждениями, отражающими медицинские последствия употребления алкогольных напитков. С ростом значений третьего фактора субъективно воспринимаемый уровень угрозы снижается, что свидетельствует о более лояльном отношении к алкоголю.

Таблица 1. Факторная структура суждений, отражающих отношение к алкоголю

Содержание суждения (5-балльная шкала: от 1 — «полностью не согласен», до 5 — «полностью согласен»)	*Фактор*		
	1	*2*	*3*
Сейчас жизнь настолько напряженная, что алкоголь просто необходим, чтобы снять стресс, расслабиться	**0,619**	0,442	-0,172
Умеренная доза алкоголя дает заряд энергии, облегчает общение между людьми	**0,786**	0,125	-0,046
Дорогой алкоголь в красивой бутылке — универсальный подарок	**0,714**	0,025	-0,038
Хорошее событие обязательно надо «обмыть»	**0,766**	0,242	-0,079
Настоящий мужчина не может быть трезвенником	0,104	**0,810**	0,026
Лозунг «Трезвость — норма жизни» давно устарел	0,138	**0,780**	-0,031
Слабоалкогольные напитки (например, пиво, коктейли) можно употреблять без вреда для здоровья	0,263	**0,556**	-0,264
Безвредных доз алкоголя не существует	-0,132	0,076	**0,557**
Регулярное употребление алкоголя быстро вызывает привыкание	0,010	-0,142	**0,815**
Злоупотребление алкоголем — одна из основных причин преждевременной смертности	-0,048	-0,147	**0,774**
Информативность факторов (вклад фактора в совокупную дисперсию), %	**32,0**	**14,7**	**11,1**

В дальнейшем для обозначения указанных факторов будем пользоваться условными выражениями: 1 — «имманентность алкоголя», 2 — «влияние стереотипов», 3 — «риски потребления». На основе суждений, сгруппированных посредством факторизации, вычислялись индексы, имеющие одноименные названия[2].

Поскольку употребление спиртных напитков уже давно стало частью ритуалов повседневной деятельности, второе направление диагностики алкогольных установок предусматривало оценку представлений респондентов о жизненных ситуациях, в которых употребление алкоголя воспринимается как социально приемлемое. С этой целью участникам опроса предлагались различные варианты обстоятельств, которые могут спровоцировать потребление алкоголя. В каждом случае требовалось оценить уместность соответствующего повода для того, чтобы выпить, путем выражения степени согласия/несогласия с суждением (*Я считаю достаточным поводом, чтобы выпить, когда…)* по 5-балльной шкале, аналогичной описанной выше.

На основе ответов респондентов рассчитывался индекс, отражающий степень актуализации потребности в алкоголе как средстве удовлетворения некоторых потребностей (повышения настроения в праздник, снятие усталости стресса, связанного с неприятностями, жизненными проблемами, налаживание связей с коллегами по работе и деловыми партнерами и т.п.)[3]. Мы исходили из того, что чем выше значения индекса (максимальное значение — 10, минимальное — 1), тем большее значение алкоголь играет в жизни конкретного человека.

Для оценки валидности результатов измерения нормативных установок в отношении алкоголя анализировалась их связь с моделями алкогольного поведения и уровнем алкогольной зависимости.

Решение задач классификации респондентов в соответствии с моделями их алкогольного поведения осуществлялось в несколько шагов. Во-первых, проводилось деление на «пьющих» и «непьющих». Ко второй категории, следуя принятым подходам, были отнесены те, кто не употреблял алкоголь в течение последних 12 месяцев. Остальные респонденты были определены как «пьющие». Этой подгруппе участников были заданы вопросы о видах, частоте и разовом объеме потребления спиртных напитков: пива, алкогольных коктейлей, вина и шампанского, крепкого алкоголя (водка, коньяк, виски, ром и др.). Употребление напитков кустарного производства (домашнее вино, самогон, брага), а также медицинских и технических спиртосодержащих препаратов не оценивалось. Данные об объемах, частоте и структуре предпочитаемых напитков использовались для оценки уровня потребления чистого этанола. В качестве временного интервала измерения была принята одна неделя.

Основываясь на ответах респондентов относительно частоты потребления и разовой дозы потребления спиртных напитков, с помощью метода иерархического кластерного анализа были выделены четыре относительно однородных группы, характеризующиеся разными моделями алкогольного поведения. Первая группа — «абстиненты» — вобрала в себя тех участников опроса, которые употребляют алкоголь крайне редко (реже, чем раз в месяц) или не пьют вообще. Доля этой группы в общей совокупности опрошенных составила 35%. Вторая группа — «эпизодически пьющие» (54 %) — характеризуется сравнительно редкой частотой потребления (1–3 раза в месяц) относительно небольших доз алкоголя (менее 40 мл чистого этанола). Выраженных предпочтений в выборе предпочитаемых спиртных напитков в этой группе не выявлено. Третий кластер — «редко пьющие» (5 %) — включает тех, кто отметил умеренную частоту употребления алкоголя (раз в неделю), однако выпитые дозы алкоголя имеют ударный характер — 100 мл этанола и более. Еще одно отличие данной группы — практически одинаковая частота употребления пива и крепких спиртных напитков, зачастую — их сочетание. Респонденты, вошедшие в четвертую группу — «часто пьющие», отметили, что употребляют алкоголь (в основном пиво) не реже 3–4 раз в неделю, выпивая за раз около 80 мл этанола. Доля этой группы в общем массиве опрошенных составляет 6 %. Поскольку наполняемость третьего и четвертого кластеров оказалась невелика, для целей дальнейшего анализа была сформирована общая группа с условным названием «систематически пьющие».

Наличие влияния нормативных представлений на алкогольное поведение респондентов проверялось с помощью метода логистической регрессии. Было построено три модели (по числу анализируемых моделей поведения), каждая из которых оказалась достоверной (см. табл. 2). Однако, судя по значениям параметров качества, объяснительные возможности полученных моделей ограничены. Наиболее четко влияние рассматриваемых установок прослеживается в отношении полярных типов используемой классификации алкогольного поведения. Судя по значениям коэффициента Псевдо-R2 Найджелкерка, принадлежность к типу абстинентов и систематически пьющих определяется нормативными представлениями об алкоголе на 17 % и 14 % соответственно.

Принадлежность к абстинентному типу обусловлена неприятием алкоголя в качестве неотъемлемого атрибута современной жизни (фактор «имманентность алкоголя») и низкой актуализацией потребности в спиртных напитках. При этом значимость первой из указанных переменных существенно выше, чем второй. Модель поведения, предполагающая систематическое употребление алкоголя, обусловлена неприятием негативных медицинских последствий (фактор «риск потребления»), отказом от стереотипов, связанных с трезвым образом жизни (фактор «влияние стереотипов») и значительной ролью, которую они отводят алкоголю в собственной жизни. Оказалось, что принадлежность к типу «эпизодически пьющие» слабо связана с нормативными установками. Статистически значимые связи обнаружены лишь с одним из рассматриваемых предикторов — фактором «имманентность алкоголя». Но если в случае с абстинентным типом связь положительна (чем более выражено несогласие с суждениями, указывающими на высокую значимость алкоголя в жизни современного человека, тем больше вероятность его принадлежности к данному типу), то в случае с «эпизодически пьющими» связь — обратная.

Оценка уровня алкогольной зависимости производилась с помощью индекса, в основу которого были положены ответы респондентов относительно частоты проявления различных ситуаций, являющихся маркерами наличия проблем с алкоголем. Среди них: нахождение в состоянии опьяне-

ния в течение нескольких дней подряд, факты употребления алкоголя с целью избавления от похмелья, употребление алкоголя в одиночку, ощущение необходимости сократить количество потребляемого алкоголя, совершение нежелательных поступков в состоянии опьянения, просьбы близких ограничить выпивку. Каждая из ситуаций оценивалась по 3-балльной шкале: никогда; бывало, но очень редко; периодически случается. Согласованность признаков высокая — значение альфа Кронбаха составило 0,828. Увеличение значений индекса (от 1 до 10) свидетельствует о возрастании уровня алкогольной зависимости.

Таблица 2. Параметры логистических уравнений, оценивающих взаимосвязь нормативных представлений об алкоголе и моделей алкогольного поведения[4]

Переменная — предиктор	*Модель алкогольного поведения*					
	Абстиненты		*Эпизодически пьющие*		*Систематически пьющие*	
Количество наблюдений (n)	*902*		*902*		*902*	
	B	*Exp. B*	*B*	*Exp. B*	*B*	*Exp. B*
Имманентность алкоголя	0,280	1,324	-0,399	0,671		
Влияние стереотипов					-0,318	0,727
Риск потребления					0,229	1,258
Индекс актуализации потребности в алкоголе	-0,475	0,622			0,464	1,591
Константа уравнения	1,137	3,117	0,129	1,138	-4,292	0,014
Параметры качества моделей						
Отрицательный удвоенный логарифм функции правдоподобия	1036,16		1212,96		549,98	
Доля верных предсказаний	69,7		58,4		89,4	
Псевдо-R^2 Кокса — Снелла	0,12		0,04		0,07	
Псевдо-R^2 Найджелкерка	0,17		0,05		0,14	

Результаты проверки связей нормативных представлений с уровнем алкогольной зависимости представлены в табл. 3. Как видим, во всех случаях присутствуют статистически значимые связи. В отношении компонент установки к алкоголю (выделенных факторов) связи слабые (от 0,166 до 0,311 по абсолютным значениям), в отношении индекса актуализации потребности в алкоголе связь — умеренная (0,431).

Таблица 3. Связь нормативных представлений с уровнем алкогольной зависимости (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Характеристики нормативных представлений об алкоголе		*Индекс алкогольной зависимости*
Индекс актуализации потребности в алкоголе		0,431**
Компоненты установки в отношении алкоголя (факторы)	Имманентность алкоголя	-0,311**
	Влияние стереотипов	-0,190**
	Риск потребления	0,166**

Примечание: в таблице представлены регрессионные коэффициенты значимые на уровне $p < 0,01$

С учетом результатов, представленных в табл. 2 и 3, можно сделать вывод, что используемые методики измерения нормативных представлений в отношении алкоголя валидны и могут применяться для решения поставленных в исследовании задач.

Общие установки обследованной группы респондентов указывают на преимущественно негативное восприятие алкоголя. Большинство участников опроса не склонны полагать, что без алкоголя в современной жизни не обойтись (индекс «имманентность алкоголя» — 6,6), не согласны с бытующим мнением относительно трезвого образа

жизни (индекс «влияние стереотипов» — 7,6), хорошо осознают негативные последствия потребления алкоголя (индекс «риск потребления» — 7,8). В то же время среди респондентов довольно высок уровень спроса на спиртные напитки как средство удовлетворения определенных потребностей. Более половины опрошенных считают допустимым и достаточным поводом выпить в праздник, треть — в случае горя или неприятностей. Каждый шестой респондент мотивирует потребление усталостью или готов «принять» вообще без повода — «за компанию». Таким образом, налицо противоречие между декларируемым неприятием алкоголя и повседневными практиками, тесно связанными с его использованием.

Закономерно предположить, что социальные установки в отношении алкоголя будут иметь определенную специфику в различных социально-демографических группах. Действительно, формирование нормативных представлений — длительный процесс, опосредованный условиями, в которых происходит социализация личности. Большую роль здесь могут играть и гендерные, и межпоколенческие, и территориальные различия.

При проверке выдвинутых гипотез анализировались не сами индексы, а значения факторных нагрузок, соответствующих каждой из анализируемых компонент алкогольных установок. Этот подход позволяет более наглядно продемонстрировать различия нормативных представлений, характерных для той или иной группы. Отрицательные значения показателей свидетельствуют о том, что соответствующая группа давала более низкие оценки, чем в среднем, а положительные, наоборот, более высокие. Чем больше абсолютные отклонения от условного нуля, тем больше характеристики группы отклоняются от «среднестатистических».

Анализ диаграмм распределения признаков, характеризующих алкогольные установки респондентов, указывает на то, что различия в нормативных представлениях определяются в первую очередь гендерным фактором. Практически во всех возрастных группах ответы мужчин свидетельствуют о большей субъективной значимости, которую они придают алкоголю в сравнении с женщинами. Отмеченный факт хорошо согласуется с выводами об особенностях алкоголизации мужчин и женщин [4, с. 65]

Представители «сильного пола» больше склонны полагать, что алкоголь является неотъемлемым атрибутом современной жизни, сильнее подвержены влиянию стереотипов, провоцирующих нетрезвый образ жизни, чаще преуменьшают негативные медицинские последствия употребления спиртных напитков (см. рис. 1–3). Кроме того, большинство мужчин гораздо чаще женщин используют алкоголь в повседневных жизненных ситуациях см. распределение индекса потребности в алкоголе на рис. 4. Так, например, наши данные свидетельствуют, что мужчины заметно чаще обращаются к алкоголю для снятия психологического напряжения, в связи с печальными событиями или просто так «за компанию».

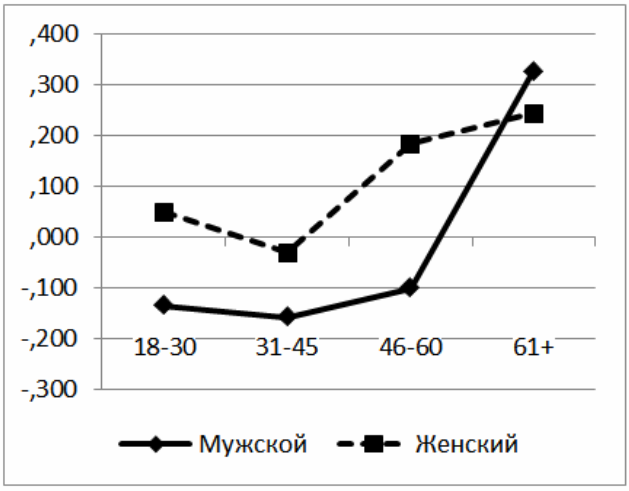


Рис. 1. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Имманентность алкоголя» в половозрастных группах

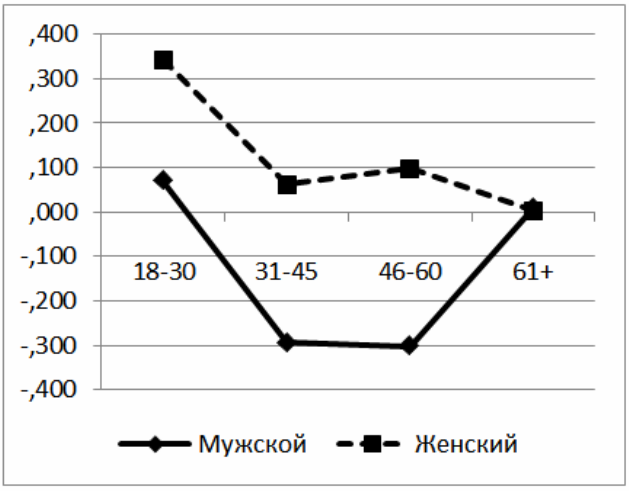


Рис. 2. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Влияние стереотипов» в половозрастных группах

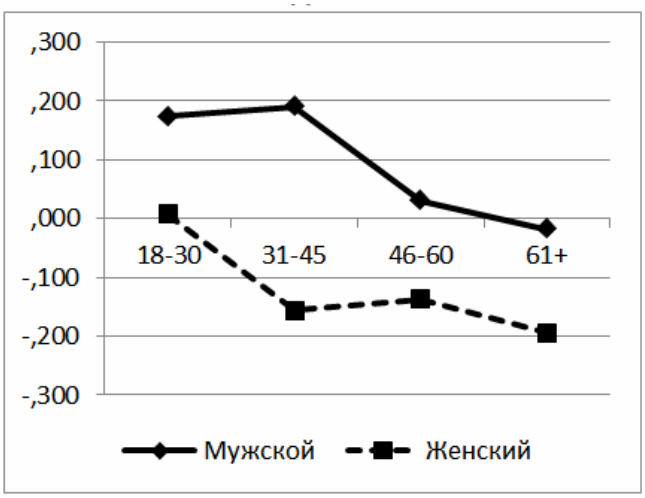


Рис. 3. Распределение средних значений нагрузок по фактору «Риск потребления» в половозрастных группах

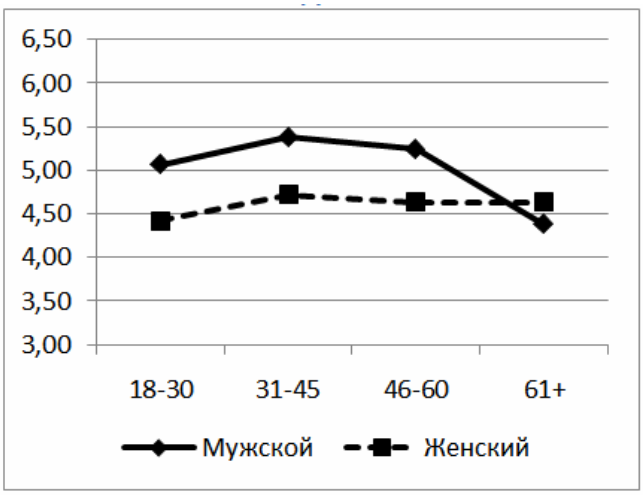


Рис. 4. Распределение средних значений индекса потребности в алкоголе в половозрастных группах

От описанной тенденции гендерных различий заметно отклоняются лишь мужчины пенсионного возраста. По трем из четырех анализируемых показателей (воздействие факторов «имманентность алкоголя», «влияние стереотипов», индекс потребности в алкоголе) их ответы указывают на более негативное отношение к алкоголю, чем у женщин соответствующего возраста.

Главной возрастной группой риска являются люди средняего возраста (от 31 до 45 лет). В указанной группе нормативные установки характеризуются наиболее толерантным отношением к алкоголю по всем показателям. Этот вывод одинаково справедлив и в отношении мужчин, и в отношении женщин (см. рис. 1–4).

Отмеченная возрастная специфика вызывает обоснованную тревогу как минимум в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, 31–45 лет — период наибольшей социальной и трудовой активности человека. Предрасположенность к злоупотреблениям алкоголем, которое провоцируется описанным характером нормативных установок, может привести к серьезным последствиям для самореализации и развития личности в будущем. Во-вторых, указанные возрастные границы совпадают с особым периодом в жизненном цикле семьи — воспитанием несовершеннолетних детей[5]. Проалкогольные установки родителей формируют аналогичное восприятие у подрастающего поколения, способствуя воспроизводству сложившейся алкогольной культуры и дальнейшему распространению алкоголизации.

Проведенный анализ не выявил существенных отличий в алкогольных установках жителей края, проживающих в разных типах населенных пунктов. Единственное отличие — заметно более выраженное осознание негативных медицинских последствий потребления спиртных напитков, которое зафиксировано среди горожан, проживающих за пределами краевого центра. Близость значений анализируемых показателей говорит о том, что нормативные представления в отношении алкоголя не связаны с уровнем урбанизации. По-видимому, развитие массовых коммуникаций, посредством которых транслируются культурные образцы, привело к унификации представлений о допустимых нормах поведения, связанных с потреблением алкоголя.

Основываясь на полученных результатах, можно сделать вывод, что сложившиеся в Пермском крае социокультурные условия в настоящее время не способствуют снижению остроты проблем алкоголизации населения. Существует явное противоречие между декларируемым отношением к алкоголю, которое носит преимущественно негативный характер, и довольно высоким социально обусловленным спросом на спиртные напитки. Употребление алкоголя продолжает оставаться частью повседневных ритуалов и коллективных привычек. Существенные изменения моделей алкогольного поведения на этом фоне вряд ли возможны.

Выявленные различия в нормативных установках свидетельствуют о неравномерном распределении рисков алкоголизации. Наши результаты подтверждают известные выводы о наличии мужского и женского паттернов алкогольного потребления. Собранные данные дополняют картину, поскольку касаются не только поведенческих, но и нормативных установок. Основную группу, находящую под угрозой, составляют жители края

в наиболее активном и трудоспособном возрасте — 31–45 лет. Среди представителей указанной возрастной группы (особенно среди мужчин) наблюдается наиболее толерантное отношение к алкоголю, их образ жизни подразумевает самое активное использование алкоголя как средства удовлетворения разнообразных потребностей.

Таблица 4. Характеристики нормативных представлений в отношении алкоголя в группах по месту жительства

Населенный пункт — место жительства	*Компоненты установки в отношении алкоголя (факторы) (среднее значение факторных нагрузок)*			*Индекс потребности в алкоголе (среднее значение по шкале 1–10)*
	«Имманентность алкоголя»	*«Влияние стереотипов»*	*«Риск потребления»*	
Крупный город	-0,026	0,037	0,072	4,9
Средний/малый город	0,088	-0,044	**-0,259**	4,6
Районный центр/село	0,033	-0,115	-0,081	4,9
Статистическая значимость различия средних значений (по тесту Краскела-Уоллиса)	0,472	0,273	0,002	0,343

Примечания

[1] Использовался факторный анализ, выполненный методом главных компонент с варимакс вращением, число факторов отобрано по числу собственных значений, превосходящих единицу.

[2] Индексы рассчитывались как среднее арифметическое из баллов, соответствующих каждой из реакций на суждения: 1 балл — «полностью не согласен», 2 балла — «скорее не согласен», 3 балла — «отчасти согласен, отчасти нет», 4 балла — «скорее согласен», 5 баллов — «полностью согласен». Полученные значения приведены к 10-балльной шкале для обеспечения сравнимости индексов.

[3] Предварительно проводился контроль согласованности ответов в каждой из предложенных респондентам ситуаций с помощью коэффициента альфа-Кронбаха. Значение коэффициента (0,843) свидетельствует о высокой согласованности оценок, что позволяет рассчитывать индекс на их основе.

[4] В таблице представлены регрессионные коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,05$.

[5] В нашей выборке 60% респондентов в возрасте 31–45 лет указали, что имеют несовершеннолетних детей. Тот же показатель в других возрастных группах существенно меньше — от 13 % до 29 %.

Список литературы

1. *Алкоголь* убьет 11 млн россиян за 15 лет. Доклад ООН. URL: http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=156166 (дата обращения: 20.01.2013).
2. *Заиграев Г.Г.* Пьянство в России как реальная угроза национальной безопасности // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 69–76.
3. *Заиграев Г.Г.* Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–84.
4. *Потребление* алкоголя в России. Социологический анализ. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. URL: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (дата обращения: 10.06.2012).
5. *Халтурина Д.А.* Алкогольная политика: мировой опыт и российские реалии. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/16206699/ (дата обращения: 15.11.2011).
6. *Campbell A.* Britain has a drinking problem, and it needs help // The Telegraph. 14.09.2013. URL: http://www.telegraph.co.uk/health/10309607/Britain-has-a-drinking-problem-and-it-needs-help.html (date of access: 28.09.2013).
7. *Heath D.* A critical review of the sociocultural model of alcohol use // National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism, Normative Approaches to the Prevention of Alcohol Abuse and Alcoholism. Rockville, 1980. P. 1–18.
8. *Tarter R.E.*, Schneider D. U. Models and theories of alcoholism // R.E. Tarter & A.A. Sugarman. Alcoholism: Interdisciplinary approaches' to an enduring problem. 1976. P. 75–106. Цит. по: *Amodeo M.*, Jones L. Kay Using the AOD cultural framework to view alcohol and drug issues through various cultural lenses // Journal of Social Work Education. 1998, Vol. 34. Issue 3. P. 387–400.

Получено 01.10.2014.

References

1. *Alkogol' ub'et 11 mln rossiyan za 15 let. Doklad OON* [Alcohol will kill 11 million Russians in 15 years]. Available at: http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=156166 (accessed 20.01.2013). (In Russian).
2. Zaigraev G.G. [Drinking in Russia as a real threat to national security]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2001, no 11, pp. 69–76. (In Russian).
3. Zaigraev G.G. [Alcoholism and drinking in Russia. Ways out of the crisis situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2009, no 8, pp. 74–84. (In Russian).
4. *Potreblenie alkogolya v Rossii. Sotsiologicheskij analiz* [Alcohol consumption in Russia. Sociological analysis]. Moscow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, 102 p. Available at: http://www.isras.ru/inab_2011_01.html (Accessed 10.06.2012). (In Russian).
5. Halturina D.A. *Alkogol'naya politika: mirovoj opyt i rossijskie realii* [Alcohol policy: international experience and Russian realia]. Available at: http://ecsocman.hse.ru/text/16206699/ (accessed 15.11.2011). (In Russian).
6. Campbell A. Britain has a drinking problem, and it needs help // The Telegraph. 14.09.2013. Available at: http://www.telegraph.co.uk/health/10309607/Britain-has-a-drinking-problem-and-it-needs-help.html (accessed 28.09.2013).
7. Heath D. A critical review of the sociocultural model of alcohol use // National Institute on Alcohol Abuse and Alcoholism, Normative Approaches to the Prevention of Alcohol Abuse and Alcoholism. Rockville, 1980. P. 1–18.
8. Tarter R.E., Schneider D. U. Models and theories of alcoholism // R.E. Tarter & A.A. Sugarman. Alcoholism: Interdisciplinary approaches' to an enduring problem. 1976. P. 75–106. Цит. по: *Amodeo M.*, Jones L. Kay Using the AOD cultural framework to view alcohol and drug issues through various cultural lenses // Journal of Social Work Education. 1998, Vol. 34. Issue 3. P. 387–400.

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

NORMS AND ATTITUDES TOWARD ALCOHOL CONSUMPTION IN THE PERM REGION

Elena B. Plotnikova, Igor A. Germanov, Konstantin A. Petoukhov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In paper are analyzed social norms and attitudes toward alcohol consumption in the Perm region. The gender and age differences of the attitudes are explored too. The authors argued that attitudes and real alcohol behavior are different. The specific risk of alcoholization in social and demographic groups are reviewed. Conclusions of some researchers about existence of man and female patterns of alcoholic consumption are confirmed. The main group of the region's inhabitants which is under the threat of alcoholization includes people in the most active age (31–45 years).

Key words: alcohol consumption; social norm; social attitude; alcoholism.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Плотникова Е.Б., Германов И.А., Петухов К.А. Риски алкоголизации и модели алкогольного поведения населения на региональном уровне // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 96–104.

Please cite this article in English as:
Plotnikova E.B., Germanov I.A., Petoukhov K.A. Norms and attitudes toward alcohol consumption in the Perm region // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 96–104.

УДК 316.74

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕВ СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)*

Сироткин Павел Федорович,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: spf@list.ru

Статья посвящена религиозному образованию и участию в данном процессе двух пермских протестантских групп: евангельских христиан-баптистов и христиан-адвентистов седьмого дня. Говоря о религиозном образовании, можно отметить, что знания играют здесь вспомогательную роль, в его основе лежит прежде всего воспитание путем культовых действий и формирования определенного образа жизни христианской личности, а также удовлетворение духовных запросов человека и его потребности в религиозном опыте. Важнейшая функция религиозного образования — ценностная: передача конфессиональной парадигмы и системы ценностей. Вне зависимости от позиции государства относительно религиозного образования сами конфессии уделяют ему много внимания. Проведенное исследование показало важность религиозного образования, выявило активное участие в процессе религиозного обучения пермских евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня.
Ключевые слова: религиозное образование; функции образования; евангельские христиане-баптисты; христиане-адвентисты седьмого дня; протестанты.

Образование — часть процесса формирования личности. При помощи этого процесса общество передаёт знания, навыки от одного человека другим. В процессе обучения у ученика формируется определённые культурные ценности; процесс обучения является частью процесса социализации, которая, как предполагал Нейл Смелзер, предполагает усвоение широкого круга ценностей, понятий и ожиданий, на основе которых складывается повседневная жизнь людей. Используя его функциональный подход и его определение образования («Образование можно определить как формальный процесс, на основе которого общество передает ценности, навыки и знания от одного человека или группы другим» [5, с. 427]), можно выделить основные функции образования в обществе:

– Ценностная. Позволяет воспроизводить и распространять социокультурные ценности как внутри, так и снаружи социально-политической системы.

– Контрольная. Закрепляет определенные социокультурные ценности и модели социального поведения, дает возможность примерить в игровой форме социальные роли и статусы.

– Стартифицирующая. Позволяет производить дальнейшее социокультурное распределение людей в соответствии с их способностями и достоинствами.

– Инвестиционная. Позволяет получить новое знание.

Данные функции системы образования являются обобщенными и имеют место как в светском, так и в религиозном образовательном процессе. Но для начала анализа именно религиозного образования следует развести схожие по восприятию образовательные процессы: религиозное образование и религиоведческое образование. Их роднит общий предмет изучения — религия как тип мировоззрения личности, особая сфера культуры и социальной жизни, что может внести некоторую путаницу.

Религиоведческое образование, несомненно, будет одним из элементов философского образования, является важной частью столь необходимой современному человеку системы гуманитар-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

© Сироткин П.Ф., 2014

ного знания. Не опираясь на ту или иную религиозную доктрину, оно позволяет применить научный подход к изучению социокультурных процессов в обществе, происходящих под воздействием того или иного религиозного вероучения, анализировать генезис и эволюцию религиозных доктрин, их социальную мимикрию.

Говоря о религиозном образовании, можно отметить, что знания играют здесь вспомогательную роль, в его основе лежит прежде всего воспитание при помощи культовых действий и посредством формирования определенного образа жизни. Согласно определению в «Большой советской энциклопедии» религиозное обучение и образование — система профессиональной подготовки служителей религиозных культов, специалистов-теологов, преподавателей богословия в духовных учебных заведениях и религиозное обучение населения [1].

Можно отметить, что эти два уровня религиозного образования, из которых более широкое — религиозное образование населения, в полной мере могут быть описаны с точки зрения функционального подхода Смелзера.

Важнейшая функция религиозного образования — ценностная, в религиозном образовании — это передача конфессиональной парадигмы и системы ценностей. В качестве господствующей культуры мы видим определенную конфессиональную субкультуру, основанную на религиозном мировосприятии окружающей реальности, а также на ритуальной культуре ценностей и социальной жизни. Как средство социального контроля религиозное образование формирует религиозные социокультурные ценности, закрепляет их в сознании человека и проявляется через усвоенные адептом модели социального поведения. В частности, в результате длительного нахождения адептов в религиозных организациях, имеющих свою субкультуру (церковь христиан-адвентистов седьмого дня, различные христианские церкви харизматической направленности), адепт полностью усваивает и принимает доктринальную систему ценностей данной организации и соотносит себя с тем поведенческим социальным стереотипом, который ему предлагает пастор по факту его воцерковления (инициации).

Можно отметить, что помимо усвоения и принятия религиозной системы ценностей адепт меняет и модель мышления. Она становится более контрастной, пропадает ряд социальных полутонов, ярче проявляются метки «свой-чужой». Контрольная функция религиозного образования закрепляет и требует воспроизводить усвоенное. Развитие человека в направлении, отличном от заданного религиозным обучением, не приветствуется. Ослабляется или исчезает критичность мышления. Появляется некая шаблонность в ответах на ряд социально значимых вопросов. Религиозное образование может использоваться миссионерами не только для укоренения основ веры, но и для вербовки новых верующих, для дальнейшего распространения религии среди представителей других вероучений или неверующих. Для этого в программы светских курсов включаются элементы религиозного вероучения. Как пример можно привести деятельность церкви саентологии, которая начинает знакомство со своим вероучением через различного вида светские семинары по развитию психологических или управленческих личностных качеств.

Рассматривая религиозное образование как некий элемент стратификации или как некий социокультурный фильтр, отметим, что оно позволяет в зависимости в первую очередь от интеллектуальных возможностей человека достичь различных результатов в религиозных духовных практиках и религиозной социальной среде (как пример подобного фильтра можно привести систему религиозного образования в действующих в Пермском крае совершенно различных по своему генезису буддистов алмазного пути (путь Каракагью) или церкви саентологии. У саентологов подъем адепта по духовно-социальной лестнице связан исключительно с прохождением очередного этапа обучения, а у буддистов алмазного пути зависит в первую очередь от длительности работы над собой, которая определяется количеством часов отработанных медитативных практик.

Инвестиционность религиозного образования гораздо шире, нежели инвестиционность светского образования, т.к. дает моментальный экономический эффект. В данном случае религиозное образование взрослых адептов религиозного культа имеет большую окупаемость, чем религиозное образование детей. Большинство религиозных организаций практикуют регулярные отчисления — пожертвования с доходов своих адептов. Среди действующих в Пермском крае 10 %-ное отчисление («десятина») жестко соблюдается у старообрядцев, иудеев-хасидов и у всех протестантов — баптистов, адвентистов, пресвитерианцев, пятидесятников; а также мормонов, свидетелей иеговы; по мере возможностей соблюдается (без определения конкретных сроков или процентов) у всех остальных конфессий. Согласно наблюдениям автора, наименьший финансовый взнос в свою

конфессию делают православные. Фактически в современном православии пожертвования носят рекомендательный, добровольный характер, не привязаны ни к сумме, ни к сроку пожертвований. Обязанность платить пожертвования появляется после прохождения адептом обряда инициации, которому обязательно предшествует более или менее длительный срок религиозного обучения. В частности, в пермской католической общине подобный курс введения потенциального адепта в католицизм, реализующийся на базе вечернего религиозного обучения при храме, занимает один год. Говоря о детском религиозном образовании, следует отметить, что здесь налицо отложенные инвестиции, которые необходимы для длительного существования вероучения.

Религиозное образование можно типологизировать.

Основные типы современного религиозного образования совпадают с типами светского образования: дошкольное религиозное образование, общее религиозное образование, профессиональное религиозное образование по различным направлениям и церковным специальностям (миссионеры, священники и пастора, руководители малых религиозных групп, иконописцы, чтецы Корана), т.е. тем специальностям, которые востребованы конфессией.

Вышеуказанные типы религиозного образования реализуются в различных учебных заведениях, занимающихся религиозным обучением: 1) центральные духовные учебные заведения, имеющие высокий внутриконфессиональный статус, готовящие профессиональных служителей религиозных культов и богословов, в том числе с присвоением конфессиональных ученых степеней и званий; 2) местные духовные конфессиональные учебные заведения, дающие начальные профессиональные конфессиональные знания и готовящие кандидатов на низовой уровень священства; 3) местные духовные школы церковноприходского типа, находящиеся в ведении местного духовенства (церковных приходов), дающие систематизированные знания в области определённого вероучения, например, в буддизме — монастырские школы, в мусульманском культе — мактабы и коранические школы при мечетях, в христианстве — духовные школы, духовные училища, катехизические школы при храмах, костёлах; 4) общеобразовательные начальные, средние и высшие школы, принадлежащие определённой религиозной организации, где наряду с другими государственными предметами изучается теология; 5) библейские кружки и курсы при религиозных общинах, дающие общие знания о выбранном вероучении и позволяющие проводить миссионерскую работу с вновь поступившими.

В основном религиозное образование дают религиозные учебные заведения, но бывают смешанные формы духовно-светских учебных образовательных заведений. Учредителями смешанных образовательных учреждений, действующих или имеющих возможность появиться на территории Пермского края, реализующих сразу светские и религиозные образовательные программы, могут выступать органы государственной власти и органы местного самоуправления муниципальных образований Пермского края, организации всех форм собственности и их объединения, частные лица, а также общественные и религиозные организации, зарегистрированные на территории конкретного субъекта Российской Федерации, в данном случае Пермского края. Так, в частности, к организациям, которые могут вследствие большого количества прихожан создавать и содержать подобные учебные заведения, относятся православные приходы Русской православной церкви Московского патриархата и Русской православной старообрядческой церкви, мусульманские мухтасибаты и махалля Центрального духовного управления мусульман России и Духовного управления мусульман европейской части России, некоторые протестантские и иудейские организации. Как пример можно привести действующую Пермскую православную гимназию, а также попытки создания в Пермском крае исламского профессионально-технического колледжа с дополнительным исламским образованием. Хотя при наличии финансирования может открыть учебное заведение и сравнительно небольшая религиозная организация, зарегистрированная официально.

Светская часть подобного обучающего цикла в соответствии с государственными образовательными стандартами обеспечивается государством и соответствующим образом проверяется, контролируется (лицензирование, аккредитация), а религиозная — основывается на утвержденных в соответствующем конфессиональном духовном управлении программах религиозного образования.

Доктор педагогических наук И. Метлик предлагает выделить три качественных признака образовательной деятельности в обществе, которые помогут уяснить содержание понятия «религиозное образование»:

1) организационно-правовая принадлежность образовательной деятельности — образовательного учреждения, образовательной практики в любой другой форме — к той или иной религиозной организации (конфессии);

2) содержание образования, образовательной деятельности, т.е. то, что изучается, какие знания преподаются и осваиваются;

3) мировоззренческая религиозная основа образовательной деятельности, учебного или воспитательного процесса [2].

Религиозное образование по организационной принадлежности осуществляется в организациях и учреждениях Русской православной церкви (церковное образование), в исламских, буддийских, иудаистских и других религиозных организациях и учреждениях, т.е. тех, которые учреждены религиозными организациями самостоятельно либо совместно с другими учредителями, признаны или контролируются ими каким-либо образом.

Религиозное образование по содержанию осуществляется с целью повышения объема, уровня и качества знаний человека о той или иной религии, религиозной культуре. Оно реализуется в обществе в организациях и учреждениях системы образования религиозных конфессий, в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в других социальных институтах, учреждениях и частными лицами, в соответствии с образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин.

Религиозное образование по мировоззренческому основанию осуществляется на мировоззренческой, духовно-нравственной основе той или иной религии, опирается на сложившееся в данной религиозной традиции мировоззрение и уклад жизни. Оно реализуется в организациях и учреждениях системы образования религиозных конфессий при изучении всех учебных дисциплин, в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в образовательной деятельности других социальных институтов, учреждений и частных лиц.

Основное в религиозном образовании — изучение содержания священных, канонических книг, в которых содержится система догматов определённого вероучения, выработанных на основании конфессиональной традиции и утвержденных высшими церковными инстанциями (соборами, папскими энцикликами и т.п.).

Исследования, проведенные автором в 2013 г. в среде пермских евангельских христиан-баптистов и христиан-адвентистов седьмого дня, свидетельствует о важности для верующего человека религиозного обучения. Апостольское послание гласит: «И вы, отцы, на раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении господнем» [4, с. 783].

С 2012 г. в 4-х классах всех средних школ России началось преподавание специального курса «Основы религиозных культур и светской этики». Подавляющее большинство респондентов оценили это новшество с положительной стороны, однако более 48 % евангельских христиан-баптистов и 31 % христиан-адвентистов высказали пожелание, что основам религии в школе необходимо обучать с учетом религиозных взглядов родителей. Связано это с тем, что выбор возможных модулей в курсе «Основы религиозных культур и светской этики» носит ограниченный характер. Школьник, а точнее — его родители имеют возможность выбрать только один модуль: «Основы светской этики», «Основы мировых религиозных культур», «Основы православной культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы исламской культуры». Понятно, что в связи с существенными расхождениями между догматикой православия и протестантскими деноминациями выбор протестантами модуля «Основы православной культуры» невозможен. Христиане-адвентисты и евангельские христиане-баптисты делали выбор между модулями «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур», при этом в интервью они отмечали, что данное начинание никак не повлияет на посещение их детьми субботних (у адвентистов седьмого дня) и воскресных (у евангельских христиан-баптистов) религиозных занятий при храмах.

Негативно респонденты относятся к обязательному государственному религиозному образованию. Только 6 % баптистов и 15 % адвентистов допускают, что в государственных школах можно преподавать «правильную» религиозную доктрину, в частности обязательное изучение православия. Подобное религиозное обучение распространено в большинстве стран Юго-Восточной Азии, где буддизм включен в программы всех общеобразовательных школ, а также в арабских странах Ближнего и Среднего Востока, где религиозное исламское образование является составной частью системы общего народного образования. Респонденты отмечают, что в подобных странах нередки случаи репрессий по религиозному признаку и подобное нежелательно для России.

24 % евангельских христиан-баптистов и 21 % адвентистов считают, что для сохранения нормальных благожелательных отношений между конфессиями необходимо в школе преподавать только культурологические аспекты мировых религий. Данная позиция соотносится с официальной позицией ряда христианских церквей, в частности церковь христиан-адвентистов седьмого дня считает, что «религиозное просвещение в образовательных учреждениях любого уровня должно осуществляться исключительно на добровольной основе, а учащиеся и их родители должны иметь право выбора конфессионального содержания религиозного обучения» [3, с. 157].

Одной из ошибок большинства респондентов является непонимание разницы между религиоведческим и религиозным образованием. Несмотря на то что школьные модули «Основ религиозных культур и светской этики» являются религиоведческими и культурологическим по сути, опрошенные считают введение их в школах началом государственного религиозного образования, в связи с чем около 10 % представителей обеих конфессий считают, что школа должна оставаться светской и всякое религиозное образование должно быть вынесено за пределы школьной программы.

Независимо от позиции государства относительно религиозного образования сами конфессии уделяют ему много внимания. При пермской церкви евангельских христиан-баптистов «Надежда» действуют регулярные библейские кружки (выполняющие функцию религиозной школы) для взрослых и детей, занятия в которых проводят как духовные лица церкви, так и волонтеры из протестантских стран Западной Европы и Северной Америки. Данные курсы помогают правильно понять основы веры, укрепить ее и при необходимости дадут основу дальнейшему религиозному образованию в своей церкви. С начала перестройки в Российской Федерации существуют два протестантских университета: Санкт-Петербургский христианский университет и Кубанский краснодарский христианский университет. Образовательные программы в этих университетах нацелены на профессиональную подготовку служителей церквей, однако в них могут учиться и верующие, желающие получить глубокие религиозные знания, но не предполагающие быть в дальнейшем пасторами и пресвитерами христианских церквей. Только 12 % опрошенных евангельских христиан-баптистов констатировали, что им достаточно знаний о своем вероучении и они не хотят их усугублять. Оставшиеся евангельские христиане-баптисты настроены на продолжение обучения, большая часть из них (около 50 %) посещают или в ближайшее время намерены посещать курсы религиозного образования при церкви, а 36 % активно занимаются религиозным самообразованием, используя для этого, в частности, ресурсы заочных библейских школ через Интернет. Нацеленность на получение новых знаний о своей конфессии у христиан-адвентистов седьмого дня дает немного иную картину религиозного образования. Адвентисты считают, что именно систематическое изучения Библии как основного духовного источника и книги основных знаний привело к появлению их вероучения. Только 3 % опрошенных заявили, что им достаточно знаний о своем вероучении и они не хотят усугублять, дополнять свои религиозные знания. Все остальные респонденты ответили, что они постоянно задействованы в церковных учебах. На богослужениях пасторский состав регулярно напоминает верующим о необходимости пополнять свои библейские знания, а также изучать книги Елены Уайт и иных авторов христиан-адвентистов седьмого дня. В результате около 60 % христиан-адвентистов систематически занимаются религиозным самообразованием, из них более половины дополнительно посещают различные церковно-приходские занятия в библейской школе. Около 30 % довольствуются только субботними религиозными занятиями в церкви, общаясь на них со священнослужителем или анализируя библейские тексты совместно с другими прихожанами.

При этом прихожане протестантских церквей склонны читать только рекомендованную священнослужителем литературу, считая неправильным относиться к вероучению критически. Читать критическую литературу иных конфессий, посвященную баптизму или адвентизму, отказались 100 % евангельских христиан-баптистов и 86 % христиан-адвентистов седьмого дня.

Мало среди пермских протестантов сторонников светских школ. В частности, только около 10 % опрошенных протестантов считают, что школа должна оставаться светской, а всякое религиозное образование должно быть только за пределами школы.

В заключение можно отметить, что исследование показало важность и востребованность религиозного образования и его институтов в жизни и социализации верующего человека, помогая ему создать свой сугубо конфессиональный взгляд на существующий миропорядок. Религиозное образование невозможно без верующего человека, оно

закрепляет и поддерживает его, формирует как в случае с евангельскими христианами-баптистами или адвентистами седьмого дня христианскую личность, удовлетворяет духовные запросы человека и его потребности в религиозном опыте.

Список литературы

1. *Большая* советская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse (дата обращения: 22.09.2014).
2. *Метлик И.В.* Изучение религии в системе образования. URL: http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116 (дата обращения: 23.09.2014).
3. *Основы* социального учения Церкви Христиан адвентистов седьмого дня России. М.: Источник жизни, 2009. 288 с.
4. *Послание* к Ефесянам апостола Павла. 6:4 // Библия. Синодальное издание. 2008. 959 с.
5. *Смелзер Н.* Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1998. 688 с.

Получено 01.10.2014.

References

1. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Available at: http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse. (Accessed 22/09/2014)/ (In Russian).
2. Metlik I.V. *Izuchenie religii v sfere obrazovaniya* [Studying of religion in education system]. Available at: http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116. (Accessed 23.09.2014). (In Russian).
3. *Osnovy sotsial'nogo ucheniya Tserkvi Hristian adventistov sed'mogo dnya Rossii* [Basics of social church doctrine of Christians seventh-day Adventists in Russia]. Moscow, Istochnik zhizni Publ., 2009, 288 p. (In Russian).
4. [The Epistle of Paul the Apostle to the Ephesians. 6:4] *Bibliya. Sinodal'noe izdanie* [The Bible. Synodal Edition]. Synodus Publ., 2008, 959 p. (In Russian).
5. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Feniks Publ., 1998, 688 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

RELIGIOUS EDUCATION IN MODERN MULTI-RELIGIOUS SPACE (SOCIO-CULTURAL ASPECT)

Pavel F. Sirotkin

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is devoted to religious education and participation in this process two Perm Protestant groups: Evangelical Christians-Baptists and Christians, seventh-day Adventists. Speaking of religious education can be noted that knowledge play a supporting role here, it is based, first of all, education through religious actions and create a specific lifestyle of a Christian person, as well as the satisfaction of spiritual needs of man and his needs in the religious experience. The most important function of religious education and values in religious education carries the transmission of religious paradigms and value systems. Regardless of the position of the government towards the question of religious education themselves confessions pay much attention to these issues. The study showed the importance of the existence of religious education and active participation in the process of religious education of the Perm Evangelical Christians-Baptists and seventh-day Adventists.

Key words: religious education; educational functions; evangelical christians-baptists; Christians seventh-day Adventists; protestants.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Сироткин П.Ф. Религиозное образованиев современном поликонфессиональном пространстве (социокультурный аспект) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 105–110.

Please cite this article in English as:
Sirotkin P.F. Religious education in modern multi-religious space (socio-cultural aspect) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 105–110.

УДК 316.356.2

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Хачатрян Людмила Александровна,
кандидат социологическуих наук, доцент,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: hachatryan46@mail.ru

Семья — важнейший социальный институт, функционирование которого обусловлено действием определенных тенденций, имеющих конкретно-исторический характер. Российская семья под влиянием современных тенденций претерпевает серьезные изменения, последствия которых имеют значение как для самой семьи, так и для общества в целом. В данной статье рассматриваются тенденции изменения семьи в России и особенности их проявления в Пермском крае. Выделены положительные и отрицательные стороны фактического брака, который выступает новой социальной нормой в современном российском обществе. Отмечены закономерности в изменении половых ролей в семье и браке. На основании статистических данных и результатов социологических исследований обозначена тенденция разделения супружества и родительства. Описаны социальные проблемы, обусловленные снижением рождаемости и нарастанием численности лиц, отказывающихся от брака и семьи.
Ключевые слова: формы брака; развод; безбрачие; нуклеарная семья; супружеская семья; рождаемость.

Современная семья, которую западные социологи определили как эгалитарную, в развитых странах сложилась примерно к середине XX в., вытеснив патриархальную семью. Патриархальная семья в течение длительного времени была «идеальным типом» для общества, ее функционирование обеспечивалось совокупностью отношений супружества – родительства – родства. Но эгалитарная семья в течение длительного времени сочетала в себе признаки патриархальной и новой семьи. Анализом развития брака и семьи занимались ведущие социологи XX в. Американский исследователь Э. Корниш выделил семь тенденций в развитии американской семьи. Их содержание и противоречивость показал Н. Смелзер. Предсказывая будущее советской семьи, А.Г. Харчев выделил одиннадцать тенденций ее развития [16, с. 321–323]. Но к настоящему времени только две из них оказались действующими.

Функционирование современной семьи доказывает, что многие изменения, происходящие в ней, коснулись прежде всего отношений супружества, родительства и родства, т.е. тех элементов, которые ранее скрепляли семью в единое целое. Происходящие в настоящее время в семье и с семьей противоречивые процессы заставили ученых сделать вывод о том, что институт семьи находится в глубоком кризисе, а в развитии семьи появились новые тенденции, которые имеют серьезные социальные последствия и для семьи, и для общества в целом.

Прежде всего необходимо выделить тенденции изменения брака, который служит основой, фундаментом для семьи и определяет содержание супружества.

Примерно с середины прошлого века исследователи обратили внимание на то, что во многих развитых странах происходило сокращение численности браков, что сопровождалось сокращением числа семей.

Основу семьи составляет супружеская пара, состоящая из мужчины и женщины, заключивших брак. Брак — это социальный институт, который упорядочивает и реализует *естественную* потребность человека в продолжении рода. Он представляет собой особый культурный феномен, определяющий более или менее постоянный союз между партнерами и обеспечивающий легитимность их потомства [2]. В научной литературе приводятся разные определения брака. В английской социологии брак определяется как социально признанный и одобренный союз полов между двумя взрослыми индивидами [3, с. 134].

© Хачатрян Л.А., 2014

В отечественной социологии под браком понимается исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу, к детям и к обществу. Но с учетом изменений, происходящих в современном браке, данное определение было уточнено: брак — это союз мужчины и женщины, имеющий религиозное или гражданское оформление, отвечающий человеческой природе и служащий продолжению рода, рождению и воспитанию детей [2, с. 31].

В развитых странах уже с середины прошлого века наблюдается тенденция *снижения числа официальных браков и нарастания союзов в форме сожительства*. Российские демографы и социологи обращали внимание на этот процесс в 80-е гг. XX в. и подчеркивали, что он продолжается и в XXI в. Так, в России только за период с 2002 по 2010 г. число супружеских пар уменьшилось на 1 млн. и составило 33 млн. В Пермском крае на 1000 тех, кто отметил состояние в браке, в 2002 г. приходилось 595 мужчин и 497 женщин, а в 2010 г. — 559 и 472, что подтверждает тенденцию сокращения брачных пар [7].

Одновременно с сокращением численности официальных браков росла численность внебрачных сожительств, которые активно распространялись в Европе со второй половины прошлого века. Например, в конце XX в. в Великобритании каждый пятый из когорты неженатых мужчин и незамужних женщин в возрасте от 16 до 59 лет сожительствовал со своим партнером [9, с. 36].

Специалисты в области исследования семьи и брака, пытаясь разобраться в сущности происходящего, пришли к выводу, что данную практику можно рассматривать как «пробный брак» для пары, собирающейся вступить в брак. Но далеко не все пробные брака заканчивались церемонией заключения брака официального. Все чаще учеными стал употребляться термин «фактический брак» или «консенсуальный брак», на долю которого в современной Европе приходится 70 % числа всех браков. В России в незарегистрированном браке в 2010 г. состояли 4,4 млн. (13%) семейных пар, что было на 3% больше, чем в 2002 г. Сравнение результатов двух последних переписей населения позволило участникам Российской научно-практической конференции отметить, что страна приближается «…к европейскому уровню, когда треть репродуктивной молодежи будет отказываться от законного брака» [1, с. 405]. В Пермском крае из 1000 чел., указавших состояние в браке, в 2002 г. в фактическом браке проживали 111 мужчин и 91 женщина, а в 2010 г. 142 и 114 соответственно [7].

Российской реальностью становится утверждение фактического брака в качестве новой социальной нормы, определяющей новые стандарты поведения человека и границы допустимого и недопустимого, приемлемого и запрещенного, должного и недолжного в браке. Задача социальной нормы состоит в обеспечении целостности и жизнеспособности социального института. О том, что данная норма состоялась, свидетельствует то, что ни со стороны родственников, ни со стороны соседей живущие в фактическом браке не встречают осуждения. На бытовом уровне фактический брак получил название гражданского, а супруги представляются понятиями «гражданская жена» и «гражданский муж».

Популярность и темпы распространения фактического брака поставили перед исследователями задачу — выявить положительные и негативные стороны фактического брака. Положительными сторонами были признаны следующие характеристики: меньшее количество ссор; сохранение у «супругов» ощущения свободы, т.к. нет штампа в паспорте; наличие времени и возможности «притереться» друг к другу; сожительство не обременяется претензиями на наследство и др. Но в то же время исследователи подчеркивают, что для некоторых пар сожительство действительно является пробным браком, т.к. после рождения ребенка они заключают официальный брак.

Однако фактический брак имеет и негативные стороны, имеющие серьезные последствия для функционирования общества. Женщина, стараясь удержать мужчину, часто отказывается от материнства либо рожает только одного ребенка. В семье, основанной на браке-сожительстве, почти не формируются свои семейные традиции, что отрицательно сказывается на функциях семьи и на формировании семейного образа жизни. Подобные союзы держатся, как правило, на страсти, а она может быстро угаснуть; при появлении трудностей возникает самое простое решение — разойтись.

Сегодня в России наблюдается удивительный парадокс. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в стране замужних женщин было на 65 тыс. больше, чем женатых мужчин. Еще в 1989 г. эта разница составляла 28 тыс. чел. Социологи этот феномен объясняли тем, что

90 % женщин, живущих в фактическом браке, считают себя замужними, а 72 % мужчин — холостыми. К 2010 г. ситуация коренным образом изменилась. По данным переписи 2010 г. женатых мужчин уже насчитывалось на 51 198 чел. больше, чем замужних женщин, и даже в незарегистрированном браке мужчин оказалось на 13,8 тыс. больше, чем женщин [6]. В Пермском крае ситуация с замужними и женатыми осталась прежней: в 2010 г. замужних женщин оказалось на 222,9 тыс. больше, чем женатых мужчин, а женщин, находившихся в незарегистрированном браке, больше, чем мужчин, на 2729 чел. [6].

Во многих странах закон признает, что люди, живущие вместе, но не заключившие брак, должны иметь те же права, что и брачная пара. В России проблемы, возникшие после распада фактического брака, например алименты на детей, решаются через суд.

Кроме фактического брака в современном обществе проявляется тенденция к распространению *множества новых форм брачных союзов*: гостевого, конкубината, открытого брака, бизнес-брака, творческого союза, полигинии, группового брака, однополых сожительств, виртуального брака и т.д., что приводит к изменению содержания феномена супружества. Социологи и психологи пытаются выделить плюсы и минусы подобных браков, но серьезных, глубоких исследований пока не проводится.

Например, существует мнение, что в России в XXI в. самым популярным станет гостевой брак. Для этого существуют объективные факторы: место жительства и место работы гостевых супругов разделены большими расстояниями; они не хотят лишаться собственного жилья; желают сохранить определенную независимость и др. Опыт функционирования подобного брака показывает, что для супругов он привлекателен тем, что не «заедает» быт; в нем нет борьбы за главенство в семье; каждую встречу супруги превращают в праздник; не портятся добрые отношения друг к другу; у каждого супруга сохраняется своя территория свободы. Но у «гостевого» брака имеются и минусы: брак часто бывает бездетным или малодетным, что негативно влияет на процесс воспроизводства населения России.

В современном обществе наблюдается феномен старения молодоженов, что является результатом действия тенденции *повышения возраста вступления в первый брак*. Супругами юноши и девушки становятся в более позднем возрасте, чем их родители, в первый брак молодые вступают в возрасте 28 лет и старше. Данную тенденцию однозначно оценить невозможно. С одной стороны, в брак вступают социально зрелые люди, получившие профессию, успешно делающие карьеру и способные содержать себя и детей. С другой стороны, в таком браке первый ребенок у женщины появляется примерно в 30 лет. Но известно, что более здоровые дети рождаются у женщины в возрасте 20–24 лет. Кроме того, первый ребенок, рожденный женщиной в возрасте 28–30 лет, бывает и последним, поскольку после 30 лет большинство россиянок второго ребенка, как правило, не рожает.

Тенденцией, особенно активно проявляющейся в последние 10 лет, является *увеличение разницы в возрасте* вступающих в брак мужчины и женщины. Демографы отмечают, что в современном обществе большая часть браков — это браки ровесников, где разница в возрасте супругов не более трех лет. Но в России браки ровесников составляют 40 % от числа всех браков. В стране нарастает тенденция заключения неравных по возрасту браков. Примерно в 15 % браков невеста младше жениха на 5 и более лет, но более быстрыми темпами растет количество браков, в которых невеста младше жениха на 15 и более лет. Объяснение наблюдаемому явлению нашли психологи: невеста в своем женихе желает видеть не только мужа, но и отца. Социологи выделили социальные причины данного феномена, отметив, что часть таких невест пытается удовлетворить свои материальные запросы, выходя замуж за человека, уже достигшего определенного социального статуса и материального благополучия.

Второй стороной данной тенденции является рост числа браков, в которых жена старше мужа на семь и более лет. Данные статистики утверждают, что четверть женщин в возрасте старше 30 лет и около 40% женщин старше 40 лет выходят замуж за мужчин моложе себя. Более быстрыми темпами в этой брачной когорте растет доля тех браков, где жена старше мужа на 10–20 и более лет. Сегодня это каждый седьмой заключаемый брак, по прогнозам социологов и демографов, скоро будет каждый пятый.

Интересное объяснение данному явлению нашли психологи: в тот или иной период развития общества в нем преобладают определенные типы мужа и жены. Социологи и психологи пришли к выводу, что в начале XX в. в обществе преобладал тип «муж – отец», в середине XX в. — тип «муж – ровесник», на рубеже XX–XXI вв. — тип «муж – ребенок». Поэтому сего-

дня мужчины все чаще предпочитают брать в жены более взрослых, успешных в карьерном плане женщин, т.к. им нужна в большей степени жена – мать. Молодые люди сами нуждаются в защите, не готовы проявлять ее сами и брать на себя ответственность за жену и детей.

Во второй половине XX в. исследователи семьи обратили внимание на *изменение половых ролей в браке*. Половые роли связаны с разделением труда, правами и обязанностями мужчин и женщин. В течение длительного времени роль мужчины в семье определялась тем, что он был добытчиком, кормильцем, собственником жены и детей, что обеспечивало ему главенство в семье; жена же должна была быть хорошей хозяйкой, хранительницей домашнего очага, воспитательницей своих детей. С индустриализацией и демократизацией общества роль женщины в обществе и семье кардинально изменилась. Она вышла за рамки семьи, стала активно включаться в производственную и политическую деятельность.

Американские исследователи увидели некоторые закономерности в изменении половых ролей в браке. По их выводам в современной семье у супругов должно быть две роли: инструментальная и экспрессивная. Первая сводится к поддержанию связи семьи с внешним миром — это работа и обеспечение семьи деньгами, т.е. роль главы семьи. Вторая предполагает регулирование взаимоотношений внутри семьи [14, с. 353], т.е. эта роль принадлежит женщине.

Супружеские роли — это роли, выполняемые состоящими в браке мужчиной и женщиной с особым акцентом на разделение домашних обязанностей [9, с. 470]. Как правило, в семье, где муж имеет престижную и высокооплачиваемую работу, а жена занимает должность с низким престижем и низкой оплатой, домашние дела обычно выполняет жена. Если уровень образования жены выше, чем мужа, возрастает тенденция к равномерному распределению домашней работы между супругами. Отмечено, чем выше заработок жены по сравнению с доходом мужа, тем большую власть она приобретает в семье, возрастает ее роль в принятии решений, касающихся семейных дел [9, с. 344].

В российской семье все чаще женщина становится главой семьи, именно она принимает решения, важные для всей семьи. Данное явление можно объяснить тем, что жена часто имеет образование не ниже и даже выше, чем образование мужа, у нее престижная, хорошо оплачиваемая профессия, а также значительно вырос в семье авторитет матери. Но, возлагая на себя мужские роли, женщина вынуждена оставить за собой и традиционные женские роли, а мужчина «позволяет» ей это.

В традиционном обществе развод был редким явлением. Но со второй половины 40-х гг. XX в. во всех развитых странах появилась новая тенденция в функционировании брака — *нарастание числа разводов*. Например, в 1991 г. в Великобритании на каждые два брака уже приходился один развод [9, с. 36].

Сегодня исследователи пришли к выводу, что развод составляет оборотную сторону брака, они выделили ряд общих для многих стран черт разводов. Было отмечено, что вероятность развода выше в так называемые пики разводов, т.е. это 1, 7, 17, 27 годы брака; она выше в браке, заключенном до совершеннолетия; в браке, стимулированном добрачным зачатием; браке бездетном; а также в том, где не было нацеленности на пожизненный брак, где у родителей хотя бы одного из супругов был развод, что подтверждается частотой разводов в данных типах брака.

В Российской Федерации 9 % мужчин и 13 % женщин в возрасте от 40 до 54 лет прошли через развод. Динамику разведенных и разошедшихся можно проследить по данным двух переписей населения РФ: в 2002 г. в браке состояло 118,7 млн. россиян, а разведенных официально и разошедшихся было 11,2 млн.; в 2010 г. число состоящих в браке увеличилось до 119,7 млн., а число разведенных и разошедшихся сократилось до 9,8 млн. [7]. В Пермском крае на 1000 чел., указавших состояние в браке, в 2002 г. приходилось разведенных официально и разошедшихся 164 чел., в 2010 г. — 170 чел. [7].

Превращение развода в атрибут брака повлекло за собой расширение *практики заключения повторного брака*. Английские социологи отметили, что в конце прошлого века в Великобритании более трети браков были повторными, тогда как в 60-е гг. таких было менее одного на 10 браков [9, с. 36].

Российские социологи подчеркивают, что общество заинтересовано в том, чтобы люди жили в браке. Но реальность такова, что на брачном рынке наблюдается деформация, от которой в большей степени зависит положение женщины. Вероятность заключения повторного брака минимальна для женщин, имеющих детей, а также для женщин старше 40 лет.

Изменения брака отражаются на семье, вызывая в ней изменения. Семья — это одна из пер-

вых форм организации социальной жизни, предполагающая наличие брачного союза между мужчиной и женщиной, кровное родство между родителями и детьми, а также их определенные права и взаимные обязанности по отношению друг к другу. По определению английских социологов, семья — это группа людей, члены которой имеют кровнородственные связи, и взрослые несут ответственность за воспитание детей [3, с. 134]. Их американские коллеги под семьей понимают основанное на кровном родстве браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме [14, с. 424]. Изменения, происходящие в современной американской семье, дали повод калифорнийской исследовательской группе внести в это определение поправку: семья — это группа лиц, которые любят друг друга, заботятся друг о друге. В отечественной социологии семья определяется как основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. Каждая семья рассматривается как определенный, особый социальный микромир со своим набором норм, ценностей и отношений между ее членами.

В современном российском обществе наблюдается тенденция *сокращения численности семей и упрощение ее состава*. По итогам последней советской переписи населения (1989 г.) в России насчитывалось 40 246 тыс. семей, в 2002 г. их стало больше — 41 659 тыс., а в 2010 г. вновь отмечено хотя и небольшое, но сокращение — до 40 665 тыс. Сократилось число семей и в Пермском крае. В 2002 г. насчитывалось 819 095 семей, а в 2010 г. — 75 7521 семья [7]. Уменьшался и средний размер семьи: по данным переписей населения в 1959 г. семья состояла в среднем из 3,65 чел., в 1970 г. — 3,54 чел.; в 1979 г. — 3,27 чел.; в 1989 г. — 3,23 чел.; в постсоветский период средний размер семьи продолжал сокращаться: в 2002 г. — 3,2 чел.; в 2010 г. — 3,1 чел. [13].

Индустриальная стадия в развитии общества сопровождалась распадом больших, сложных, многопоколенных семей и появлением семей нового типа. Американские социологи заговорили о тенденции *нуклеаризации семьи*. Данный термин к семье впервые применил американский социолог Ж.П. Мурдок в 1949 г. Функционалисты рассматривали нуклеарную семью как базовый, универсальный тип структуры семьи. Т. Парсонс полагал, что нуклеарная семья пришла на смену расширенной семье в качестве доминирующей в индустриальных обществах, как более соответствующей, т.е. в наибольшей степени отвечающей общественным потребностям [9, с. 267].

В развитых обществах нуклеарные семьи стали преобладать примерно в 1960-е гг., а во второй половине XX в. нуклеарная семья окончательно утвердились как новая социальная норма. Отличительными признаками нуклеарной семьи являются небольшое количество ее членов: муж, жена и один-два ребенка; соответственно более простая структура, ограниченное количество внутрисемейных и семейно-родственных связей, более демократические принципы организации семейной жизни, рост автономии поколений, ослабление межпоколенных связей. Сегодня нуклеарная семья стала основным типом семьи в развитых странах.

Как показала Всероссийская перепись населения России 2010 г., в России из общего числа семей нуклеарными являются 28,6 % семей; в Пермском крае — 42,1 % [15].

В функционировании современной семьи проявляется тенденция *разделения супружества и родительства*, что подтверждается увеличением в семейной структуре общества доли семей, где есть супружество, но нет родительства.

Понятие супружества складывалось постепенно, но оно всегда было связано с понятием «брак». Социологи увидели в супружестве особый вид социальных отношений, которые возникают в результате вступления в брак мужчины и женщины. Еще О. Конт отмечал, что супружество по сути является началом социальной жизни.

В 2002 г. супружеских семей в стране насчитывалось 11,6 млн., а в 2010 г. их число возросло до 12,4 млн. В Пермском крае число супружеских семей за межпереписной период также возросло почти на 14 тыс., т.е. с 27,2 % до 31,25 % общего числа семей [15].

С одной стороны, отсутствие детей у супругов может быть обусловлено биологическим фактором, т.е. бесплодием. В период преобладания в обществе патриархальных семей отсутствие детей в семье пытались объяснить женским бесплодием. В современном обществе исследователи репродуктивного поведения обратили внимание на то, что бесплодие сегодня бывает не только женским, но и мужским, по их рекомендациям разработаны программы решения данной проблемы. Социологов и демографов сегодня беспокоит то, что растет число супружеских пар, сознательно отказываю-

щихся от родительства. За период с 2002 по 2014 г. доля бездетных супружеских пар выросла с 27,8 % до 30,2 % [7]. В Пермском крае — с 27,2 % до 31,2 % соответственно [14]. Опрос, проведенный ВЦИОМ, выявил, что 60% россиян и не собираются иметь детей [12].

В стране все большую популярность приобретает движение Childfree, зародившееся на Западе. Участники движения представлены мужчинами и женщинами в возрасте 20–40 лет, имеющими высшее образование, владеющими не одной профессией [12].

Социологи вскрыли социальные причины, по которым супруги отказываются от родительства. Произошедшие в России экономические и политические перемены отразились на содержании социальных отношений. В семье супружеские и личные интересы стали преобладать над родительскими. А тот, кто вырос в неполной семье, особенно в детском доме, даже и не знает, что значит быть родителем.

Второй стороной процесса разделения супружества и родительства является увеличение количества семей, где есть родительство, но нет супружества. Социологическую обусловленность родительства впервые определил И. Кон. Он предложил рассматривать родительство как систему взаимосвязанных явлений, включающую родительские чувства; специфические родительские роли и нормативные предписания культуры; родительское поведение. В настоящее время исследователи пришли к выводу, что родительство является социальным институтом, объединяющим институты отцовства и материнства [10, с. 5]. Функционирование института родительства обеспечивается рождением детей.

Родительство без супружества реализуется в неполных семьях, увеличение доли которых в семейной структуре общества наблюдается в большинстве развитых стран. Многие европейские исследователи связали данную тенденцию с окончанием Второй мировой войны. Так, в Великобритании в 1961 г. 2,5 % семей были неполными, а в 1992 г. их доля выросла более чем в четыре раза и составила 10,1 % [9, с. 252]. В России в 1979 г. на их долю приходилось 14,7 % всех семей, 1989 г. — 15,2 %, в начале XXI в, т.е. в 2002 г. — 21,7 %, а в 2010 г. — 21,0 %.

Чаще всего неполные семьи представлены матерью с детьми. Так, в России доля семей «мать и дети» выросла с 26,8 % (2002 г.) до 28,9 % (2010 г.); в Пермском крае с 43,7 % до 54,2 % от числа семей, в которых есть дети. В РФ растет и доля семей «отец и дети» с 3,3 % (2002 г.) до 3,7 % (2010 г.); в Пермском крае — с 5,06 % до 5,4 % соответственно [7, 14].

Неполная семья возникает в результате четырех демографических событий: развод супругов, смерть одного из супругов, внебрачное рождение ребенка, усыновление ребенка.

Прежде всего следует отметить, что развод имеет серьезные социальные и демографические последствия. Предчувствуя развод, женщина воздерживается от рождения детей или ограничивается рождением одного ребенка. После развода в обществе образуется множество семей с одним родителем (чаще всего с матерью), женщина становится главой неполной семьи, растит и воспитывает имеющегося у нее ребенка, не реализуя полностью своей репродуктивной функции.

Развод приводит к странной ситуации, когда отцы воспитывают чужих детей. Реальность такова, что 80 % российских отцов ограничивают свои отцовские обязанности выплатой алиментов, а 10 отцов из 100 скрываются от собственных детей. И только 10 % разведенных отцов готовы и согласны нести ответственность за судьбу ребенка, активно участвуют в его воспитании. Стоит отметить и следующую зависимость: 8 из 10 неблагополучных детей, состоящих на учете в детской комнате милиции, растут в неполных семьях [8].

Неполной семья становится после смерти одного из супругов. В российском обществе отмечен крайне высокий уровень смертности мужчин трудоспособного возраста. И часто это происходит именно тогда, когда надо содержать и воспитывать детей.

Особое внимание социологов привлекли неполные семьи, возникшие в результате *внебрачной рождаемости*, *рост* которой наметился со второй половины 1960-х гг. По данным статистики в экономически развитых странах вне брака в 2000–2008-е гг. появилось примерно 42 % детей. К 1992 г. в Великобритании внебрачным являлось каждое третье рождение (31 %) [9, с. 46].

В России вне брака появилось на свет: в 1980 г. — 10,8 % младенцев, в 1990 г. — 14,6 %, в 2002 г. — уже до 30 % всех новорожденных, а в 2010 г. — примерно каждый третий ребенок был рожден вне брака. Особенно быстрые темпы увеличения внебрачных рождений детей наблюдались у очень молодых женщин. В 1960-е гг. внебрачная рождаемость в этой когорте россиянок составляла примерно четвертую часть родов в возрасте женщин до 20 лет [16, с. 191]. Британские социологи отмечают, что в общем числе

рождений детей женщинами в этом возрасте 83,8 % — это внебрачные рождения. В группе женщин в возрасте 20–39 лет вне брака появлялось 27,4 % от числа детей, рожденных в этой группе [9, с. 46]. Внебрачное рождение ребенка очень молодой россиянкой чаще всего является результатом случайного зачатия, что приводит к увеличению детей, воспитывающихся в детских домах. Рождение ребенка женщиной в возрасте 35–40 лет свидетельствует о том, что она готова к сознательному материнству, для нее — это способ создания семьи, пусть и неполной.

В последние годы отечественные социологи отметили, что вне брака могут появляться не только первые, но и вторые и даже третьи дети.

Неполная семья возникает и в результате усыновления, правда, это не столь частое явление в нашем обществе. Но часть женщин, которые не «успели, забыли» вовремя создать свою семью либо не могут иметь собственного ребенка, решают проблему тем, что берут из детского дома ребенка.

Важнейшей функцией семьи является репродуктивная, которая в современных условиях подвергается серьезной деформации, что влечет за собой социальные и демографические последствия.

Тенденция к *снижению рождаемости в России* была отмечена еще в 1960-е гг., о чем свидетельствовало снижение общего числа новорожденных и количество детей, рожденных женщиной за репродуктивный период. Урбанизация, индустриализация, изменение положения женщины в обществе способствовали появлению и утверждению новой социальной нормы — малодетности, что привело к снижению рождаемости. Отмирание социальной нормы многодетности привело к тому, что сегодня позиции «хотим иметь...» и «имеем ... детей» совпали. Например, по результатам переписи 2002 г. в России 90 % семей имели 1–2 детей, а в 2010 г. — уже 94,2 % семей. В Пермском крае перепись 2002 г. показала, что 94,8 % семей были малодетными, а в 2010 г. доля 1–2-детных семей сократилась на 0,5 %. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в Пермском крае есть семьи, в которых у супругов имеется неудовлетворенная потребность в количестве детей.

Причинами отказа от рождения ребенка, как показал опрос 2000 чел., проведенный Росстатом в 30 регионах страны, являются материальные трудности, на что указали 85 % опрошенных; неуверенность в завтрашнем дне (83 %) и жилищные проблемы, отмеченные 65 % опрошенных [12].

Суммарный коэффициент рождаемости в последние годы составил 1,5 рождения на одну россиянку, в то время как для простого замещения поколений нужно 2,15 рождений. Среднее число детей, рожденных россиянками, в расчете на 1000 женщин уменьшилось с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. [5].

Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. позволяют сделать вывод о том, что резервы повышения рождаемости в стране не исчерпаны. Более половины женщин России (54 %) первого ребенка родили в возрасте 20–24 лет; 19 % — в возрасте 19 лет и младше и 19% — в возрасте 25–29 лет. Т.е. 92 % женщин испытали материнство в возрасте до 29 лет, что позволяет сделать предположение, что до 35 лет при наличии государственной политики стимулирования рождаемости они могут родить еще одного малыша [5].

В настоящее время беспокойство вызывает и тот факт, что в России все большую популярность приобретают куклы-младенцы (реборны), «ухаживая» за которыми женщины реализуют свой материнский инстинкт. Наблюдения изготовителей и продавцов реборнов показали, что среди тех, кто покупает кукол-младенцев, преобладают люди, у которых погиб ребенок, и женщины, знающие о своем бесплодии [11].

Одновременно с тенденцией сокращения рождаемости наблюдалось *увеличение числа нерожденных детей*. В начале 1990-х гг. прошлого века в России на 100 рождений младенцев приходилось 140 абортов, в 2002 г. — уже 215–230, а в 2010 г., по словам Е. Мизулиной, число абортов в три раза превышало число рождений детей. По неофициальным данным ежегодно в результате абортов Россия недосчитывается до 6 млн. новорожденных. Примерно десятая часть абортов относится к женщинам в возрасте до 20 лет. Число абортов превышает число рождений детей во всех возрастных группах женщин: в группе 20–24-летних превышение минимальное, а в возрасте 40–44 лет разница достигает девяти раз в пользу искусственного прерывания беременности. В среднем на одну россиянку приходится два аборта, чаще их делают женщины в возрасте 20–34 лет. В Пермском крае на 100 рождений в 2005 г. приходилось 140 абортов, в 2010 г. — почти в два раза меньше, а в 2012 г. — 67 [4].

С нарастанием числа разводов получила распространение повторная семья, структура которой намного сложнее, чем структура нуклеарной

семьи. Появились такие формы семьи, как альтернативная семья, семья-сожительство, однополая семья и др. Сегодня семьей могут называться двое супругов, проживающих в разных частях света; друзья, вместе снимающие квартиру; отец с ребенком, рожденным ему суррогатной матерью и др. То есть любое отклонение от классической семьи можно признать в качестве новой формы семейной жизни, и таковых специалисты насчитывают до 56.

Важнейшей тенденцией развития брака и семьи в современном обществе признается тенденция *нарастания численности лиц, отказывающихся от брака и собственной семьи*, т.е. нарастание безбрачия. Данное явление стало объектом внимания европейских социологов около сорока лет назад, когда было замечено, что до 40 % европейцев не желают вступать в брак. В России избегают брака примерно 30 % лиц бракоспособного возраста. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. никогда не состояли в браке 24,9 млн. россиян бракоспособного возраста, из них мужчин было 13,6 млн., женщин — 11,3 млн. чел. К 2010 г. общая численность лиц бракоспособного возраста, никогда не состоявших в браке, сократилась до 24,0 млн., в т.ч. численность холостых мужчин сократилась на 2,1 % и составила 13,3 млн. чел. Доля женщин, никогда не состоящих в браке, сократилась на 0,9 % и достигла 10,8 млн. человек [7]. В Пермском крае на 1000 чел. в 2002 г. приходилось 259 мужчин и 195 женщин, никогда не состоявших в браке, а в 2010 г. — 250 мужчин и 181 женщина [7].

Мужское холостячество можно объяснить тем, что изменилось отношение общества к холостякам: оно перестало осуждать холостяков. Но социологи выделили несколько факторов, «провоцирующих» холостячество. Часть современных мужчин настолько увлечена работой, что не хочет обременять себя семьей. Часть из них считает, что зарабатывает недостаточно, чтобы содержать семью. Многообразие бытовой техники, наличие хорошей сферы обслуживания привели к тому, что современный мужчина перестал нуждаться в кухарке, прачке и т.п., роли которых в семье всегда выполняла супруга. Кроме того, он, выросший при заботливой маме, часто ищет жену, похожую на мать, но среди современных девушек найти такую, как мама, сложно, и ему проще остаться одному.

Женское «холостячество» в настоящее время начинает утверждаться как новая социальная норма. Следует обозначить ряд причин, способствующих развитию данного процесса. Женщина, пережив сложный развод в первом браке, иногда второму браку предпочитает одиночество. На брачном рынке для разведенной женщины может сложиться неблагоприятная ситуация. Так, социологи доказали, что вероятность замужества для женщины высока в возрасте 19–21 год, затем она начинает снижаться для возраста 27–28 лет и достигает невысокого уровня у 37–38-летних женщин. Кроме того, девушка, выросшая при разведенной матери, слабо нацелена на брак, она часто остается одинокой, т.к., со слов матери, все мужчины предатели, подонки. Женщину сегодня вполне устраивают внебрачные связи, которые общество перестало осуждать.

Среди холостяков и холостячек часто встречаются бывшие детдомовские дети, которых никто не научил жить в браке.

Таким образом, в современной семье происходят существенные изменения, последствия которых однозначно оценить пока невозможно. В связи с этим перед исследователями с особой остротой встал вопрос о будущем семьи. Социологи, опираясь на результаты данных статистики и социологических исследований, делают противоположные прогнозы. *Оптимисты* утверждают, что семья еще долгое время будет высочайшей ценностью не только для общества, но и для отдельного человека. У человека были, есть и будут потребности, которые он может удовлетворять только в семье. Кризис института семьи оптимисты определяет как необходимый этап на пути его эволюции, после чего семья выйдет на новый уровень развития.

Пессимисты приходят к выводу, что семья как социальный институт себя изживает и в будущем исчезнет. На смену семье придут новые отношения, основанные на новой модели сексуального поведения, которые по содержанию не будут семейными в традиционном понимании. По предположениям пессимистов, через несколько десятилетий женщина, положение которой в семье и обществе изменится кардинальным образом, утратит инстинкт и функцию материнства, ее личные интересы вступят в противоречие с интересами матери, и она откажется от рождения детей.

Список литературы

1. *Антонов А.И.*, Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000. 416 с.
2. *Бачинин В.А.* Социология. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. 288 с.

3. *Гидденс Э.* Социология: учебник 90-х годов. Челябинск, 1991. 278 с. (Реферированное издание).
4. *Демографический* ежегодник России. 2012: стат. сборник. М.: Росстат, 2012. 535 с.
5. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. // Рос. газета. 2011. 16 дек.
6. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 1. URL: gks.ru (дата обращения: 01.08.2014).
7. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 2. URL: gks.ru (дата обращения: 01.08.2014).
8. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 2003. 336 с.
9. *Лоусон Т.*, Гэррод Д. Социология. А–Я: Словарь-справочник / пер. с англ. К.С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 608 с.
10. *Панкратова Н.В.* Социальный и биологический аспект родительства // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 116–123.
11. *Поддельные* дети, поддельная жизнь. URL: http://reborndoll.ru/2011/06/ (дата обращения: 27.08.2014).
12. *Размножаться* не буду // Комс. правда. 2010. 11–18 марта.
13. *Семья* меняет облик // Исследования ВШЭ. URL: www.opec.ru/1633j74.html (дата обращения: 31.07.2014).
14. *Смелзер Н.* Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
15. *Социально-демографический* портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России». 2012. URL: gks.ru/free_doc/new (дата обращения: 27.08.2014).
16. *Харчев А.Г.* Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003. 342 с.

Получено 01.10.2014.

References

1. Antonov A.I., Sorokin S.A. *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka* [The future of the family in Russia of XXI century]. Moscow, 2000, 416 p. (In Russian).
2. Bachinin V.A. *Sotsiologiya. Entsiklopedicheskij slovar'* [Sociology. Encyclopaedic dictionary]. Saint Petersburg, Mikhajlov's V.A. Publ., 2005, 288 p. (In Russian).
3. Giddens A. *Sociologiya: uchebnik 90-h godov (Referirovannoe izdanie)* [Sociology: textbook of the 1990 s (Peer-reviewed edition)]. Chelyabinsk, 1991, 278 p. (In Russian).
4. *Demographicheskij ezhegodnik Rossii. 2012. Statisticheskij sbornik* [Demographic annals of Russia. 2012. Statistical compendium]. Moscow, Federal State Statistics Service Publ., 2012, 535 p. (In Russian).
5. [Overall results of All-Russian population census. 2010]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2011, Dec. 16. (In Russian).
6. *Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010. Tom 1* [Overall results of All-Russian population census. 2010. Vol. 1]. Available at: gks.ru (Accesed 01.08.2014). (In Russian).
7. *Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010. Tom 2* [Overall results of All-Russian population census. 2010. Vol. 2]. Available at: gks.ru (Accessed 01.08.2014). (In Russian).
8. Kon I.S. *Rebenok i obschestvo* [A child and the society]. Moscow, 2003, 336 p. (In Russian).
9. Lawson T., Harrod D. *Sociologiya. A-Ya. Slovar'-spravochnik* [Sociology. A-Ya. Dictionary-guide]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2000, 608 p. (In Russian).
10. Pankratova N.V. [Social and biological aspect of parenthood]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2006, no 4, pp. 116–123. (In Russian).
11. *Poddel'nye deti, poddel'naya zhizn'* [Counterfeit children, counterfeit life]. Available at: http://reborndoll.ru/2011/06/ (Accessed 27.08.2014). (In Russian).
12. [I shall not spawn]. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. 11–18 March, 2010. (In Russian).
13. *Sem'ya menyaet oblik. Issledovaniya VSHE* [Family changes its image. Reseaarches bt Higher School of Economics]. Available at: www.opec.ru/1633j74.html. (Accessed 31.07.2014). (In Russian).
14. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Feniks Publ., 1994, 688 p. (In Russian).
15. *Sotsial'no-demographicheskij portret Rossii: Po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda* [Social and demographic portrait of Russia: Following the results of 2010 All-Russian population census]. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2012. Available at: gks.ru/free_doc/new. (Accessed 27.08.2014). (In Russian).
16. Kharchev A.G. *Sotsiologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki* [Sociology of family: problems of science formation]. Reprinted from 1979 edition. Moscow, TSSP Publ., 2003, 342 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

MODERN RUSSIAN FAMILY

Ludmila A. Hachatryan

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Family is the most important social institution, the functioning of which is due to the effect of certain trends that have specific historical character. Russian family under the influence of modern trends is undergoing major changes, the consequences of which are important for both family and for society in general. This article discusses trends in family in Russia and the features of their manifestation in the Perm region. Positive and negative sides of the actual marriage which acts as new social norm in modern Russian society are allocated. Regularities in change of sexual roles in a family and marriage are noted. On the basis of statistical data and results of sociological researches, the tendency of division of a matrimony and parenthood is designated. The social problems caused by decrease in birth rate and increase of number of the persons refusing marriage and a family are described.

Key words: forms of marriage; divorce; evasion of marriage; nuclear family; marital family; fertility.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Хачатрян Л.А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 111–120.

Please cite this article in English as:
Hachatryan L.A. Modern Russian family // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 111–120.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала **«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898)** приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory и EBSCO Discovery Service,** в электронные библиотеки **«IPRbooks»**, **«Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт»,** а также в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ**).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «…», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «…“…”…».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи. При оформлении источника списка литературы обязательно указывается: для ***книг*** — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; ***для журнальных статей***, ***сборников трудов*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для ***материалов конференций*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК.**
- **аннотацией** 500–600 знаков с пробелами.
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках.
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на **электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

В случае предоставления скан-копии справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения, **плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается.**

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2014 году:

Сроки представления рукописей статей	**Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника**
в № 1(17) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(18) — до 01 мая	30 июня
в № 3(19) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(20) — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of ***The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*** **(ISSN 2078-7898)** invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Bulletin* is included in the international databases ***Ulrich's Periodicals Directory*** **and** ***EBSCO Discovery Service***, in the digital libraries ***IPRbooks, University Library On-line***, ***CyberLeninka***, ***Rucont*** and also it is included in **Russian Science Citation Index.**

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «…»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «…"…"…»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81] or [1, p. 81–82]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Bulletin*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor is it before another journal for consideration and will not be sent to other journals for publication. Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2014

Submission deadlines	**Planned date of publication**
No 1(17) February 1	March 31
No 2(18) May 1	June 30
No 3(19) August 1	September 30
No 4(20) October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014
Выпуск 4 (20)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 14,3.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15